

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издаётся с 2018 года

2025 – № 4 (29)

Ярославль
2025

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2025. – № 4 (29). – 195 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2025-4-29. – EDN WYMIQGQ.

Редакционная коллегия

Главный редактор: М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** О. А. Коряковцева, доктор политических наук, профессор, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; И. Ю. Тарханова, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** Т. С. Акопова, кандидат социологических наук, доцент кафедра социально-политических теорий, лекан факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; С. А. Бабуркин, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; Н. А. Баранов, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; Т. В. Бугайчук, доктор политических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Вейин Чжок, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; А. В. Волкова, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; Ю. А. Головин, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Л. Н. Данилова, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Е. Иныхуа, доктор исторических наук, доцент Института истории Хайлунцзянского университета, г. Харбин, КНР; А. М. Ермаков, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, лекан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Ж. А. Захарова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; П. Л. Карабушкин, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; Г. Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского; А. Ло, доктор исторических наук, профессор Института истории и культуры Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; А. В. Лубков, доктор исторических наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета, г. Москва; А. А. Машковцев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политических наук Вятского государственного университета, г. Киров; С. А. Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; Д. Г. Сельцер, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; Л. Г. Титова, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Ирэна Успенце, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Стаднича, г. Рига, Латвия; В. А. Фокин, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; Я. Ю. Шашкова, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; В. А. Ясинин, доктор психолого-педагогических наук, профессор, и. о. заведующего междисциплинарной кафедрой образовательных систем и педагогических технологий Московского государственного института международных отношений МИД России, г. Москва; Ч. Чжан, доктор исторических наук, профессор, директор Центра новой мировой истории Института истории Пекинского педагогического университета, г. Пекин, КНР; В. Т. Юнгблуд, доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета, г. Киров; Яо Хай, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу, КНР.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республикаанская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2025

© Авторы статей, 2025

Founder:
Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Social and political researches: scientific journal. – Yaroslavl: RIO YSPU, 2025. – №4 (29). – 195 p. –
ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2025-4-29. – EDN WYMJGQ.

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. N. Gushchina**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. S. Akopova**, candidate of sociological sciences, associate professor, dean of faculty of socio-political sciences, Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **T. V. Bugaichuk**, doctor of political sciences, associate professor of department of theory and methodology of professional education Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ye Yanhua**, doctor of history, associate professor Institute of history, Heilongjiang University, Harbin, China; **A. M. Ermakov**, doctor of historical sciences, professor of the department of world history, dean of the faculty of history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **G. N. Kocheshkov**, doctor of historical sciences, professor, head of the department of national history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. Lo**, doctor of history, professor, institute of history and culture, Central Chinese pedagogical university, Wuhan, China; **A. V. Lubkov**, doctor of historical sciences, professor, academician of the Russian academy of education, rector of the Moscow state pedagogical university, Moscow; **A. A. Mashkovtsev**, doctor of historical sciences, professor, head of the department of history and political sciences of the Vyatka state university, Kirov; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Irena Upeniee**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradiņš, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow; **Z. Zhang**, doctor of historical sciences, professor, director of the new world history centre of the institute of history of Beijing normal university, Beijing, China; **V. T. Yungblyud**, doctor of historical sciences, professor, president of Vyatka state university, Kirov; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou, China.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences in the following scientific specialties are published: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications,
information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2025
© Authors of articles, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

- Никовская Л. И.** Традиционные ценности как фактор консолидации российского общества: от постановки проблемы к реальности _____ 6

- Баранов Н. А., Скворцов Д. Е.** Институционализированная русофobia как форма политического мифотворчества _____ 20

- Савва Е. В.** Проблемы методологии прогнозирования конфликтов с этническим компонентом _____ 37

- Епархина О. В.** Антропологический конструкт «*homo politicus*» в поле современной российской политики _____ 53

Социально-политическая история России

- Аграфонов П. Г.** Ярославль XVII – начала XX в. глазами иностранцев: женский взгляд _____ 65

- Бао Ханьхань** Влияние протекционистской таможенной политики России на германо-российские отношения (конец XIX – начало XX века) _____ 78

- Машковцев А. А.** Борьба органов милиции с дезертирством в Кировской области в годы Великой Отечественной войны _____ 94

Теория, методика и организация социально-культурной деятельности

- Байханов И. Б.** Формирование профессиональной идентичности будущих педагогов в контексте российских традиционных духовно-нравственных ценностей _____ 108

- Доссэ Т. Г.** Коммуникативный фактор развития субъектности _____ 128

- Щербинина О. С., Осетрова А. А., Смирнова Т. Б., Майорова Н. С.** Воздействие позитивных и негативных результатов олимпиады на самооценку одаренных школьников _____ 140

- Пономарева О. С.** Условия повышения эффективности допрофессиональной педагогической подготовки школьников в контексте реализации государственной образовательной политики _____ 158

- Кротенко Т. Ю.** Направления трансформации инженерно-экономического образования в эпоху развития искусственного интеллекта _____ 176

THE CONTENT

Political institutions, processes and technologies

- Nikovskaya L. I.* Traditional values as a factor of russian society's consolidation: from problem statement to reality 7

- Baranov N. A., Skvortsov D. E.* Institutionalized russophobia as a form of political myth-making 21

- Savva E. V.* Problems of methodology for predicting conflicts with an ethnic component as an object of scientific research 38

- Eparkhina O. V.* The anthropological construct “homo politicus” in the field of modern russian politics 54

Socio-political history of Russia

- Agrafonov P. G.* Yaroslavl of the XVII – early XX centuries through the eyes of foreigners: a woman's look 66

- Bao Hanhan* The influence of Russia's protectionist customs policy on german-russian relations (late XIX – early XX centuries) 79

- Mashkovtsev A. A.* The police's fight against desertion in the Kirov region during the Great Patriotic war 95

Theory, methods and organization of socio-cultural activities

- Baykhanov I. B.* Formation of future teachers' professional identity in the context of russian traditional spiritual and moral values 109

- Dosse T. G.* Communicative factor of subjectivity development 129

- Shcherbinina O. S., Osetrova A. A., Smirnova T. B., Mayorova N. S.* Impact of positive and negative results of the olympiad on gifted schoolchildren's self-esteem 141

- Ponomareva O. S.* Conditions for increasing the effectiveness of pre-professional pedagogical training of schoolchildren in the context of implementing the state educational policy 159

- Krotenko T. Yu.* Directions for the transformation of engineering and economic education in the era of artificial intelligence development 177

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Научная статья

УДК 323.2

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-6

EDN: WQZKWy

Традиционные ценности как фактор консолидации российского общества: от постановки проблемы к реальности

Лариса Игоревна Никовская

Доктор социологических наук, кандидат философских наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, г. Москва;
старший научный сотрудник института проблем передачи информации, Российской академии наук, г. Москва;
профессор, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва
nikovsky@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме функционирования и развития российского общества – проблематике сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Защита и реализация традиционных ценностей является одним из приоритетных направлений России, что побуждает государство разрабатывать и принимать различные нормативно-правовые документы, законы, которые обеспечивают реализацию данного стратегического направления как в деятельности современного российского государства, так и в функционировании социума, его основных субъектов. В статье представлен анализ теоретико-методологических оснований определения феномена традиционных ценностей в культурно-историческом пространстве российского общества, а также его политической культуре, подробно очерчивается нормативно-правовая база их конституирования и функционирования в правовом поле государства. Традиционные ценности понимаются в статье как основа формирования нового ценностно-смыслового контура российского государства. Особая призма данного ценностного-мировоззренческого поворота в публичном пространстве связана с усилившейся государственной политикой противостояния западному влиянию и обеспечению национального суверенитета. Власть при этом продвигает данные ценностные конструкты с целью общественного сплочения, так как для консоли-

дации людей необходим некоторый основополагающий свод идей, которые имеют укоренение в исторической памяти общества и населяющих государство народов. Сами традиционные ценности с точки зрения законодательства являются фундаментальными духовно-нравственными ориентирами, формирующими мировоззрение граждан России, передаваемыми от поколения к поколению, лежащими в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющими гражданское единство, нашедшими своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. По результатам исследований, проведёнными Институтом социологии Российской Академии наук, значимой мировоззренческой доминантой общественного сознания населения Российской Федерации является приоритет цивилизационного суверенитета страны, ценности коллективизма и модели государственно-центричной политической системы с опорой на твердую государственную власть. Показано, что установку на значимость ценностно-цивилизационного суверенитета страны разделяют $\frac{3}{4}$ россиян, причем представители разных поколений. Возрастает и ощущение значимости морально-нравственных факторов в развитии общества.

Ключевые слова: традиционные ценности; морально-нравственные факторы; историческая память; цивилизационный суверенитет; общественное сознание; мировоззрение; консолидация; сплочение; гражданская идентичность

Для цитирования: Никовская Л. И. Традиционные ценности как фактор консолидации российского общества: от постановки проблемы к реальности // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 6–19. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-6>. <https://elibrary.ru/WQZKWy>.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Traditional values as a factor of russian society's consolidation: from problem statement to reality

Larisa I. Nikovskaya

Doctor of sociological sciences, candidate of philosophical sciences, chief researcher Institute of socio-political research, Federal research sociological center of the Russian academy of sciences, Moscow;
senior researcher institute for communication problems, Russian academy of sciences, Moscow;
professor of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, Moscow
nikovsky@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

Abstract. The article is devoted to an urgent topic of the functioning and development of Russian society – the problems of preserving and strengthening traditional spiritual and moral values. The protection and realization of traditional values is one of Russia's priorities, which encourages the state to develop and adopt various regulatory documents and laws that ensure the implementation of this strategic direction both in

Традиционные ценности как фактор консолидации российского общества: от постановки проблемы к реальности 7

the activities of the modern Russian state and in the functioning of society, its main subjects. The article presents an analysis of the theoretical and methodological foundations for determining the phenomenon of traditional values in the cultural and historical space of Russian society, as well as its political culture, and outlines in detail the legal framework for their constitution and functioning in the legal field of the state. Traditional values are understood in the article as the basis for the formation of a new value-semantic contour of the Russian state. The special prism of this value-worldview turn in the public space is associated with the increased state policy of opposing western influence and ensuring national sovereignty. At the same time, the government promotes these value constructs for the purpose of social cohesion, since for the consolidation of people some fundamental set of ideas is needed that are rooted in the historical memory of society and the peoples inhabiting the state. From the point of view of legislation, traditional values themselves are fundamental spiritual and moral guidelines that shape the worldview of Russian citizens, passed down from generation to generation, form the basis of the all-Russian civic identity and the unified cultural space of the country, strengthen civic unity, and find their unique, distinctive manifestation in the spiritual, historical, and cultural development of the multinational people of Russia. According to the latest results of sociological research conducted by the National research center of the Russian Academy of sciences, the key ideological dominant of public consciousness today is the priority of Russia's civilizational sovereignty, the values of community, collectivism, and the model of a state-centered political system based on solid state authority. It is shown that the attitude towards the importance of the value and civilizational sovereignty of the country is shared by $\frac{3}{4}$ of Russians, and by representatives of different generations. There is also a growing sense of the importance of moral factors in the development of society.

Key words: traditional values; moral factors; historical memory; civilizational sovereignty; public consciousness; worldview; consolidation; cohesion; civic identity; ideology; public policy; risks, threats

For citation: Nikovskaya L. I. Traditional values as a factor of Russian society's consolidation: from problem statement to reality. *Social and political researches*. 2025;4(29): 6–19. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-6>. <https://elibrary.ru/WQZKWWY>.

Введение

Глобальные тенденции развития современного мира на данный момент характеризуются усилением конфронтация западного и незападного обществ. Угроза существованию российского государства в настоящее время настолько очевидна, что уже не может не вызвать реакцию в российском обществе. Чувство опасности мобилизует

гражданское общество на решительную борьбу за собственный цивилизационный суверенитет, население понимает необходимость сохранения верности традиционным ценностям, нормам и мировоззренческим ориентирам, которые, безусловно, составляют основу национально-государственной идентичности. Данный аспект подтверждает выступление Президента

Российской Федерации на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», которое прошло в октябре 2021 г. В частности, было подчеркнуто, что в период, когда идут мировые модернизационные процессы, нашей стране необходимо выстраивание главных приоритетов с опорой на собственные духовные ценности. Отметив, что система ценностей – это «универсальный продукт культурно-исторического развития каждой нации», Президент Российской Федерации заявил о недопустимости внешнего диктата в этой области [Заседание дискуссионного ..., 2021].

Результаты исследования

Традиционные российские духовно-нравственные ценности представляют набор ориентиров, на которых строится новый ценностно-смысловой контур российского государства. Особая модальность данного ценностного мировоззренческого поворота связана с усилившейся государственной политикой противостояния западному влиянию и обеспечению национального суверенитета. Власть при этом продвигает данные ценностные конструкты с целью общественного сплочения, так как для консолидации людей необходим некоторый основополагающий свод идей, которые имеют укоренение в исторической памяти общества и населяющих государство народов. Сами традиционные ценности с точки зрения законодательства являются духовно-

нравственными ориентирами, формирующими мировоззрение граждан России, передаваемыми от поколения к поколению, лежащими в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющими гражданское единство, нашедшими свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. К ним относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [Гилязова, 2024; Илларионов, 2024; Николаев, 2023; Мишучков, 2015].

На данный момент дискуссионным остается важный вопрос: *какие именно ценности включать в перечень традиционных, чтобы при этом они также соответствовали понятию общероссийских?* К сожалению, в научном сообществе единства мнений в этом вопросе не существует, и многие современные исследователи российской культуры продолжают спорить, что можно считать традиционной ценностью, а что – нет. Так, одни авторы утверждают, что традиционными

ценностями являются «примат духовного над материальным, соборность, православие, труд, справедливость, свободолюбие, любовь к земле, любовь к женщине – матери и супружнице, любовь и служение Отчизне, готовность к защите Отечества, вплоть до самопожертвования, приоритет государства над личностью» [Котярова, 2010, с. 85]. Другие авторы обращаются к классикам русской литературы и философии и выделяют такие ценности, как «всечеловечность, spontанность, общинность, соборность, державность, государственность, коммунитарность, иррациональность, церковность» [Рассадина, 2008, с. 45]. Авторитетные эксперты в области общественной идеологии В. Э. Багдасарян и архимандрит Сильвестр (С. П. Лукашенко), апеллируя к идее переосмысливания культурно-исторического опыта российского государства, выдвинули более широкий список ценностных ориентиров, среди которых: Родина, религия и религиозная вера, любовь, жизнь, государственное и общественное служение, суверенитет, духовность, соборность, общинность, сосуществование народов, сострадание, альтруизм, мир, семья, труд, сакральность власти [Багдасарян, 2022].

Некоторые исследователи акцентируют большее внимание именно на определении *традиционные ценности*, показывая, что *традиционные ценности* – это «ценности консервативные, выражающие идеологическую привер-

женность традиционным порядкам, социальным и религиозным доктринам» [Дежнев, 2015, с. 73].

Ряд исследователей считает более органичным экзистенциально-аксиологический подход, который рассматривает традиционные ценности как «смысло-значимые ориентиры жизнедеятельности, ядро мировоззрения личности и культуры, выражающие стремление к устойчивому сохранению единства человека и общества (государства, социальной группы), связи с его историческим прошлым, национальными и культурными особенностями, приоритетом классических духовных (нравственных, эстетических, когнитивных, религиозных) принципов и добродетелей. Традиционные ценности характеризуются коллективизмом, социальным единством, солидарностью, высокой ролью семьи, социальных обществ и государства, а также следованием исторически установленным канонам понимания блага, истины, красоты, гуманности без стирания и размывания их границ» [Баева, 2024, с. 17].

Известные зарубежные авторы, такие, как Р. Инглхарт и У. Бейкер соотносят данный феномен с концептом исторической памяти, показывая, что традиционные ценности – это убеждения и модели поведения, которые широко распространены среди определенной группы людей и передаются из поколения в поколение [Inglehart, 2000].

Таким образом, краткий обзор трактовок концепта традиционных

ценностей демонстрирует отсутствие единства в понимании предметного среза данного явления и открытость проблематики его количественного исчисления.

Нормативно-правовое обеспечение российской государственной политики дало импульс к пониманию статуса мировоззренческих и ценностных приоритетов, которые соответствуют национально-государственной идентичности большинства граждан Российской Федерации. Это, в частности, отражено в президентском указе о государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, принятом в ноябре 2022 г., где говорится о необходимости противодействовать в условиях глобального цивилизационного кризиса «чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества» идейно-ценностной агрессии со стороны западных сил [Указ Президента РФ от 09.11.2022 ...].

Впервые традиционные духовно-нравственные ценности были введены в законодательство в 2012 г., когда был опубликован Указ Президента «О Стратегии государственной национальной политики», в котором защита традиционных ценностей была обозначена как один из элементов национальной безопасности. На момент подписания Указа не было никаких дополнительных подробностей относительно того, что из себя эти ценности представляют, какие кон-

кретно ценности необходимо защищать. Однако помимо констатации важности защиты традиционных духовно-нравственных ценностей они также были описаны как основа российского общества наряду с этнокультурным и языковым многообразием Российской Федерации [Указ Президента РФ от 19.12.2012 ...].

Продолжая повестку, обозначенную в 2012 г., в 2021 г. Подписывается новый Указ Президента «О Стратегии национальной безопасности». В нем укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей так же закрепляется как один из национальных интересов России. При этом в этом же пункте помимо укрепления традиционных ценностей наравне с этим стоит сохранение культурного и исторического наследия народа России [Указ Президента РФ от 02.07.2021 ...]. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти прописывается также как один из национальных приоритетов страны [Указ Президента РФ от 02.07.2021 ...]. Использование более сильного слова здесь можно считать не только чисто символической заинтересованностью государства, но некоторой готовностью действовать для реализации мероприятий в рамках этого приоритета.

Исходя из вышеперечисленного, можно заметить, что традиционные ценности для государства неотъемлемо связаны с исторической памя-

тью, культурным наследием, многонациональностью российского народа. Это сходится с пониманием традиционных ценностей как феномена, отсылающего к устойчивым убеждениям в определённой культуре, которые сохраняют свою значимость даже спустя большой период времени. Большое внимание уделяется многообразию этих самых культур, скорее всего для того, чтобы указать на сплочённость народов России вокруг общих идеалов и ценностных ориентиров. Также заявляется, что «российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны» [Указ Президента РФ от 02.07.2021 ...]. Подразумевая, что указанные ценности являются не только основой российского общества, но и критически важным элементом, без которого будущее страны невозможно. «Талант народа» здесь опять отсылает к тому, что традиционные ценности были сформированы благодаря общему опыту всех национальностей и их культурам, еще раз подчеркивая необходимость объединения людей вокруг одной идеи.

Интересно, что в документе прописано следующее: «сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотическое воспитание граждан будут способствовать дальнейшему развитию демократи-

ческого устройства Российской Федерации и ее открытости миру» [Указ Президента РФ от 02.07.2021 ...]. Однако никак не уточняется, каким именно образом традиционные ценности могут влиять на развитие демократии. Если опираться только на нормативно-правовые акты, вступившие в силу до принятия конкретно этого Указа, то списка традиционных ценностей представлено не было. Исследуя богатую историю России несложно счесть консолидацию власти в руках одного человека или группы лиц традиционной ценностью, так как именно такой режим преобладал на протяжении всей истории страны вплоть до 1990-х гг. и находил свое отражение в элементах российской культуры. Такое обстоятельство противоречило бы демократическим тенденциям развития России.

Чтобы внести понимание в проблему неопределенности традиционных ценностей, в конце 2022 г. Появляется Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В этом документе спустя 10 лет, наконец-то, дали как определение российских традиционно духовно-нравственных ценностей, так и их перечень.

Итак, согласно Указу, «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению,

лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [Указ Президента РФ от 09.11.2022 ...]. «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, колlettivizm, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Указ Президента РФ от 09.11.2022 ...].

Как можно заметить, определение традиционных ценностей с точки зрения законодательства несколько разнится с определениями, которые приводятся в научном обществе, однако сохраняет основную мысль. При этом делается упор на единстве и сплоченности российского общества, что поддерживает теорию о том, что введение традиционных ценностей в жизнь страны на законодательном уровне было основано на необходимости в создании некоторого объединяющего фактора. Это проявляется в использовании следующих слов: «общероссийской», «единого»,

«укрепляющие единство», «коллективизм», «единство народов».

Второй раздел Указа посвящен рискам и угрозам традиционным ценностям, что объясняет необходимость и в их защите, сохранении и укреплении. Так, главными угрозами считаются «деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России» [Указ Президента РФ от 09.11.2022 ...]. Конкретные организации и лица не приводятся, однако исходя из политики государства можно предположить, что таковыми являются организации и лица, признанные иностранными агентами, так как в документе объясняется, что основная угроза традиционным ценностям исходит извне.

Также в документе есть доказательство того, что традиционные ценности подразумеваются именно как основа новой идеологии, хотя таковой напрямую и не называются. В противоположность традиционным ценностям вводится понятие «деструктивная идеология», которое «ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей» и

включает в себя «культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидающего труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» [Указ Президента РФ от 09.11.2022 ...]. Все это является прямыми антиподами прописанных традиционных ценностей, что и позволяет считать их составляющими современной идеологии российского общества.

Основа государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей и ее предполагаемые результаты заключаются в том, что это будет «способствовать сбережению и приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности, развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране, укреплению законности и правопорядка, формированию безопасного информационного пространства, защите российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижению национальных целей развития, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации» [Указ Президента РФ от 09.11.2022 ...].

Таким образом, этот Указ с более подробным описанием традиционных ценностей является расширенным дополнением к Указу «О Стратегии национальной безопасности». Также, продолжая уже заданное направление, он объясняет, каким образом традиционные ценности могут способствовать развитию России, и указывает, в каких конкретно областях это произойдет.

Еще одно важное упоминание традиционных ценностей в нормативно-правовой сфере произошло в 2020 г. С принятием поправок в Конституцию. Статья 114 закрепляет, что Правительство РФ «обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды» [Конституция ..., 2020]. Таким образом в законодательство было введено понятие «традиционные семейные ценности», однако, как и в случае с более широким понятием «традиционные ценности», изначально оно не было никак объяснено в других нормативно-правовых актах.

Данное объяснение произошло только в марте 2025 г. В «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики» приведен следующий перечень традиционных семейных ценностей: «брак как союз мужчины и женщи-

ны, уважение детей к старшим поколениям, доверие и забота нескольких поколений семьи друг о друге» [Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р …, 2025]. В документе также были приведены данные социологического опроса, демонстрирующего, что 67 % россиян считают крепкую семью наиболее важной ценностью, при этом среди молодёжи до 24 лет такого мнения придерживаются только 57 %. Именно данная ситуация стала импульсом к определению государственной семейной политики в качестве приоритетной. Традиционные ценности формируются у детей в сензитивном возрасте (в семье и дошкольном образовательном учреждении).

Вопрос о роли и месте традиционных духовно-нравственных ценностей в российском обществе имеет не только правовое, научно-дискуссионное измерение, но и социологическое. В настоящее время российский социокультурный контур не отличается однородностью, и линия напряжения проходит по противопоставлению на условных «западников» и «почвенников», то есть тех, кто поддерживает цивилизационную самостоятельность страны. Ученые Института социологии Российской Академии наук констатируют, что данное идейное противоречие «остается важнейшей характеристикой мировоззренческой карты российского общественного сознания и дает ключ к изучению многих его явлений и состояний» [Седова, 2023, с. 177].

Мы говорим о двух разных типах идентичности, опирающихся на разные ценностные основания: «Традиционные ценности национальной политической культуры», или «модернистские, глобалистские ценности и представления» [Шестopal, 2023, с. 153].

Говоря о последних публикациях, можно сделать вывод, что приоритетной мировоззренческой доминантой общественного сознания стал *цивилизационный суверенитет* России с опорой на государственную власть. Кроме того, важно отметить значительный рост в понимании данного приоритета среди населения страны – по сравнению с 2020 г. Показатели возросли с 69 % до 74 %. Есть и те, кто придерживается другой точки зрения, но и там произошли изменения, в частности количество противников цивилизационного суверенитета России сократилось за тот же период с 29 % до 25 % [«Стрела времени» …, 2024, с. 164]. Иными словами, установку на значимость ценностно-цивилизационного суверенитета страны разделяют $\frac{3}{4}$ россиян, причем представители разных поколений. Растет и ощущение значимости морально-нравственных факторов в развитии общества. Надо отметить, что среди молодёжи наблюдается нравственный релятивизм. У нее же наблюдается и более нейтральное отношение к восприятию традиций.

Авторитетные исследователи социопсихологического среза общественного сознания Е. Б. Шесто-

пал и Н. Н. Рогач в своих работах констатировали, что наконец-то удалось преодолеть комплекс «национальной неполноценности» по отношению к Западу, данный комплекс был характерен с перестроечного периода. Для большинства граждан он остался в прошлом, хотя у отдельных социальных групп его проявления встречаются до сих пор [Шестопал, 2023].

Ученые института социологии Российской Академии наук констатировали, что в России Специальная военная операция также повлияла на население страны в части усиления гражданственности и патриотических чувств. Исследователи отмечают, что в социально-политическом и социокультурном

пространстве появилось «значимое ядро консолидации гражданского общества», которое опирается на объединение народов России и развитие мировоззренческой убежденности, которые так необходимы в преодолении постоянных геополитических вызовов. [Российское общество … , 2022].

Заключение

Таким образом, в целом очевидно, что выбор ценностно-мировоззренческого суверенитета России с опорой на традиционные духовно-нравственные ценности – основной консолидирующий маркер ценностно-смыслового самоопределения российского общества и важный фактор его развития.

Библиографический список

1. Багдасарян В. Э. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения / В. Э. Багдасарян, С. П. Лукашенко, Ю. Ю. Иерусалимский. Ярославль : ООО «SPK», 2022. 248 с.
2. Баева Л. В. Традиционные ценности: понятие и смыслы // *Patria*. 2024. Т. 1, №3. С. 8–22.
3. Гилязова О. С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения // Социально-политические исследования. 2024. №2. С. 27–45.
4. Дежнев В. Н. Традиционные ценности: к определению понятия / В. Н. Дежнев, О. В. Новикова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. №4 (28). С. 71–74.
5. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: сайт. 21.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 25.08.2025).
6. Илларионов Г. А. Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта / Г. А. Илларионов, Ю. В. Грицков, О. Ф. Морозова, Д. В. Рахинский // Социально-гуманитарные знания. 2023. №10. С. 71–74.
7. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года]. Ст. 114, ч. 1, п. «в». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013?index=2> (дата обращения: 07.08.2025).

8. Котлярова В. В. Традиционные ценности в современной культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1. С. 84–86.
9. Мишучков А. А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. №3. С. 65–71.
10. Николаев В. К. Традиционные ценности и мировоззрение / В. К. Николаев, К. А. Николаев // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2023. №1. С. 41–49.
11. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р Об утверждении «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». – Разд. II, гл. 6. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/ (дата обращения: 08.08.2025)
12. Рассадина Т. А. Традиционные ценности русской культуры // Социально-гуманитарные знания. 2008. №1. С. 44–58.
13. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году: [монография] / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.]; отв. Ред. В. К. Левашов ; ФНИСЦ РАН. Москва : ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с.
14. Седова Н. Н. Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте geopolитического конфликта // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 4. С. 176–178.
15. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / под ред. М. К. Горшкова. Москва : Весь мир, 2024. 308 с.
16. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – Ст. 17, п. «г». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 07.05.2025).
17. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.05.2025).
18. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 09.08.2025).
19. Шестопал Е. Б. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политico-психологический анализ / Е. Б. Шестопал, Н. Н. Рогач // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 2. С. 150–165.
20. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American sociological review. 2000. V. 65. №. 1. P. 19–51.

Reference list

1. Bagdasarjan V. Je. Tradicionnye cennosti: strategija civilizacionnogo vozrozhdenija = Traditional values: a strategy for civilizational revival / V. Je. Bagdasarjan, S. P. Lukashenko, Ju. Ju. Ierusalimskij. Jaroslavl': OOO «SPK», 2022. 248 s.
2. Baeva L. V. Tradicionnye cennosti: ponjatie i smysly = Traditional values: concept and meanings // Patria. 2024. T. 1, №3. S. 8–22.
3. Giljazova O. S. Tradicionnye rossijskie cennosti: ponjatija, naznachenie, dostoinstva i ogranicenija = Traditional Russian values: concepts, purpose, advantages and limitations // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2024. №2. S. 27–45.
4. Dezhnev V. N. Tradicionnye cennosti: k opredeleniju ponjatija = Traditional values: towards definition / V. N. Dezhnev, O. V. Novikova // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. №4 (28). S. 71–74.
5. Zasedanie diskussionnogo kluba «Valdaj» = Valdai Discussion Club Meeting // Prezident Rossii: sajt. 21.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (data obrashhenija: 25.08.2025).
6. Illarionov G. A. Tradicionnye cennosti: sootnoshenie nauchnogo ponjatija i politicheskogo proekta = Traditional values: the relationship between a scientific concept and a political project / G. A. Illarionov, Ju. V. Grickov, O. F. Morozova, D. V. Rahinskij // Social'no-gumanitarnye znanija. 2023. №10. S. 71–74.
7. Konstitucija Rossijskoj Federacii: [prinjata vserodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 1 iulja 2020 goda]. St. 114, ch. 1, p. «v» = Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020]. Art. 114, part 1, p. “v”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013?index=2> (data obrashhenija: 07.08.2025).
8. Kotlarova V. V. Tradicionnye cennosti v sovremennoj kul'ture = Traditional values in modern culture // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2010. №. 1. S. 84–86.
9. Mishuchkov A. A. Tradicionnye cennosti v globalizirujushemsja mire = Traditional values in a globalizing world // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №3. S. 65–71.
10. Nikolaev V. K. Tradicionnye cennosti i mirovozzrenie = Traditional values and worldview / V. K. Nikolaev, K. A. Nikolaev // Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo. 2023. №1. S. 41–49.
11. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 15.03.2025 № 615-r Ob utverzhdenii «Strategii dejstvij po realizacii semejnoj i demograficheskoy politiki, podderzhke mnogodetnosti v Rossijskoj Federacii do 2036 goda». – Razd. II, gl. 6 = Order of the Government of the Russian Federation dated from 15.03.2025 No. 615-r On approval of the “Strategy of action for implementing family and demographic policy, support for large families in the Russian Federation until 2036”. – Sec. II, Ch. 6. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/ (data obrashhenija: 08.08.2025).
12. Rassadina T. A. Tradicionnye cennosti russkoj kul'tury = Traditional values of Russian culture // Social'no-gumanitarnye znanija. 2008. №1. S. 44–58.

13. Rossijskoe obshhestvo i gosudarstvo v uslovijah global'noj mnogopoljarnosti. Social'no-politicheskoe polozhenie Rossii v 2022 godu = Russian society and the state in a global multipolar environment. Socio-political situation of Russia in 2022: [monografija] / N. V. Berezina, I. Ja. Bogdanov, N. M. Velikaja [i dr.]; otv. Red. V. K. Levashov ; FNISC RAN. Moskva : FNISC RAN, 2023. 549 s.
14. Sedova N. N. Osobennosti transformacii mirovozzrencheskikh ustanovok rossijskoj molodezhi v kontekste geopoliticheskogo konflikta = Features of the transformation of the worldview of Russian youth in the context of geopolitical conflict // Vestnik Instituta sociologii. 2023. T. 14, № 4. S. 176–178.
15. «Strela vremeni» v massovom soznanii rossijjan: ocenki proshlogo, suzhdelenija o nastojashhem, predstavlenija o budushhem = “The Arrow of Time” in the mass consciousness of Russians: assessments of the past, judgments about the present, ideas about the future / pod red. M. K. Gorshkova. Moskva : Ves' mir, 2024. 308 s.
16. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.12.2012 g. № 1666 «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda». – St. 17, p. «g». = Decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666 “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025.” – Art. 17, p. “g.” URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (data obrashhenija: 07.05.2025).
17. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii». Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (data obrashhenija: 08.05.2025).
18. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 g. № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniju i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» = Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (data obrashhenija: 09.08.2025).
19. Shestopal E. B. Jetapy transformacii psihologicheskogo sostojanija rossijskogo obshhestva: politiko-psihologicheskij analiz = Stages of transformation of the Russian society's psychological state: political and psychological analysis / E. B. Shestopal, N. N. Rogach // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2023. T. 19, № 2. S. 150–165.
20. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American sociological review. 2000. V. 65. № 1. P. 19–51.

Статья поступила в редакцию 27.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 27.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 327.8

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-20

EDN: TAPOFI

Институционализированная русофobia как форма политического мифотворчества

Николай Алексеевич Баранов¹, Даниил Евгеньевич Скворцов^{2✉}

¹Доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Санкт-Петербург

²Аспирант кафедры менеджмента организации, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург

¹nicbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3547-3644>

²skvortsov_de@voenmeh.ru✉, <https://orcid.org/0009-0001-7971-5337>

Аннотация. В современном мире активно прослеживаются устойчивые тенденции развития русофобии, в том числе в политическом контексте. Политики стран коллективного Запада и Восточной Европы активно используют русофобию как метод искажения исторической памяти, дегуманизации русского народа как этнокультурной и политической общности с целью формирования идеологического обоснования для негативного отношения к России и русским с целью решения своих политических и геополитических задач. Но русофобия является далеко не новым явлением в мировой истории. Цель исследования заключается в анализе феномена русофобии как эволюции представлений, взглядов и убеждений на устойчивые парадигмальные установки восприятия России, русской истории, культуры, традиций, политического, экономического и социального устройства. Русофобия представлена не как статическое явление, а как динамическая прогрессия, трансформация интенций в идеологию, а впоследствии в политическую технологию, применяемую западными странами в гибридной войне против России. В рамках исследования проведена концептуализация русофобии как политической технологии, описаны основные механизмы реализации в рамках существующих политических и общественных институтов. В ходе исследования выявлено, что русофобия обладает всей необходимой и достаточной совокупностью критериев для определения как формы политического мифотворчества, направленной на создание искусственного образа России как агрессивного, экономически неразвитого и культурно отсталого государства посредством подмены фактов и критического восприятия символами, образами-вымыслами с целью дегуманизации и последующего обоснования агрессивной политики по отношению к России.

Ключевые слова: русофобия; политическая технология; политический миф; мифотворчество; вымыслы; институционализация, идеология

© Баранов Н. А., Скворцов Д. Е., 2025

Для цитирования: Баранов Н. А., Сквортsov Д. Е. Институционализированная русофobia как форма политического мифотворчества // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 20–36. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-20>. <https://elibrary.ru/TAPOFI>.

Original article

Institutionalized russophobia as a form of political myth-making

Nikolay A. Baranov¹, Daniil E. Skvortsov^{2✉}

¹Doctor of political sciences, professor at department of international relations, North-West institute of management Russian academy of national economy and public administration, St. Petersburg.

²Post-graduate student at department of management of organization, Baltic state technical university “VOENMEH” named after D. F. Ustinov, St. Petersburg

¹nicbar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3547-3644>

²skvortsov_de@voenmeh.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7971-5337>

Abstract. In the modern world, stable trends in the development of russophobia are actively being traced, including in the political context. The politicians of the countries of the collective West and Eastern Europe are actively using russophobia as a method of distorting historical memory and dehumanizing the Russian people as an ethnocultural and political community in order to form an ideological basis for negative attitudes towards Russia and Russian in order to solve their political and geopolitical problems. But russophobia is far from a new phenomenon in world history. The purpose of the study is to analyze the phenomenon of russophobia as the evolution of ideas, attitudes and beliefs into stable paradigmatic attitudes of perception of Russia, Russian history, culture, traditions, political, economic and social structure. Russophobia is presented not as a static phenomenon, but as a dynamic progression, the transformation of intentions into ideology, and subsequently into a political technology used by western countries in a hybrid war against Russia. The study conceptualizes russophobia as a political technology, describes the main mechanisms of implementation within the framework of existing political and public institutions. The study revealed that Russophobia has all the necessary and sufficient criteria to define it as a form of political myth-making aimed at creating an artificial image of Russia as an aggressive, economically underdeveloped and culturally backward state by substituting facts and critical perception with symbols, images and fictions in order to dehumanize and subsequently justify aggressive policy towards Russia.

Key words: russophobia; political technology; political myth; myth-making; fiction; institutionalization; ideology

For citation: Baranov N. A., Skvortsov D. E. Institutionalized russophobia as a form of political myth-making. *Social and political researches*. 2025;4(29): 20–36. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-20>. <https://elibrary.ru/TAPOFI>.

ных стран играет русофobia – демонизация России на основе исторических, религиозных, идеологических и геополитических корней ненависти, существующих на протяжении многих столетий и актуализирующихся в определенные исторические периоды. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации дано следующее определение русофобии – «неприязненное, предвзятое враждебное отношение к гражданам России, русскому языку и культуре, традициям и истории России, выражющееся в том числе в агрессивных настроениях и действиях политических сил и их отдельных представителей, а также в дискриминационных действиях властей недружественных государств в отношении России» [Стратегия противодействия …, 2024]. Причем русофobia, как отмечает швейцарский журналист и политический деятель Г. Меттан, «обладает сильной геополитической коннотацией и является феноменом, присущим исключительно Западу» [Меттан, 2024, с. 34], так как жители Азии, Африки, арабы, южноамериканцы никогда не были русофобами. Очередной всплеск русофобии ознаменовал несогласие России с навязываемым Соединенными Штатами либеральным миропорядком, отказом признавать западное доминирование и расширение НАТО на восток.

Особенность современной русофобии состоит в том, что прежде на Западе отделяли простых граждан от политики государства, а теперь русских преследуют только за при-

надлежность к русской нации, подвергая санкциям, изымая частную собственность и запрещая русскую культуру. Резкий скачок русофобии быстро распространился по всем западным странам под предлогом их объединения на основе западных ценностей, исследование которых происходит на эмоциональном уровне, вопреки здравому смыслу как следствие ненависти, накопившейся за продолжительное время.

В начале XXI в. Английский политолог Р. Кейган писал: «Если европейцы и американцы смогут когда-нибудь договориться о природе общей угрозы, сотрудничество, наложенное ими во время «холодной войны», не трудно будет возобновить» [Кейган, 2004, с. 157]. К середине второго десятилетия наступившего века такая общая угроза была установлена – это Россия, стремящаяся к великодержавию, игнорирующая правила, установленные американцами взамен международного права, и расширяющая свое влияние на других континентах. Источником конфликта Запада с Россией стали геополитические интересы, инструментом – русофobia, основой – ценностные противоречия.

В последнее время, в том числе вследствие проведения Специальной военной операции на территории Украины и сопутствующих нарратива стран коллективного Запада, тема русофобии стала предметом активного научного дискурса в академической среде. В ходе анализа динамики научных публикаций на тему русофобии в основных

научных базах базовых (РИНЦ, Web of Science, Scopus) автором статьи было выявлено, что количество научных публикаций в рецензируемых научных изданиях за период с 2022 г. По настоящее время в сравнении с периодом 2018–2021 гг. увеличилось на 130 % (Scopus), 150 % (РИНЦ, Web of Science). Важно отметить, что в целях получения релевантных результатов процентное соотношение было рассчитано по анализу ключевых слов (русофобия, «*krussophobia*» и производные данного термина в РИНЦ; русофобия, «*krussophobia*» и антироссийские настроения «*anti-russian sentiment*» (так как данное словосочетание чаще используется в англоязычных базах данных) в Web of Science и Scopus). Необходимо учесть, что научных публикаций, косвенно затрагивающих тему русофобии и/или содержащих упоминания о ней, может быть значительно больше, а также то, что РИНЦ включает в себя индексацию сборников трудов научных конференций, что свидетельствует о росте научометрических показателей у исследователей, пишущих о русофобии.

Теоретические основы исследования

Тема русофобии предметно рассматривается в работах таких отечественных исследователей, как: А. Г. Володин, С. В. Филатов [Володин, 2023], В. В. Дегоев [Дегоев, 2022], К. В. Душенко [Душенко, 2024], П. Л. Карабущенко [Карабущенко, 2024], Н. П. Монина [Монина, 2018], а также ряда других уче-

ных. Среди зарубежных исследователей важно отметить швейцарского политолога Ги Меттана [Меттан, 2024].

Несмотря на многообразие подходов к определению, классификации и дифференциации русофобии, подавляющее большинство исследователей в различных областях научного знания (политические, исторические, социологические науки) сходятся во мнении, что русофобия как феномен существует на протяжении длительного периода времени, имеет многофакторную структуру и в своем онтологическом определении носит ярко выраженный синкретический характер. Как отмечает Ги Меттан, «русофобия – предвзятое, подозрительное, неприязненное, враждебное отношение к России или к русским, к их обычаям и культуре и даже к русскому языку» [Меттан, 2024, с. 11].

Под русофобией справедливо понимать совокупность негативных интенций по отношению к России, русской культуре и ментальности, а также негативные коннотации в процессе осмыслиения культурного-исторического генезиса России, ее политической истории и роли в современном мире, выраженные посредством идеологического, цивилизационного, культурного и иных форм антагонизма. По мнению П. Л. Карабущенко, «русофобия – это реакция Запада на отказ России подчиниться его геополитической воле и культурной экспансии и желание сохранить свои культурный суверитет» [Карабущенко, 2024, с. 5].

Методы исследования

Методологическую основу данного исследования составляют: *дискурс-анализ*, в ходе которого были изучены исторические документы и нормативно-правовые акты, высказывания политических деятелей западных стран. В результате анализа было выявлено:

- идеологическая ангажированность рассматриваемых материалов в контексте формирования и распространения русофобских нарративов;
- контент-анализ, в результате которого были изучены журналистские материалы западных СМИ и выявлены устойчивые тенденции в формировании русофобской парадигмы;
- роль СМИ в качестве политического актора в части распространения русофобии;

Институциональный метод, в рамках которого были выявлены основные этапы трансформации предубеждений, взглядов и домыслов о России в последовательную описательную систему, комплексную парадигму восприятия России, впоследствии преобразованную в политическую технологию.

Историко-генетический метод, в ходе которого был исследован феномен возникновения, становления и развития русофобии в контексте исторических (политических) событий, а также была установлена последовательность этапов развития русофобии от момента зарождения феномена до настоящего времени.

Сравнительный анализ, в результате которого путем сопоставления основных критериев и дефиниций было установлено, что русофobia является формой политического мифотворчества и направлена на подмену эмпирически проверяемых фактов, формирующих восприятие России, набором символов и мифологем, с определенными политическими целями.

Кейс-стади, в результате которого были рассмотрены конкретные проявления русофобии как политической технологии в различных сферах жизни общества (экономическая, политическая, социальная, культурная).

Исторические и политические корни русофобии

Аксиологическое противостояние России и Запада имеет глубокие исторические и политические корни. По мнению Ги Меттана, русофobia возникла в эпоху Карла Великого, то есть в VIII в. Нашей эры, а «русофobia как система последовательных представлений появляется уже после раскола 1054 г., когда Православная церковь порвала с Римом. Средневековый Запад начинает воспринимать Киевскую Русь, а затем Московию как чужеродный, еретический и угрожающий мир» [Меттан, 2024, с. 23]. Также нельзя не отметить, что, по мнению Ги Меттана, на формирование русофобии повлияли размер территории и географическое разнообразие российского государства. Аналогичной трактовки причин и периода возникновения русофобии придер-

живаются П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко, Л. А. Крыжко, отмечая, что «в целях понимания сущности и эволюции этого (русофобии) феномена следует подчеркнуть, что своими корнями он уходит в XI в., когда произошел раскол в христианстве на католическую (западную) и православную (восточную) церкви» [Пашковский, 2025, с. 39]. По мнению А. Г. Володина и С. В. Филатова, причиной русофобии является антирусская пропаганда польских интеллектуалов вследствие осложнения русско-польских отношений: «русофобия имеет своих исторических «первоходцев». Историческим началом процесса появления и развития русофобии на Западе принято считать конец XV в., а ее альма-матер – Ягеллонский университет в польском городе Кракове» [Володин, 2023, с. 44]. Д. А. Калашаова, А. А. Безрукова и А. К. Тхакушинов полагают, что «русофобия как явление возникло в XV–XVI в. При Иване III Великом, когда началось становление русской национальной государственности» [Калашаова, 2024, с. 104].

Продолжая тему исследования основных вех становления и развития русофобии, важно отметить, что, по мнению Н. П. Мониной, «новым толчком к антироссийской истерии в западноевропейском обществе становятся итоги Отечественной войны 1812 г., когда русских обвинили в явном экспансионизме и попытке создания всемирной монархии» [Монина, 2018, с. 72]. Как полагает В. В. Дегоев, «в основе идеологического противо-

стояния времен холодной войны лежали не только несовместимость двух социально-экономических систем, но и русофобия как массовое «историческое» чувство...» [Дегоев, 2022, с. 45]. Последними яркими вспышками русофобии стали воссоединение Крыма с Россией и начало Специальной военной операции.

Опираясь на мнение исследователей, можно прийти к выводу, что причины возникновения, генеалогия и генезис развития русофобии неразрывно связаны с историческими (политическими) событиями в российской и мировой истории. По мнению автора статьи, такой подход к исследованию русофобии является наиболее универсальным, так как, несмотря на дискуссионный характер определения точки отчета, он позволяет проследить основные этапы становления русофобии, трансформацию предубеждений и домыслов в полноценную описательную систему, формирующую идеологию. Также неоспоримым преимуществом данного подхода является тот факт, что он позволяет проследить процесс институционализации русофобии.

Отправной точкой в формировании антагонистических интенций между Россией и Западом справедливо считать церковный раскол 1054 г., но разногласия находились в плоскости религиозных предубеждений и того, что ретроспективно можно определить как глобальную геополитику и не носили персонифицированного характера в отношении России и русских как этнокультурной группы или по-

литической общности. Процесс институционализации русофобии как превращения новых, эпизодических практик, новаций и представлений в устойчивые, действующие на протяжении длительного времени парадигмальные установки и комплексную описательную систему, по мнению авторов статьи, начался с выхода в свет трактата дипломата Сигизмунда фон Герберштейна «Записки о Московии» (1549 г.) [Herberstein, 1549]. До этого момента, несмотря на наличие письменных свидетельств западных путешественников о России (например, работы Паоло Джовио и Иоганна Фабри), на Западе имели крайне смутное представление о русской культуре, традициях, политической и социальной структуре общества. Работа Герберштейна, возможно, наполненная ресентиментом вследствие провала им двух дипломатических миссий в России, впервые содержит комплексное описание политического, экономического, социального и культурного устройства России того периода. «Записки о Московии» можно считать началом институционализации русофобии *по трем причинам*.

Во-первых, представление о России и русских в негативном ключе было впервые сформировано не в виде устного предания, смутного представления вследствие отсутствия информации или отношения в рамках конкретной политической ситуации, а в виде растиражированного текста, содержащего системный подход и опирающегося на «факты» и «эмпирический опыт».

Во-вторых, русофобия впервые была сформирована как комплексная описательная система, включающая в себя негативное представление обо всех сферах жизни российского общества, а не критику отдельных его составляющих (например, в рамках религиозного вопроса). В «Записках о Московии» русские цари описаны как тираны и деспоты, неспособные на выстраивание конструктивного диалога; русская культура представлена отсталой и заимствованной (у Византии); также в книге указано, что неотъемлемой чертой русского человека является рабская природа, присущая исключительно русским. Русская архитектура (зодчество) выставляется архаичным, морально устаревшим, а русские купцы описаны как «нахальные хапуги», с которыми невозможно вести торговлю. Таким образом, Россия, по мнению Герберштейна, – это отсталое и варварское во всех отношениях государство, с которым нельзя иметь никаких дел [Herberstein, 1549]. Примечательно, что такой подход к анализу общественных и политических институтов государства крайне редко можно встретить в мировой истории. Цивилизационные конфликты между Западом и Востоком, локальные войны, в том числе между европейскими странами (например, в контексте Столетней войны справедливо говорить об англофобии и франкофобии), противостояние культур не порождало полноценной идеологии, в рамках которой любая сфера общественной жизни государства и все ее структурные

компоненты выставлены в сугубо негативном свете, начиная с истории возникновения государственности и заканчивая имманентной природой личностных качеств всего населения.

В-третьих, в книге Герберштейна Россия впервые была представлена как «кантиевропа», а взаимоотношения России и Запада рассматривались в рамках логики бинарных оппозиций по принципу: в Европе правильная религия, в России – неправильная; в Европе мудрые правители, в России – деспоты и т. д. Данный трактат переиздавался 13 раз и на долгие годы определил отношение к России и русским в западном мире [Herberstein, 1549].

Первым проявлением институционализированной русофобии в строго политическом смысле (воздействие на политическое поведение людей в политических целях) справедливо можно считать действия шведских, польских и литовских политиков в Ливонской войне (1558–1583). В целях недопущения поддержки странами Западной Европы России в войне с Ливонской конфедерацией, а также провокации внутренней русофобии, они распространяли антирусские пропагандистские нарративы посредством, так называемых «летучих листков» (небольшое печатное издание), в которых писали о зверствах и необразованности русской армии, сопровождая все это устрашающими рисунками. В армии польского короля Стефана Батория была небольшая мобильная типография, с помощью которой он распространял летучие

листки по пути следования своего войска. Впоследствии такая тактика получит названия «памфлетные войны». Сохранилось немало писем польских и литовских дипломатов, в том числе официально опубликованных, повествующих о «русской угрозе» и выставляющих русских непримиримыми врагами западного мира. Как справедливо отмечает М. Б. Бессуднова, «При изучении смыслового наполнения и происхождения концепта “русской угрозы” в рамках российской и зарубежной историографии традиционно используется литовская и немецкая публицистика времен Ливонской войны» [Бессуднова, 2014, с. 145].

Новым витком институционализации русофобии стали политические события XIX в. По мнению К. В. Душенко, «понятие “русофобия” вошло в обиход в Англии в 1836 г.» [Душенко, 2024, с. 38]. После Отечественной войны 1812 г. Российская империя занимала доминирующее положение в Европе. Практически сразу после освобождения Европы возникла русофобская риторика, согласно которой Россия планирует сама захватить все страны, грабит их при освобождении и, что Александр I хуже Наполеона. Последующие десятилетия европейская пропаганда старалась всячески очернить Россию, сметив ее с поста морального и политического гегемона, что вылилось в очередной русофобский трактат «Россия в 1839 году» [Custine, 1843] маркиза Астольфа де Кюстина, изданный в 1843 г. В книге автор перечисляет все стандартные русофоб-

ские клише того времени, но делает акцент преимущественно на российском политическом устройстве. С точки зрения Де Кюстина, в России существует пирамида рабства, где во главе находится император, и каждый нижестоящий чиновник раболепен перед вышестоящим, и русские люди не способны быть свободными, отвергая свободу на патологическом уровне. Данный факт примечателен тем, что (контексте становления институционализации русофобии) наглядно иллюстрирует страны Запада имеют сформированную парадигму восприятия России как агрессивного, варварского и отсталого государства. Хотя Россия освободила их от завоевания, вернула государственный и культурный суверенитет, это никак не влияет на их картину мира. Даже спасение они воспринимают как что-то негативное, несущее подоплеку и вызывающее недоверие. И более того, пытаются переписать историю и выставить освободителя в негативном ключе. В будущем такая картина еще не раз повторится.

Завершающим этапом институционализации русофобии стала Холодная война между СССР и США (1946–1991). В рамках политico-идеологического противостояния между капиталистической и коммунистической идеологией, между двумя сверхдержавами русофобия стала важнейшей политической технологией противодействия СССР. Именно на этом этапе появился образ «плохого русского» (важно подчеркнуть, именно «русского», а не «советского»), который активно насаждался посредством американ-

ской пропаганды и массовой культуры. На этом этапе Россия стала восприниматься западным миром не как «потенциальная угроза», не как отсталая страна с чуждой культурой, не как другой полюс в цивилизационном противостоянии, не как идеологический оппонент (хотя, безусловно, все это присутствовало), а как враг, с которым нужно бороться здесь и сейчас. И русский человек стал восприниматься не как субъект иной ментальности и культуры (в безусловно негативном ключе), не как нечто опасное, то, чего нужно опасаться и с чем нужно бороться.

Высший американский политический истеблишмент буквально называл Советский Союз «Империей зла». Русофобия как идеология и русофобия как политическая технология всегда носили взаимопроникающий характер, были своего рода сообщающимися сосудами, но именно на этом этапе они слились воедино, образовав комплексную систему, включающую в себя не только набор идеологем, но и последовательную совокупность действий. Важно отметить, что с окончанием Холодной войны русофобия и ее институциональный характер никуда не исчезли. Это подтверждает тот факт, что в Стратегии национальной безопасности США (СНБ-91) [The White House …, 1991], обнародованной в 1991 г., формулировки «советская угроза» были заменены на «потенциально русская угроза».

Перечисленные примеры являются далеко не единственными всплесками русофобии в истории

взаимоотношений России и Запада, но именно они наглядно иллюстрируют процесс институционализации русофобии, ее трансформации в политическую технологию.

Всплески русофобии, а также развитие и усиление ее институционализации неразрывно связаны и являются прямым следствием политических событий. В новейшее время такими событиями стали воссоединение Крыма с Россией и проведение Специальной военной операции на территории Украины.

Важно понимать, что институционализация русофобии является искусственным, управляемым процессом. Превращение идеологии в политическую технологию всегда осуществляется посредством определенного набора форм, методов и средств преобразования (использования) идеологем в политических целях. Рассмотрим основные механизмы институционализации русофобии как политической технологии на примере текущих событий.

Механизмы институционализации русофобии

Средства массовой информации. В западных СМИ давно процветает антироссийская риторика. Еще в 2015 г. Американский журналист Д. Басульто отмечал, что «западные издания используют несколько шаблонных приемов, чтобы изобразить в своих публикациях Россию как отсталую и агрессивную державу» [Американский журналист ... , 2016]. Но в связи с актуальными политическими событиями степень русофобии значительно возросла. Западные СМИ активно

пытаются создать образ России как агрессора, при том в экономическом, политическом и военном плане слабого государства, с которым нельзя сотрудничать и от которого нужно защищаться. Подобные публикации не преследуют цель объективного освещения событий и являются лишь элементами политической пропаганды. Порой попытки очернить Россию и представить её как врага доходят до абсурда. В частности, в июне 2025 г. В Великобритании ряд изданий выпустили статьи о том, что Россия готовит секретное климатическое оружие для того, чтобы затмить солнце над Великобританией [Putin's stealing our sunshine ... , 2025]. Аналогичным инструментом пропаганды являются высказывания представителей западной политической элиты, в том числе глав государств в публичном политическом поле. В частности, верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Кая Каллас, известная своими русофобскими высказываниями, выступая в Европарламенте 18 июня 2025 г. заявила, что «Россия – это не только угроза Европе, но и 360-градусная угроза миру, угроза глобальной безопасности» (Прибалтийские потуги: Кая Каллас сказала глупость про Россию и 360 градусов // Комсомольская правда. 19.06.2025. URL: <https://www.kp.ru/daily/27714/5102764/> (дата обращения: 13.07.2025)). Президент Франции Эммануэль Макрон в своем обращении 6 марта 2025 г. заявил,

что «Россия – угроза для всего Евросоюза, а потому Париж начнет дискуссии о возможности взять ЕС под защиту французских ядерных сил сдерживания» [Русофобские выпады …, 2025]. Данные проявления русофобии направлены в первую очередь на решение *двух политических задач*: отвлечение западного общества от своих внутренних проблем и “Casus belli”, обоснование агрессивной политики по отношению к России.

Экономическая политика. С 2014 г., после воссоединения Крыма с Россией, страны коллективного Запада ввели в отношении России санкции. После начала проведения Специальной военной операции в 2022 г. Попытки санкционного давления на российскую экономику заметно усилились. Всего с 2014 г. В отношении России было введено более 28 тысяч санкций [Путин: против …, 2025], с 2022 г. Было принято 19 «пакетов» санкций. Санкции справедливо рассматривать как проявление исключительно политической технологии, направленной на оказание политического давления, так как хоть формально данное явление находится в экономической плоскости, но не несет в себе никакой экономической рациональной составляющей. Поскольку никто из участников процесса не извлекает никакой экономической выгоды, и по той причине, что ряд западных стран находится в зависимости от США и не может проводить самостоятельную внешнюю политику, они голосуют за принятие санкций, которые им совершенно не

выгодны и наносят ущерб их экономике, поэтому они нарушают санкции или соблюдают их сугубо формально, в том числе с использованием параллельного импорта. Также санкции справедливо рассматривать как проявление русофобии, поскольку, хотя санкции и вводились ранее в отношении других стран, в частности, против Исламской Республики Иран, но в отношении России они носят систематический, устойчивый и беспрецедентный характер. Санкции корректно рассматривать как русофобию еще и по той причине, что формальным поводом для их введения стало «проявление агрессии», но, когда другие страны действительно проявляли агрессию, например, США регулярно использует свои вооруженные силы (в частности, война в Афганистане (2001), вторжение в Сирию (2014), бомбардировки территории Исламской Республики Иран (2025)), никаких санкций введено не было.

Правовое поле. В ряде западных стран русофobia была официально закреплена в рамках правового поля. Более того, русофобские законы можно подразделить на *две категории*. *Первая* – направлена на дискриминацию граждан России, находящихся в юрисдикции западных стран. В частности, лишение гражданства под различными предлогами (Латвия), запрет на въезд, в том числе с шенгенскими визами (Эстония), конфискация имущества (Эстония), уголовное преследование за поддержку Специальной военной операции (Литва) и т. д. *Вторая ка-*

тегория направлена на борьбу со всем русским, дискриминацию русского языка, русской культуры, русской истории. Сюда можно отнести законы о запрете преподавания русского языка в школах (а также русских школ), закрытии русскоязычных СМИ, запрете демонстрации российской государственной символики, сносе советских памятников воинам-освободителям и многие другие, принятые в последнее время в странах Прибалтики. Важно отметить, что русофобия в юридической плоскости проявляется не только в непосредственно русофобских законах, но и в преследовании россиян (в ряде случаев граждан собственных стран), за поддержку России и критику вышеперечисленных законов, а также отсутствие преследования за русофобскую риторику и разжигание ненависти к России.

Культура. «Отмена» русской культуры, то есть исключение как уже существующей культуры, так и происходящих в настоящее время культурных процессов России из мирового культурного пространства, в странах коллективного Запада также может быть рассмотрена как проявление институционализированной русофобии как политической технологии. Это подтверждается тем фактом, что «отмена» русской культуры (запрет на издание русскоязычной литературы, отмена театральных постановок русскоязычных авторов, запрет России участвовать в международных кинофестивалях, музыкальных конкурсах, спортивных мероприятиях и т. д.) обусловлена не отсталостью русской культуры по сравнению с

западной. В данном контексте речь не идет о том, что Достоевский хуже Хемингуэя, или что русские спортсмены не могут выступать на одном уровне с западными. Речь идет об изоляции России от мировой культуры как формы политического давления, своего рода стигматизации, направленной на как бы исключение России из мировой общественной жизни и формирование образа изгоя.

Наука. Русофобия в научных публикациях зарубежных авторов также не является чем-то новым. Своими «научными» исследованиями некоторые представители западной академической среды активно продвигают русофобские концепции в научном дискурсе. В частности, американский историк Т. Снайдер утверждает, что «Россия – “империя лжи”, стремящаяся разрушить западные ценности» [Snyder, 2018, р. 123]. Американский политолог Э. Эпплбаум пишет о том, что «Россия – угроза, которая стремится изменить мир на уровне идеологии, потому что больше не может менять мир на военном уровне» [Applebaum, 2021, р. 54]. Научные спекуляции такого рода являются ярким примером институционализированной русофобии, так как они изначально носят политически ангажированный характер (зачастую такие исследования финансируются политическими акторами) и создаются не в рамках научной работы и не с целью получения научных результатов, а в политических целях. Они направлены на обоснование ненависти и неприязни к России с «научной» точки зрения.

Институционализированная русофobia как форма устойчивого негативного восприятия всего, что связано с Россией, в современных реалиях активно используется как политическая технология, направленная на решение конкретных политических и геополитических задач. Важно подчеркнуть, что данная технология носит манипулятивный характер, так как направлена на формирование искаженного образа России, являясь формой политического мифотворчества. Как справедливо отмечает Е. Л. Яковлева, «искусно и искусственно созданные политические мифы скрывают истинное положение вещей, отвлекая людей от действительности...» [Яковлева, 2011, с. 39].

Русофobia как форма политического мифотворчества

Политическое мифотворчество – это форма политического сознания, в котором знание и понимание политических фактов заменено образами, интерпретацией, символами, вымыслами, легендами и верой в них.

Можно выделить следующие основные критерии политического мифотворчества:

- абстрактность;
- выделение ведущих символов;
- многозначность интерпретационного потенциала;
- опора на архетип;
- убежденность социального субъекта в истинности мифа.

Рассмотрим феномен институционализированной русофобии как политической технологии в соответствии с данным критериями.

Русофobia является абстрактным явлением в том смысле, что ее основные интенции не конкретизированы, они носят заведомо обобщенный характер по принципу «все русские плохие», «Россия “империя зла”» и т. д. Политический миф в своей содержательной части не апеллирует к фактам и доказательствам, которые всегда требуют конкретики, системного и предметного подхода; он строится на создании искаженного иррационального восприятия, носящего заведомо абстрактный, умозрительный характер.

Русофobia как и любая другая форма политической мифологии оперирует символами, знаками и нарративами, которые в концентрированной форме передают негативное отношение к России и русским. Например, «водка» как символ пьянства, «балалайка» как символ дремучей отсталости, «медведь» как символ агрессивности и т. д. В рамках образного мировосприятия формируются не логические цепочки, а эмоциональные триггеры, призванные вызвать конкретные эмоции и ассоциации, и поэтому тот факт, что согласно актуальным данным Всемирной организации здравоохранения Россия занимает 27 место в мире по потреблению алкоголя [Рейтинг стран..., 2023], а так же то, что «медведь» в российской символике имеет иное значение и балалайка является не только русским, но и белорусским народным инструментом, в рамках конструирования политического мифа не играет никакой роли.

Многозначность интерпретационного потенциала как свойство политического мифа наглядно демонстрирует манипулятивный характер русофобского нарратива. В рамках сконструированного мифа одни и те же действия, события и явления могут иметь различную, в том числе полярную оценку, так как их интерпретация осуществляется не на основании анализа фактов и причинно-следственных связей между ними, а на основе искусственно заданного вектора восприятия, допускающего множество трактовок без опоры на факты и логику. Например, когда Россия использует свои вооруженные силы, это воспринимается как «агрессия», «вторжение» и «нападение», а когда США используют свои вооруженные силы, то это «защита демократии и свободы» и «борьба за свои интересы».

Опора на архетипы играет ключевую роль при формировании и распространении русофобии, поскольку архетипические образы обладают глубоким эмоциональным воздействием и легко встраиваются в политические нарративы. Архетипы, как устойчивые образы и концепции, активно используются для создания искаженного восприятия России. Например, архетип варварского государства (империя зла), архетипические образы русских как пьющей нации, склонной проявлять насилие и т. д. Еще одной функцией архетипа является упрощение сложных политических явлений до понятных и простых для эмоционального восприятия концептов. Например, не применение вооруженных

сил для защиты своих национальных и отстаивания своих геополитических интересов, с учетом политического бэкграунда, действий третьих лиц и изменений в глобальной политике, а проявление агрессии.

Русофobia как форма политического мифотворчества базируется в первую очередь на убежденности субъекта в истинности данной концепции. Поскольку русофobia является полностью догматической смысловой конструкций, не имеющей никакого отношения к объективной реальности, ее основные тезисы не могут быть доказаны эмпирическим путем, не могут быть подкреплены фактами и не являются следствием проведения логических операций. Иными словами, русофобию невозможно «доказать», так как миф по определению не лежит в плоскости доказывания; в истинности мифа можно только убедить. Убедить посредством создания образов, символов, архетипов, а также используя другие составные элементы конструирования политических мифов.

Заключение

В заключение важно отметить, что русофobia прошла сложный генезис в развитии от стихийных и бесструктурных вспышек тех и иных форм агрессии по отношению к России, связанных с историческими (политическими) событиями до управляемой трансформации (институционализации) совокупности интенций, представлений и убеждений в последовательные описательные системы, устойчивые практики и идеологию, формирующие парадигмальные установки в отношении России на уровне

реализации политическими и социальными институтами западных стран своих основополагающих функций и являющейся политической технологией. В процессе анализа основных механизмов создания и реализации политических мифов можно прийти к выводу, что институционализированная русофобия является формой политического мифотворчества. Данная форма направлена на

искажение рационализации и восприятия культурно-исторического генезиса России, роли в истории и современном мире посредством искусственно сконструированного образа России на основе политических мифов, символов и образов; подмены эмпирических фактов, понятий и definicijij мифологической интерпретацией русской истории, культуры и политики.

Библиографический список

1. Американский журналист рассказал о русофобских приемах в СМИ // РИА Новости. 19.07.2016. URL: <https://ria.ru/20160719/1471579291.html> (дата обращения: 13.07.2025).
2. Бессуднова М. Б. «Русская угроза» в ливонской орденской документации 80-х и начала 90-х гг. XV в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1(15). С. 144–156.
3. Володин А. Г. Русофобия: корни и крона / А. Г. Володин, С. В. Филатов // Междунородная жизнь. 2023. № 4. С. 40–57.
4. Дегоев В. В. Краткий курс истории британской русофобии // Междунородная жизнь. 2022. № 9. С. 30–47.
5. Душенко К. В. «Русофобия» в ряду прочих фобий и маний: из истории политического языка: монография. Москва: ИНИОН РАН, 2024. 199 с.
6. Калашаова Д. А. Истоки русофобии: к вопросу о социально-политической культуре межгосударственных отношений / Д. А. Калашаова, А. А. Безрукова, А. К. Тхакушинов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. № 3. С. 102–111.
7. Карабущенко П. Л. Русофобия: история одной химеры : монография. Москва : ИНФРА-М, 2024. 327 с.
8. Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке / Пер. с англ. А. Смирнов. Москва : Дом интеллектуальной книги; РОССПЭН, 2004. 160 с.
9. Меттан Ги. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Москва : АСТ, 2024. 448 с.
10. Монина Н. П. Идеология русофобии: духовно-исторические истоки формирования // Общество: философия, история, культура. 2018. № 3. С. 70–73.
11. Пашковский П. И. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения / П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко, Л. А. Крыжко // Регионология. 2025. № 1. С. 33–47.
12. Путин: против России введено 28 595 санкций – как прежде, уже не будет // Фонтанка. 18.03.2025. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/03/18/75235316/> (дата обращения: 13.07.2025).
13. Рейтинг стран мира по уровню потребления алкоголя // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-alcohol-consumption> (дата обращения: 13.07.2025).

14. Русофобские выпады Франции: президент Макрон делает ставку на войну // Новости 1 канал. 06.03.2025. URL: <https://www.1tv.ru/news/2025-03-06/503269>
[rusofobskie_vypady_frantsii_president_makron_delaet_stavku_na_voynu?ysclid=mc87wetdt0456655461](https://www.1tv.ru/news/2025-03-06/503269) (дата обращения: 13.07.2025).
15. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации от 28 декабря 2024 года №1124. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310699199> (дата обращения: 13.07.2025).
16. Яковлева Е. Л. Технология политического мифотворчества // Вестник Поволжского института управления. 2011. № 4. С. 38–42.
17. Applebaum A. The Autocrat’s New Playbook // The Atlantic. 2021. Vol. 327. No. 2. P. 50–63.
18. Custine, Astolphe de. La Russie en 1839. 4 vols. Paris: Amyot, 1843.
19. Herberstein, Sigismund von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Vienna: Michael Zimmermann, 1549.
20. Putin’s stealing our sunshine... the dark side of British propaganda // Strategic culture. June 20, 2025. URL: <https://strategic-culture.su/news/2025/06/20/putins-stealing-our-sunshine-dark-side-british-propaganda/> (дата обращения: 13.07.2025).
21. Snyder T. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. New York : Tim Duggan Books, 2018. 368 p.
22. The White House. National Security Strategy of the United States. Washington, DC: U. S. Government Printing Office, 1991.

Reference list

1. Amerikanskij zhurnalista rasskazal o rusofobskih priemah v SMI = American journalist spoke about Russophobic techniques in the media // Ria Novosti. 19.07.2016. URL: <https://ria.ru/20160719/1471579291.html> (data obrashhenija: 13.07.2025).
2. Bessudnova M. B. «Russkaja ugroza» v livonskoj ordenskoj dokumentacii 80-h I nachala 90-h gg. XV v. = “Russian threat” in the Livonian order documentation of the 1480s and early 1490s // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1(15). S. 144–156.
3. Volodin A. G. Rusofobia: korni I krons = Russophobia: roots and crown / A. G. Volodin, S. V. Filatov // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2023. № 4. S. 40–57.
4. Degoev V. V. Kratkij kurs istorii britanskoj rusofobii = A short course on the history of British Russophobia // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2022. № 9. S. 30–47.
5. Dushenko K. V. «Rusofobia» v rjadu prochih fobij I manij: iz istorii politicheskogo jazyka = “Russophobia” among other phobias and mania: from the history of the political language: monografija. Moskva : INION RAN, 2024. 199 s.
6. Kalashaova D. A. Istoki rusofobii: k voprosu o social’no-politicheskoy kul’ture mezhgosudarstvennyh otnoshenij = The origins of Russophobia: to the question of the socio-political culture of interstate relations / D. A. Kalashaova, A. A. Bezrukova, A. K. Thakushinov // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. 2024. № 3. S. 102–111.
7. Karabushhenko P. L. Rusofobia: istorija odnoj himery = Russophobia: the story of one chimera : monografija. Moskva : INFRA-M, 2024. 327 s.
8. Kejgan R. O rae I sile: Amerika I Evropa v novom mirovom porjadke = On Paradise and Strength: America and Europe in a New World Order / Per. S angl. A. Smirnov. Moskva : Dom intellektual’noj knigi; ROSSPJeN, 2004. 160 s.

9. Mettan Gi. Zapad – Rossija: tysjacheletnjaja vojna. Istorija rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa = West – Russia: a thousand-year war. The history of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis Moskva : AST, 2024. 448 s.
10. Monina N. P. Ideologija rusofobii: duhovno-istoricheskie istoki formirovaniya = Ideology of Russophobia: spiritual and historical origins of formation // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2018. № 3. S. 70–73.
11. Pashkovskij P. I. Rusofobia kak ussian sovremenennogo geopoliticheskogo protivoborstva: global'noe I regional'noe izmerenija = Russophobia as a component of modern geopolitical confrontation: global and regional dimensions / P. I. Pashkovskij, E. V. Kryzhko, L. A. Kryzhko // Regionologija. 2025. № 1. S. 33–47.
12. Putin: protiv Rossii vvedeno 28 595 sankcij – kak prezhde, uzhe ne budet = Putin: 28,595 sanctions have been imposed against Russia – as before, it will no longer be // Fontanka. 18.03.2025. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/03/18/75235316/> (data obrashhenija: 13.07.2025).
13. Rejting stran mira po urovnu potreblenija alkogolja = Ranking of countries in the world in terms of alcohol consumption // Gumanitarnyj portal. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-alcohol-consumption> (data obrashhenija: 13.07.2025).
14. Rusofobskie vypady Francii: ussian Makron delaet stavku na vojnu = France's Russophobic attacks: President Macron bets on war // Novosti 1 kanal. 06.03.2025. URL: https://www.1tv.ru/news/2025-03-06/503269_rusofobskie_vypady_frantsii_president_makron_delaet_stavku_na_vojnu?ysclid=mc87wetdt0456655461 (data obrashhenija: 13.07.2025).
15. Strategija protivodejstvija jekstremizmu v Rossijskoj Federacii ot 28 dekabrya 2024 goda №1124 = Strategy to counter extremism in the Russian Federation of December 28, 2024 No. 1124. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1310699199> (data obrashhenija: 13.07.2025).
16. Jakovleva E. L. Tehnologija politicheskogo mifotvorchestva = Technology of political myth-making // Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija. 2011. № 4. S. 38–42.
17. Applebaum A. The Autocrat's New Playbook // The Atlantic. 2021. Vol. 327. No. 2. P. 50–63.
18. Custine, Astolphe de. La Russie en 1839. 4 vols. Paris : Amyot, 1843.
19. Herberstein, Sigismund von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Vienna: Michael Zimmermann, 1549.
20. Putin's stealing our sunshine... the dark side of British propaganda // Strategic culture. June 20, 2025. URL: <https://strategic-culture.su/news/2025/06/20/putins-stealing-our-sunshine-dark-side-british-propaganda/> (data obrashhenija: 13.07.2025).
21. Snyder T. The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. New York : Tim Duggan Books, 2018. 368 p.
22. The White House. National Security Strategy of the United States. Washington, DC: U. S. Government Printing Office, 1991.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 19.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 19.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 323.1:316.482

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-37

EDN: QBBUFG

Проблемы методологии прогнозирования конфликтов с этническим компонентом

Елена Владимировна Савва

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар
ev.savva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1633-530X>

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется существенным разрывом между потребностями прогнозирования конфликтов с этническим компонентом и возможностями применяемых в настоящее время методик. Автор статьи дает ответы на два исследовательских вопроса: Каковы основные характеристики проблем методологии прогнозирования конфликтов с этническим компонентом как объекта научного исследования? Каковы проблемы, которые препятствуют разработке и внедрению эффективных методов прогнозирования конфликтов с этническим компонентом? Статья содержит следующие основные выводы. Конфликты с этническим компонентом объективно являются сложными объектами для прогноза в силу высокой частоты точек бифуркации в процессе развития подобных конфликтов. Можно выделить такие основные проблемы создания методологии прогнозирования конфликтов с этническим компонентом: 1. Необходимость учитывать очень большой набор глубоко субъективных факторов, которые определяют вероятность возникновения такого конфликта. 2. Значительные различия в системе факторов конфликта с этническим компонентом, которые определяются социокультурными особенностями конфликтующих групп. 3. Глубокое разделение исследователей, специализирующихся на количественных и качественных методах. Большинство применяемых на практике систем раннего прогнозирования конфликтов не позволяют выявить большинство потенциальных конфликтов локального уровня. Результирующие индексы удобны, поскольку они предусматривают сбор и обобщение ограниченных четкими критериями массивов информации и свободны от субъективности экспертины оценок. В то же время подобная модель прогноза предполагает ряд ограничений, которые необходимо учитывать. К ним относятся наличие адекватной статистики населения; достаточно долгий период сбора эмпирической информации для выводов об адекватности индекса; апробация индексов, претендующих на универсальность, в различных сообществах людей с различными социально-культурными характеристиками.

Ключевые слова: конфликты с этническим компонентом; точки бифуркации конфликта; «мелкозернистое» прогнозирование; прогнозный индекс; единствен-

ный индикатор; социально-культурные особенности; апробация индексов конфликта; мониторинг; экспертные оценки; географическое распределение

Для цитирования: Савва Е. В. Проблемы методологии прогнозирования конфликтов с этническим компонентом // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 37–52. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-37>. <https://elibrary.ru/QBBUFG>.

Original article

Problems of methodology for predicting conflicts with an ethnic component as an object of scientific research

Elena V. Savva

Candidate of philosophical sciences, associate professor at department of political science and political management, Kuban state university, Krasnodar
ev.savva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1633-530X>

Abstract. The relevance of the research topic is determined by a significant gap between the needs of forecasting conflicts with an ethnic component and the capabilities of currently used methods. The author formulates research directions in order to obtain answers to two questions: What are the features of the methodology for forecasting studies with an ethnic component, if we consider such conflicts as object studies? What problems need to be solved to forecast factors with an ethnic component? The article contains several conclusions. Conflicts with an ethnic component are objectively difficult objects for forecasting. This complexity arose due to numerous bifurcations in the process of developing such conflicts. Three problems of the methodology for forecasting conflicts with an ethnic component can be identified: 1. The need to take into account a very large number of reasons that create such conflicts. 2. Strong influence of socio-cultural characteristics of each society on the development of the conflict. 3. Deep division of researchers specializing in quantitative and qualitative methods. Most of the early conflict forecasting systems used in practice do not allow identifying most potential local conflicts. The resulting indices are convenient because they provide for the collection and generalization of arrays of information limited by clear criteria and are free from the subjectivity of expert assessments. At the same time, such a forecast model assumes a number of limitations that must be taken into account. Among them are the availability of adequate population statistics; a sufficiently long period of collecting empirical information to draw conclusions about the adequacy of the index; testing of indices claiming universality in various communities of people with different socio-cultural characteristics.

Key words: conflicts with an ethnic component; conflict bifurcation points; “fine-grained” forecasting; forecast index; single indicator; socio-cultural characteristics; testing of conflict indices; monitoring; expert assessments; geographical distribution

For citation: Savva E. V. Problems of methodology for predicting conflicts with an ethnic component as an object of scientific research. *Social and political researches*. 2025;4(29): 37–52. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-37>. <https://elibrary.ru/QBBUFG>.

Введение

Актуальность темы определена значительным разрывом между потребностями прогнозирования конфликтов с этническим компонентом и возможностями существующих методов. По мнению А. Остин, необходимость раннего предупреждения конфликтов является консенсусом научного сообщества. Возникновение деструктивных конфликтов необходимо предотвращать. Обязательная предпосылка для этого – прогноз такого конфликта [Остин, 2007].

В сфере этнических отношений конфликты, как правило, имеют ценностный характер. В силу этого они ожесточены, деструктивны и обладают очень большим разрушительным потенциалом. Конфликты с этническим компонентом на этапе насилиственных действий наносят значительный ущерб, в том числе уносят жизни людей и формируют негативную историческую память, то есть создают условия для возникновения подобных проблем в будущем.

Этнокультурная мозаичность мира усиливается. Ряд авторов констатируют рост конфликтности в этом мире и даже признают конфликты атрибутом современного миропорядка [Семененко, 2023]. Однако, принятие факта роста конфликтности не должно означать осуществление увеличения количества жертв и разрушений.

Для конфликтов с этническим компонентом характерна сложная структура. Необходимо согласиться с выводом О. В. Курбачевой о том, что в таких конфликтах всегда выявляется несколько контекстов и пересечение различных факторов [Курбачева, 2018].

Раннее предупреждение конфликтов с этническим компонентом требует надежных и применимых на практике методик. Разработка и внедрение подобных методик сдерживается, по мнению автора, некоторыми проблемами методологии прогнозирования. Предложение исследователями разных стран новых методов в прогнозировании не приводит к формированию универсальных методик и «прорывам» в деле прогноза конфликтов с этническим компонентом. Подобная ситуация не является чем-то новым. Попытки создания широко применимых методов прогнозирования конфликтов с этническим компонентом предпринимаются уже на протяжении десятилетий. Очевидна необходимость рассмотреть проблемы методологии прогнозирования подобных конфликтов. *Автор ставит перед собой задачи*, характерные для начального этапа исследования: выявить основные характеристики системы проблем в методологии прогнозирования конфликтов с этническим компонентом как объекта научного исследования; охарактери-

зователь проблемы, препятствующие разработке и внедрению эффективных методов прогнозирования таких конфликтов.

Создание новых методов прогноза конфликтов с этническим компонентом необходимо рассматривать не только как актуальную научную задачу. Представители российской власти неоднократно заявляли важности точного прогнозирования подобных конфликтов [Штукина, 2020]. В то же время официально органы власти РФ не ставят задачи прогнозировать конфликты с этническим компонентом. Стратегия государственной национальной политики российской Федерации на период до 2025 г. Не содержит упоминания прогнозирования подобных конфликтов. Указанный документ стратегического планирования на федеральном уровне отмечает лишь совершенствование государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций [Стратегия государственной ..., 2024]. Автор видит в этом методологическую проблему неполноты. Мониторинг является лишь первым этапом в сложной системе прогнозирования конфликта. Мониторинг необходимо рассматривать как процесс сбора и первичного обобщения информации. Он иногда содержит оценку собранной информации, но прогноз в любом случае не входит в систему мониторинга. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. От

13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» дает право прогнозировать конфликты с этническим компонентом. Он предполагает, что правительство РФ, а также власть уровня субъектов РФ, могут дополнять обязательные для прогнозирования позиции. Но в условиях высокоцентрализованной системы управления отсутствие прогноза конфликтов с этническим компонентом в перечне обязательных означает либо отсутствие такого прогнозирования, либо его крайне низкий методологический уровень в субъектах и муниципалитетах РФ.

Автор данной статьи считает необходимым пояснить концепт «конфликты с этническим компонентом». *Данный термин включает все виды «этнически маркированных» конфликтов, в том числе те, которые в отечественной науке принято называть этническими и этнополитическими.* Указанные виды конфликтов различаются в современной науке, но на практике они тесно взаимосвязаны. Этнические конфликты достаточно легко переходят в этнополитические. По мнению В. А. Авксентьева, Б. В. Аксюмова, Г. Д. Гриценко, у этнополитического конфликта существует возможность развития по модели политически оформленного этнического конфликта и «этнанизированного» политического конфликта [Авксентьев, 2020]. Для достижения цели нашего исследования различия этнических и этнополитических конфликтов не являются

важными. Укрупнение категорий с использованием концепта компонента дает возможность не концентрироваться на отличиях этнического и этнополитического конфликтов при исследовании проблем, для которых данное отличие не является важным. Ранее концепт компонента уже использовался российскими авторами для характеристики группы конфликтов. Например, понятие конфликта с этнополитическим компонентом используют отечественные исследователи И. С. Семененко, И. Л. Прохоренко, А. А. Давыдов [Семененко, 2023].

Методологическая основа исследования

Совокупность методологических подходов к прогнозированию достаточно велика. Л. Гинис классифицировала пять групп методов прогноза и сформулировала гипотезу о том, что все многообразие конкретных методик прогнозирования является интерпретациями и видоизменениями методов базовой группы: компьютерное моделирование; сценарии будущего; экспертные оценки, экстраполяция; историческая аналогия [Гинис, 2009, с. 232]. Согласно типологии Л. Гиннес, приведены иллюстрации двух идей автора настоящей статьи:

1. Все многочисленные элементы сложной системы прогнозирования принадлежат к одному из двух базовых типов: качественным (наиболее яркий пример – историческая аналогия) и количественным (в качестве

примера можно предложить компьютерное моделирование).

2. Для решения каждой прикладной задачи создается уникальная прогнозная система. Такие системы представляют собой сочетание методов, и конфигурацию этого сочетания можно определить с помощью особенностей объекта прогнозирования.

Автор понимает методологию как руководящие идеи исследования, а обе названные идеи рассматривает в качестве достаточной методологической базы для достижения результатов.

Результаты исследования

Основные характеристики системы проблем методологии прогнозирования конфликтов с этническим компонентом как объекта научного исследования

Социальные конфликты являются сложными системами с высоким присутствием субъективного фактора. Автор статьи ранее уже анализировал в нескольких работах воздействие эмоций на процесс этнического конфликта. По результатам данных исследований можно обоснованно предположить, что конфликтный характер коммуникации этnofоров значительно усиливает эмоциональность межэтнического контакта. Подобная эмоциональность быстро формирует образ врага вне зависимости от субъективных намерений участников конфликта [Савва, 2021].

Присутствие в системе конфликта с этническим компонентом у лю-

дей с проявлениями эмоций формирует в этих конфликтах многочисленные точки бифуркации, в которых процесс может измениться. Указанный аспект существенно усложняет прогнозирование хода таких конфликтов после их возникновения. Однако, как полагает автор, высокая эмоциональность затрудняет оценку возможности возникновения конфликтов с этническим компонентом: подобные конфликты могут возникнуть в условиях отсутствия, так называемых объективных предпосылок. Данное исходное условие дает возможность сформулировать гипотезу о проблемах создания методологии прогнозирования конфликтов с этническим компонентом.

Автор выделяет следующий ряд проблем:

1) Необходимость учитывать очень большой набор субъективных факторов, которые определяют вероятность возникновения такого конфликта. Этот перечень еще не выявлен. Но даже в случае установления всех факторов сложной исследовательской задачей является оценка взаимного влияния данных факторов, которая может ослаблять или усиливать их действие. Решением данной задачи может стать нахождение, так называемого результирующего показателя конфликта с этническим компонентом. Проявления такого показателя являются результатом множества факторов, и оценка результирующего показателя дает возможность для прогноза конфликта.

2) Существенные различия системы факторов конфликта с этническим компонентом в зависимости от социокультурной специфики конфликтующих групп. В различных культурах аналогичные или схожие модели (словесные конструкции, действия) могут восприниматься сторонами коммуникации по-разному. Им приписываются разные символические значения, что закономерно приводит к разным результатам. В рамках научного исследования это определяет уникальность практически каждой системы взаимодействия у представителей разных этнических общностей, разделенных значительной культурной дистанцией.

3) Разделение, главным образом в отечественной науке, исследователей, специализирующихся на количественных и качественных методах. Как было показано выше, прогнозирование предполагает использование как качественных, так и количественных методик. При этом задача прогнозирования конфликта с этническим компонентом может требовать комбинированной методологии, включающей как количественные, так и качественные методы. Решением данной задачи может быть использование исследовательских команд, сформированных учеными различной специализации. В таких командах должны быть специалисты как по качественным, так и количественным методикам при координирующей роли экспертов, которые ориентируются в обоих направлениях.

Проблемы разработки и внедрения эффективных методов прогнозирования конфликтов с этническим компонентом

Любое научное исследование предполагает опору на результаты предшественников. Для определения проблем разработки и внедрения методов прогнозирования конфликтов с этническим компонентом автор считает необходимым охарактеризовать динамику подходов к данному объекту в зарубежной и отечественной науке.

Методы мониторинга и прогноза, которые применяются зарубежными и отечественными учеными, позволяют определить *вектор изменения напряженности в коммуникациях представителей различных этнических общностей*: стабильность, снижение или повышение напряженности. Но даже у такого общего прогноза есть ограничения. Тенденцию динамики можно оценить лишь на макроуровне: общенациональном или в больших регионах.

В то же время, активность миграций усиливает социально-культурную, в том числе этническую гетерогенность. В ранее моноэтнических регионах возникают анклавы либо дисперсные группы людей другой этнической принадлежности. В таких условиях объективно возрастает значение методов, так называемого «мелкозернистого» прогнозирования. В русском языке это название закрепилось для определения группы методов, которые обеспечивают прогнозирование на

небольшой территории, например, в масштабе отдельных поселений. «Мелкозернистое» прогнозирование актуально, в частности, потому что в ситуации высокой гетерогенности события в коммуникации у представителей различных групп осуществляются разными способами в границах соседствующих сообществ [Daniel Racek, 2024].

Автор фиксирует такую тенденцию современной зарубежной науки как переход этноконфликтологических исследований на более низкие субнациональные уровни. Данная тенденция развивается на протяжении примерно 50 лет [Bazzi, 2019]. Переход на уровень поселения или соответствующий ему локальный масштаб позволяет исследовать предпосылки возникновения конфликта «в деталях» и более точно прогнозировать его. У группы методов «мелкозернистого» прогнозирования есть ограничение. Такой прогноз возможен только на основе дезагрегированных массивов объективной информации [Goodman, 2024]. Под дезагрегированными массивами информации автор понимает такие, которые объединяют элементы или группы данных, не подлежащие простому суммированию и характеризующие различные аспекты объекта изучения. Дезагрегированные массивы отличаются большим объемом разнообразной информации. Это позволяет конструировать и использовать довольно большое количество индикаторов конфликта. Дезагрегированные массивы открывают такое окно воз-

можностей, как поиск содержательных соотношений в значении различных индикаторов, которые в данной сфере деятельности называют индексами.

Концепт индекса направляет ученых в поиске единственного, пускай и конструктивно сложного, индикатора конфликта. Необходимо сделать оговорку о том, что тенденция в формировании дезагрегированных массивов информации гораздо более отчетливо проявляется за рубежом и менее характерна для российских реалий.

Каков ответ практики на вопрос: *возможно ли создание результирующих индикаторов (индексов) для прогнозирования конфликтов с этническим компонентом?* Применение результирующих индикаторов значительно повышает эффективность прогнозирования таких конфликтов, поскольку объективизирует результаты прогнозирования; делает эти результаты более наглядными; позволяет сравнивать различные ситуации по показателям индекса. Мировая практика подтверждает возможность использования для прогноза в ряде сфер, например, международной миграции, единственного индикатора [Marcus, 2020].

Отечественные исследователи Е. К. Басаева, Е. С. Каменецкий и З. Х. Хосаева предложили индекс, имеющий, по мнению автора, значительный прогностический потенциал. В качестве интегрированного индикатора они используют сумму убийств и самоубийств в опреде-

ленном сообществе людей. На основе исследования статистики арабских государств накануне «Арабской весны» (смены режимов в ряде арабских стран в 2005–2010 гг.) Е. К. Басаева, Е. С. Каменецкий и З. Х. Хосаева обосновали предположение о том, что увеличение указанного индекса на 5 % прогнозирует нестабильность и потрясения в общенациональном масштабе. В то же время, процитированные результаты стали иллюстрацией существования «рамок» для указанного индекса. Исследователи указали, что на массовые протесты и смену режимов в 2005–2010 годах оказывал большое влияние такой фактор, как доля иностранных мигрантов в общем населении страны. На территориях, где процент иностранцев был менее 15 %, предложенный индекс имеет высокий прогнозный потенциал. В регионах, где процент иностранцев более 15 %, названный интегрированный индикатор не работает. Как пишут Е. К. Басаева, Е. С. Каменецкий и З. Х. Хосаева, в такой ситуации общее число убийств и самоубийств прогнозирует динамику напряженности в среде самих иммигрантов, и увеличение значения индекса не свидетельствует о грядущих общенациональных потрясениях [Басаева, 2022].

Наиболее распространенный в отечественной науке и практике макрометод прогноза этнических и этнополитических конфликтов иллюстрирует Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

Сеть с 1993 г. Ведет мониторинг этнополитической ситуации в РФ, в том числе субъектах Федерации, и представляет результаты мониторинга в ежегодных докладах под руководством академика РАН В. А. Тишкова. Методика прогноза Сети этнологического мониторинга является наглядной иллюстрацией экспертного подхода. Региональные эксперты оценивают этнополитическую ситуацию с использованием системы индикаторов по шкале от +2 до -2. Полярная шкала позволяет отразить вектор динамики. Положительные значения демонстрируют уменьшение уровня конфликтности, значение 0 говорит о том, что ситуация стабильна, а отрицательные оценки характеризуют тенденцию к усилению напряженности [Этнополитическая ситуация..., 2024]. Количественный формат индикатора расширяет возможности для анализа результатов экспертных оценок, в том числе дает возможность сравнивать оценки различных субъектов РФ. Необходимо акцентировать внимание на мнении А. Е. Цымбаловой, которая констатировала, что балльные экспертные оценки не обеспечивают точности прогноза. В модели Сети этнологического мониторинга главным прогнозным инструментом является субъективное мнение эксперта. При этом исследовательская триангуляция, то есть процедуры проверки выводов и параллельные прогнозные оценки в данной модели, не предусмотрена [Цымбалова, 2020].

Автор констатирует, что используемые российскими исследователями системы предупреждения конфликтов концентрируются на собственно мониторинге, то есть этапе сбора информации. В то же время этап ее оценки явно не обеспечен методологически. Другими словами, отечественная наука изучает и предлагает методы мониторинга конфликтов с этническим компонентом, но этого недостаточно. Автор статьи согласен с идеей А. Остин о том, что любая система раннего предупреждения конфликта направлена на достижение *трех основных целей*: понять причины конфликта, дать прогноз его возникновения и развития и снизить интенсивность, а соответственно, ущерб. Для определения причин конфликта и его прогноза обязательным условием является сбор информации, ее обобщение и оценка [Остин, 2007]. Необходимо подчеркнуть значительный содержательный разрыв между пониманием причин конфликта и способностью прогнозировать этот конфликт. Как Г. Мюллер и К. Раух констатируют, что переменные, которые идентифицированы в качестве причин конфликта, как правило, не являются предикторами [Mueller, 2022].

Зарубежные исследователи также довольно активно разрабатывают методы прогнозирования на основе индексов. Группа авторов из Института сложных систем Новой Англии (Кембридж, Массачусетс) предложила в публикации 2014 г. Идею географического распределения,

которая постулирует приоритет географического фактора в создании условий для конфликтов с этническим компонентом. По мнению группы ученых из США, насилие является результатом конфигурации границ между этническими общностями. Экономические и социальные причины создают условия для насилия. Но насилие проявляется лишь тогда, когда имеется главное условие – определенная пространственная структура населения. Предиктором насилия на местном уровне является географическая однородность. Следовательно, именно это пространственное разделение можно использовать для прогноза конфликтов с этническим компонентом [Alex Rutherford].

Исследователи Института сложных систем указывают, что их модель применима для прогноза насилия во взаимодействии этнических общностей на локальном уровне, но не для оценки преступности или шансов начала войны между государствами. Главную прогнозную идею названной группы авторов можно сформулировать следующим образом: при дисперсном расселении этнических групп в каком-либо регионе численность этнических коллективов недостаточно велика, чтобы сформировать сильную коллективную идентичность. Коллективные идентичности, которые существуют в такой ситуации, недостаточно сильны, чтобы навязывать их или воспринимать в качестве угрозы культурным ценностям или социальному/политическому само-

определению других групп. В случае, когда ситуация прямо противоположна описанной, то есть этнические общности являются достаточно большими, они формируют самодостаточные сообщества, которые пользуются местным суверенитетом. Условия для конфликта создает условная промежуточная ситуация, когда налицо частичное разделение этнических общностей с плохо определенными границами. Необходимо указать на такой сдерживающий конфликты фактор, как физические границы: горные хребты, озера или национальные и субнациональные политические границы, которые устанавливают местную автономию. Физические границы могут предотвратить нарушения культурных норм. Это важно, поскольку именно нарушения культурных норм вызывают напряженность между группами и способствуют самоопределению данных групп. Создавая автономные области для деятельности и власти различных этнических общностей, такие границы защищают группы друг от друга

Насилие проявляется, когда контактирующие этнические общности имеют определенный географический размер, позволяющий им навязывать культурные нормы другим сообществам. Эту прогнозную идею можно свести к достаточно простому выводу: насилие во взаимодействии между этническими общностями проявляется, когда взаимодействуют группы с фиксированным количеством участников. Сле-

довательно, для прогнозирования этнически обусловленного насилия можно эффективно использовать географические распределения населения разной этнической принадлежности.

Предложенная авторами Института сложных систем модель прогноза конфликтов с этническим компонентом опирается на универсальную базу информации по переписи населения [Alex Rutherford].

Идея географического распределения как главного фактора конфликта была апробирована на материалах Швейцарии, странах бывшей Югославии и точно определила территории, на которых возможен этнический конфликт. В то же время, по мнению автора, подобная апробация недостаточна. Швейцария и Югославия (при всех различиях), относятся к европейскому культурному ареалу. Социально-культурные различия могут играть большую роль в качестве фактора поведения людей в конфликте. Однаковые или схожие географические распределения в разной социокультурной среде могут вызывать разные последствия. Для создания универсальной модели единственного индикатора конфликтов с этническим компонентом необходима дальнейшая апробация идеи географического распределения.

Зарубежная практика прогнозирования конфликтов с этническим компонентом позволила сформулировать вывод о том, что эффективность моделей прогнозирования существенно зависит от объема и раз-

нообразия информации, которая используется для прогнозирования. Чем больше объем и дифференцированность массива информации, тем выше точность прогноза [Vesco, 2022]. Некоторые отечественные исследователи сделали похожие выводы с помощью другой эмпирической базы. Так, И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин указали на то, что важным фактором эффективности прогноза этнополитических конфликтов является широта спектра эмпирического материала, который анализируется и обобщается [Семененко, 2023].

Модель единственного индикатора, примеры которой выше привел автор, удобна в практическом применении. Причина состоит в том, что данная модель предполагает сбор, анализ и обобщение массива информации, виды которой точно определены. Данная модель свободна от субъективности экспертных оценок. Однако такая модель прогнозирования предполагает ограничения, которые обязательно нужно учитывать. По мнению автора статьи, существует такое ограничение универсального использования индексов убийств-самоубийств и географического распределения, как наличие адекватной статистики населения. Система учета населения, в том числе по этническому критерию, должна быть точной. Это предполагает не только подход к определению этничности, основанный на реальности, но также регулярное и качественное проведение переписей населения. В целом ряде

стран, в том числе европейских, статистика населения основана на экстраполяции небольшого количества наблюдений, что объективно ухудшает качество данной статистики. Необходимо учитывать также, что для разработки применимых и универсальных индексов прогноза конфликтов с этническим компонентом необходимо продолжительное наблюдение. В каждом территориальном сообществе необходимо проводить исследования в течение около 5 лет. Индикаторы, которые были разработаны и успешно апробированы в макрорегионах с выраженной социально-культурной спецификой, невозможно использовать в других макрорегионах без глубокой адаптации и проверки. Здесь указан далеко не весь перечень возможных ограничений, которые могут быть далеко не банальными, а следовательно – трудновыявимыми. Процесс поиска таких ограничений предполагает проверку большого количества гипотез. Даже в случае успешного конструирования и апробирования единственного индикатора конфликта с этническим компонентом, авторы данного индекса должны выявить все его ограничения в применении.

Заключение

Конфликты с этническим компонентом как объекты прогноза относятся к наиболее сложным. Стороны таких конфликтов ведут высоко эмоциональную коммуникацию, что существенно повышает количество точек бифуркации в процессе развития конфликта. Как результат, в

каждой такой точке появляется возможность изменения траектории конфликта.

Можно сформулировать гипотезу о следующих основных проблемах создания методологии в прогнозировании конфликтов с этническим компонентом: 1. Необходимость учитывать очень большой набор глубоко субъективных факторов, которые определяют вероятность возникновения такого конфликта. Решением данной задачи может стать нахождение так называемого результирующего показателя конфликта с этническим компонентом. 2. Значительные различия системы факторов конфликта с этническим компонентом в зависимости от социокультурных особенностей конфликтующих групп. Одни и те же действия в разных культурах имеют разные значения, в том числе символическое, и приводят к разным результатам. 3. Глубокое разделение, главным образом в отечественной науке, исследователей, специализирующихся на количественных и качественных методах. Прогнозирование предполагает использование как количественных, так и качественных методов. Решением данной задачи может быть использование исследовательских команд, сформированных учеными различной специализации.

Большинство применяемых на практике систем раннего прогнозирования конфликтов являются относительно эффективными лишь на национальном и региональном уровнях, они не позволяют выявить большинство потенциальных кон-

фликтов локального уровня. Потребности практики определяют необходимость перехода к «мелко-зернистому прогнозированию», которое работает в масштабе небольших по численности сообществ. Данная тенденция, характерная для зарубежных исследований, до настоящего времени не получила развития в отечественной науке.

Результирующие индексы (единственные индикаторы конфликта) удобны в практическом применении в силу того, что они предусматривают сбор и обобщение ограниченных четкими критериями массивов информации и свободны от субъективности экспертных оценок. В то же время подобная модель прогноза предполагает ряд ограничений, ко-

торые необходимо учитывать: наличие адекватной статистики населения; достаточно долгий период сбора эмпирической информации для выводов об адекватности индекса; апробация индексов, претендующих на универсальность, в различных социально-культурных средах. Данный перечень ограничений не является исчерпывающим. Такие ограничения часто не сложно установить, их поиск требует проверки большого количества гипотез. Даже в случае успешного конструирования и апробирования в различных регионах индекса конфликта с этническим компонентом необходимо сформулировать для практического использования все ограничения данного индекса.

Библиографический список

1. Авксентьев В. А. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Г. Д. Гриценко // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>.
2. Басаева Е. К. Прогнозирование социально-политической нестабильности (на примере Арабской весны) / Е. К. Басаева, Е. С. Каменецкий, З. Х. Хосаева // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 96–106. DOI 10.31857/S013216250021519-3.
3. Гинис Л. А. Обзор методов научного прогнозирования // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. № 3. Тематический выпуск «Методы, моделирование, прогнозирование». С. 231–236.
4. Курбачева О. В. Проблема этнических конфликтов в условиях глобальной нестабильности // Век глобализации. 2018. № 4. С. 114–124.
5. Остин А. Раннее предупреждение и мониторинг конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. Москва : Наука, 2007. С. 132–155.
6. Савва Е. Влияние напряженности этнических отношений на межкультурную коммуникацию // THESAURUS. 2021. Выпуск VIII. Могилев. Могилевский институт МВД Республики Беларусь. С. 187–195.
7. Семененко И. С. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69–94. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.06.

8. Семененко И. С. Картрирование этнополитической конфликтности: прогностический потенциал и методологические ограничения / И. С. Семененко, И. Л. Прохоренко, А. А. Давыдов // Анализ и прогноз. 2023. № 4. С. 13–25. DOI: 10.20542/afij-2023-4-13-25.
9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержден Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. От 15.01.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (дата обращения: 10.09.2025).
10. Цымбалова А. Е. Российский опыт разработки и трансформации систем мониторинга межнациональных отношений // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2020. № 8. С. 134–141.
11. Штукина Е. Медведев призвал наладить прогнозирование этнических конфликтов. 3.12.2020 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201203/medvedev-1587527417.html> (дата обращения: 15.06.2025).
12. Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред.: В. А. Тишков, А. В. Черных. Пермь : Маматов, 2024. 456 с.
13. Alex Rutherford, Dion Harmon, Justin Werfel, Alexander S. Gard-Murray, Shlomiya Bar-Yam, Andreas Gros, Ramon Xulvi-Brunet, Yaneer Bar-Yam (2014). Good fences: The importance of setting boundaries for peaceful coexistence. PloS ONE 9 (5): e95660. URL: https://www.researchgate.net/publication/307647804_Good_fences_the_importance_of_setting_boundaries_for_peaceful_coexistence (дата обращения: 15.06.2025).
14. Bazzi L., Brouwer S., Planelles Almeida M., Foucart A. (2022). Would you respect a norm if it sounds foreign? Foreign-accented speech affects decision-making processes. PloS ONE 17 (10): e0274727. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0274727>.
15. Bohme, Marcus, Andre Groger, and Tobias Stohr (2020). Searching for a better life: Predicting "International migration with online search keywords" // Journal of development economics, 142, 102347.
16. Daniel Racek, Paul W. Thurner, Brittany I. Davidson, Xiao Xiang Zhu, Görn Kauermann. Conflict forecasting using remote sensing data: An application to the Syrian civil war. // International journal of forecasting. Volume 40, Issue 1, January–March 2024, P. 373-391.
17. Hannes Mueller, Christopher Rauh. The hard problem of prediction for conflict prevention // Journal of the European Economic Association. 2022. 20 (6):2440–2467. <https://doi.org/10.1093/jeea/jvac025>
18. Hegre, Håvard, Lisa Hultman & Håvard Mokleiv Nygård (2019) Evaluating the conflict-reducing effect of UN peacekeeping operations // The Journal of politics. 81 (1): 215–232.
19. Paola Vesco, Håvard Hegre, Michael Colaresi, Remco Bastiaan Jansen, Adeline Lo, Gregor Reisch. United they stand: Findings from an escalation prediction competition // International Interactions. Empirical and theoretical research in international relations. Volume 48, 2022. Issue 4: Lessons from a Conflict Escalation Prediction Competition. P. 860-896. <https://doi.org/10.1080/03050629.2022.2029856>.
20. Seth Goodman, Ariel BenYishay and Daniel Runfola. Spatiotemporal prediction of conflict fatality risk using convolutional neural networks and satellite imagery // Remote sens. 2024, 16 (18), 3411. <https://doi.org/10.3390/rs16183411>.

Reference list

1. Avksent'ev V. A. Jetnichnost' v politicheskikh konfliktah: jetnizacija politiki I politizacija jetnichnosti = Ethnicity in political conflicts: the ethnization of politics and the politicization of ethnicity / V. A. Avksent'ev, B. V. Aksjumov, G. D. Gricenko // Politicheskaja nauka. 2020. № 3. S. 74–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>.
2. Basaeva E. K. Prognozirovanie social'no-politicheskoy nestabil'nosti (na primere Arabskoj vesny) = Predicting socio-political instability (using the Arab Spring as an example) / E. K. Basaeva, E. S. Kameneckij, Z. H. Hosaeva // Sociologicheskie issledovaniya. 2022. № 10. S. 96–106. DOI 10.31857/S013216250021519-3.
3. Ginis L. A. Obzor metodov nauchnogo prognozirovaniya = Review of scientific forecasting methods // Izvestija JuFU. Tehnicheskie nauki. 2009. № 3. Tematicheskij vypusk «Metody, modelirovanie, prognozirovanie». S. 231–236.
4. Kurbacheva O. V. Problema jetnicheskikh konfliktov v uslovijah global'noj nestabil'nosti = Problem of ethnic conflict in global instability // Vek globalizacii. 2018. № 4. S. 114–124.
5. Ostin A. Rannee preduprezhdenie I monitoring konfliktov = Early warning and conflict monitoring // Jetnopoliticheskij konflikt: puti transformacii. Nastol'naja kniga Berghofskogo centra. Moskva : Nauka, 2007. S. 132–155.
6. Savva E. V. Vlijanie naprjazhennosti jetnicheskikh otnoshenij na mezhkul'turnuju kommunikaciju = Impact of ethnic tensions on intercultural communication // THESAURUS. 2021. Vypusk VIII. Mogilev. Mogilevskij ussian MVD Respublik Belarus'. S. 187–195.
7. Semenenko I. S. Tipologija jetnopoliticheskoy konfliktnosti: metodologicheskie vyzovy «bol'shoj teorii» = Typology of ethnopolitical conflict: methodological challenges of the “big theory” / I. S. Semenenko, V. V. Lapkin, V. I. Pantin // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 6. C. 69–94. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.06.
8. Semenenko I. S. Kartirovanie jetnopoliticheskoy konfliktnosti: prognosticheskij potencial I metodologicheskie ogranicenija = Mapping ethnopolitical conflict: prognostic potential and methodological limitations / I. S. Semenenko, I. L. Prohorenko, A. A. Davydov // Analiz I prognoz. 2023. № 4. S. 13–25. DOI: 10.20542/afij-2023-4-13-25.
9. Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Utverzhdena Uzakom Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 (red. Ot 15.01.2024) = Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666 (ed. 15.01.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (data obrashhenija: 10.09.2025).
10. Cymbalova A. E. Rossijskij opyt razrabotki I transformacii ussia ussian g mezhnacional'nyh otnoshenij = Russian experience in the development and transformation of systems for monitoring interethnic relations // XX vek I Rossija: obshhestvo, ussia, revoljucii. 2020. № 8. S. 134–141.
11. Shtukina E. Medvedev prizval naladit' prognozirovanie jetnicheskikh konfliktov. 3.12.2020 = Medvedev called for the forecasting of ethnic conflicts. 3.12.2020 // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20201203/-1587527417.html> (data obrashhenija: 15.06.2025).
12. Jetnopoliticheskaja situacija v Rossijskoj Federacii v 2023 godu. Ezhegodnyj doklad Seti jetnologicheskogo ussian g I rannego preduprezhdenija konfliktov = Eth-

nopolitical situation in the Russian Federation in 2023. Annual Report of the Ethnological Monitoring and Conflict Early Warning Network / Red.: V. A. Tishkov, A. V. Chernyh. Perm' : Mamatov, 2024. 456 s.

13. Alex Rutherford, Dion Harmon, Justin Werfel, Alexander S. Gard-Murray, Shlomiya Bar-Yam, Andreas Gros, Ramon Xulvi-Brunet, Yaneer Bar-Yam (2014). Good fences: The importance of setting boundaries for peaceful coexistence. *PloS ONE* 9 (5): e95660. URL: https://www.researchgate.net/publication/307647804_Good_fences_the_importance_of_setting_boundaries_for_peaceful_coexistence (data obrashhenija: 15.06.2025).
14. Bazzi L., Brouwer S., Planelles Almeida M., Foucart A. (2022). Would you respect a norm if it sounds foreign? Foreign-accented speech affects decision-making processes. *PloS ONE* 17 (10): e0274727. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0274727>.
15. Bohme, Marcus, Andre Groger, and Tobias Stohr (2020). Searching for a better life: Predicting "International migration with online search keywords" // *Journal of development economics*, 142, 102347.
16. Daniel Racek, Paul W. Thurner, Brittany I. Davidson, Xiao Xiang Zhu, Görn Kauermann. Conflict forecasting using remote sensing data: An application to the Syrian civil war. // *International journal of forecasting*. Volume 40, Issue 1, January–March 2024, P. 373-391.
17. Hannes Mueller, Christopher Rauh. The hard problem of prediction for conflict prevention // *Journal of the European Economic Association*. 2022. 20 (6):2440–2467. <https://doi.org/10.1093/jeea/jvac025>
18. Hegre, Håvard, Lisa Hultman & Håvard Mokleiv Nygård (2019) Evaluating the conflict-reducing effect of UN peacekeeping operations // *The Journal of politics*. 81 (1): 215–232.
19. Paola Vesco, Håvard Hegre, Michael Colaresi, Remco Bastiaan Jansen, Adeline Lo, Gregor Reisch. United they stand: Findings from an escalation prediction competition // *International Interactions. Empirical and theoretical research in international relations*. Volume 48, 2022. Issue 4: Lessons from a Conflict Escalation Prediction Competition. P. 860-896. <https://doi.org/10.1080/03050629.2022.2029856>.
20. Seth Goodman, Ariel BenYishay and Daniel Runfola. Spatiotemporal prediction of conflict fatality risk using convolutional neural networks and satellite imagery // *Remote sens.* 2024, 16 (18), 3411. <https://doi.org/10.3390/rs16183411>.

Статья поступила в редакцию 27.09.2025; одобрена после рецензирования 19.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 27.09.2025; approved after reviewing 19.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 321.01

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-53

EDN: ULINQT

Антрапологический конструкт «*homo politicus*» в поле современной российской политики

Ольга Валерьевна Епархина

Кандидат политических наук, доцент, и. о. заведующего центра анализа и прогноза развития научно-технологического комплекса, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, г. Москва
gelaq@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2793-7608>

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмыслиения термина «человек политический» как конструируемого понятия в условиях антропологического поворота и изменения ценностной повестки, происходящих в последние годы в российском культурном и политическом поле. В рамках антропологического перехода актуален вопрос о разработке комплексного антропологического конструкта, объясняющего взаимовлияние жизненных сфер, структур политики и государственной власти, которым и выступает чаще всего «человек политический». Рассмотрены различные подходы к конструкции понятия «человек политический», определено понятие «традиционного транзита/национально-культурного транзита» как процесса укоренения традиционных ценностей. Установлена близость данного конструкта к понятию «нормативной личности». Показана необходимость классификации данного понятия по нескольким основаниям: антропологическому, социологическому, политическому, личностному. Определены возможности и перспективы развития антропологического направления в политической науке, его значимость для отечественной политологии в свете проходящего национального-культурного транзита. «Человек политический» в России как социальный конструкт формировался на основе определенных культурно-исторических традиций, включающих, в том числе стремление к легитимации государственной власти. В силу этого он предполагает признание доминирующей роли государства в системе управления общественными процессами и во многом формируется в рамках коллективного бессознательного. Формирование концепта «человека политического» в России осуществлялось в иных условиях, чем это происходило на Западе, в силу того, что сами отношения государства и человека в России, в отличие от аналогичных взаимоотношений на Западе, определяются не столько общественным договором между гражданами и властью, сколько культурными факторами.

Ключевые слова: Россия; Запад; государство; политическая антропология; антропологический поворот; человек политический; национально-культурный транзит; традиционный транзит; концепт; конструирование

Для цитирования: Епархина О. В. Антропологический конструкт «*homo politicus*» в поле современной российской политики // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 53–64. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-53>. <https://elibrary.ru/ULINQT>.

Original article

The anthropological construct “*homo politicus*” in the field of modern Russian politics

Olga V. Eparkhina

Candidate of political sciences, associate professor of center for analysis and forecast of the scientific and technological complex development, Russian institute of economics, politics, and law, Moscow
gelaq@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2793-7608>

Abstract. The article attempts to understand the term “*homo politicus*” as a constructed concept in the context of the anthropological turn and changes in the value agenda taking place in recent years in the Russian cultural and political field. Within the framework of the anthropological transition, the issue of developing a comprehensive anthropological construct explaining the mutual influence of life spheres, structures of politics and state power, which is most often the “*homo politicus*”, is relevant. Various approaches to constructing the concept of “*homo politicus*” are considered, the concept of “traditional transit/national-cultural transit” as a process of rooting traditional values is defined. The proximity of this construct to the concept of “normative personality” has been established. The necessity of classifying this concept on several grounds is shown: anthropological, sociological, political, personal. The possibilities and prospects for developing the anthropological field in political science, its significance for domestic political science in the light of the ongoing national and cultural transit are determined. The “*homo politicus*” in Russia as a social construct was formed on the basis of certain cultural and historical traditions, including the desire to legitimize state power. Because of this, it presupposes the recognition of the dominant role of the state in the management system of social processes and is largely formed within the framework of the collective unconscious. The formation of the concept of a “*homo politicus*” in Russia was carried out in different conditions than it was in the West due to the fact that the relations between the state and man in Russia, unlike similar relations in the West, are determined not so much by a social contract between citizens and government, as by cultural factors.

Key words: Russia; the West; the state; political anthropology; anthropological turn; “*homo politicus*”; national and cultural transit; traditional transit; concept; construction

For citation: Eparkhina O. V. The anthropological construct “*homo politicus*” in the field of modern Russian politics. *Social and political researches*. 2025;4(29): 53–64.

(In Russ.).

<http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-53>.

<https://elibrary.ru/ULINQT>.

Введение

Понятие «антропологический поворот» возникло в конце XX в. И связано с влиянием антропологии, этнологии, семиотики, истории, психологии, социологии и других дисциплин на общую совокупность в осмыслении индивида и его деятельности. Антропологический поворот предполагает переход к событийному восприятию человека, активизацию применения антропологической и этнографической методологии и гуманистических подходов в социально-образовательной и воспитательной деятельности. Указанный аспект – это одна из попыток смены парадигмы мышления и переформатирования систематического знания о человеке. В связи с этим изменилось понимание образовательной сферы. Так, в частности, начала происходить трансформация институтов, формирующих комплекс ценностей развития и вопросов человеческого потенциала [Захарова, 2024; Антанович, 2022; Зубов, 2023; Тахтамышев, 2022; Гусева, 2023; Голобородько, 2023].

При этом следует отметить, что социальные науки не сумели полностью отделиться от конструктивистских подходов при описании человека, вероятно, в силу их ощущимого и продолжительного влияния на социальную мысль второй половины XX в. Это привело к множественным дискуссиям о совместимости

антропологического и конструктивистского подходов применительно к знанию о человеке.

Эти дискуссии отразились на сфере политической антропологии как области междисциплинарных исследований, объединивших методы многих наук (политология, психология, социология, этология, биология, культурология, теология и др.). Политическая антропология делает акцент на изучении влияния культурно-институциональных, внеинституциональных факторов, и факторов, связанных с конструированием социального действия на индивидуальное и групповое политическое поведение и, опосредованно, на формальные политические институты.

«Человек политический» по-прежнему остается конструируемым понятием, что обуславливает необходимость изучения механизмов его социализации (в том числе через образовательные институты), ценностной основы его формирования и презентации в публичной политике [Волкова, 2023; Тощенко, 2025]. Социализация, особенно политическая, чаще всего происходит не только через образовательные институты, но и механизмы повседневности и государственного принуждения. Данный конструкт занимает свою нишу в ряду прочих аналогичных конструктов: «человек экономический», «человек организационный», «человек потреб-

ляющий», «человек коммуникационный», «e-homo», «человек административный».

В рамках антропологического перехода актуален вопрос о разработке комплексного антропологического конструктора, объясняющего взаимовлияние жизненных сфер, структур политики и государственной власти, которыми и выступает чаще всего «человек политический». Как отмечает В. М. Капицын, «подходы к такому конструктору намечаются в концепциях “человека олигархического” и “человека демократического” (Платон), чистых типов политического господства (М. Вебер), политической культуры (Г. Алмонд и С. Верба), “советского простого человека” (Ю. Левада*), “политического человека” (С. М. Липсет), “гражданской состоятельности государства”» (Ч. Тилли)» [Политология, 2019, с. 53]. Важнейшим моментом в таких конструкторах является осознание политических интересов и политического участия, начиная с интереса к информации о политике и заканчивая деятельностью в политических партиях. Также важно, что данный конструктор показывает, как в политике опосредуется взаимовлияние «жизни» и «системы», автономии и зависимости, интересов меньшинства и большинства, государственной власти, норм, соотнесение государственной власти с индивидуальной и групповой идентичностью. В американской традиции политической мысли этот конструктор чаще всего соотносился

с темой активного политического участия. В отечественной, как правило, с высокой степенью идентичности и коллективной интеграции, солидарностью с властью, утверждением общих ценностей и набором массовых самооценок, мнением о себе, когда способность к индивидуальному участию не выражена или не находит инструментов. Также зачастую он представляет людей, обладающих стремлением к инклузии в системе связей общества и государства, способных противостоять эксклюзии, включаться в решение коллективных проблем, оказывать влияние на власть, осознавая, что без этого они не смогут совершенствовать себя и свою жизнь в целом. Социальные изменения должны сохранять вектор движения к «человеку политическому» – инклузированному (включенному) в политическую жизнь. Но включение в политическую жизнь невозможно без включения в поле гражданской активности. Е. Гонтмахер предлагает ориентировочный перечень измеримых целевых параметров «включенности»:

- доля самозанятых и занятых в малом бизнесе, находящихся в легальном поле;
- активность на выборах любого уровня;
- масштаб использования государственных и муниципальных электронных сервисов не только для получения услуг, но и для ознакомления с деятельностью органов власти (пассивный гражданский контроль);

- распространность участия в работе некоммерческих организаций (НКО) и благотворительности;
- параметры, связанные с созданием «сетки социальной безопасности»;
- информационная симметрия государства, индивида и общества, о которой он также упоминает в своих работах [Гонтмахер, 2024, с. 16].

С необходимостью понимания этих позиций связан рост интереса и переосмысление политической антропологии как важнейшей субдисциплины в современной России и конструкта «человек политический» как ее производного.

Методы

В процессе написания статьи были использованы общенаучные теоретические методы, в частности, анализ, синтез, диалектический метод, а также метод социального конструирования.

Результаты

Как отмечает В. Тишков, «... если возникновение в мировой науке политической антропологии как относительно самостоятельной субдисциплины было по сути дела теоретическим обобщением европейского (прежде всего британского) опыта по организации управления колониальными территориями», то в дальнейшем «... в отличие от историографии и политологии, антропология обращает больше внимания на политический процесс, чем на политическое событие, и на такую форму человеческой активности, которая носит больше

публичный, чем частный характер. Уровень данной публичной активности может распространяться от соседской общины до страны или даже мировых регионов, чем мало занималась прошлая политическая антропология, в центре внимания которой были главным образом структурированные и гомогенные общества. Современная политическая антропология включила в свой арсенал не только вопросы социальной истории повседневности и политическую экономию, но и вопросы «символического капитала», массовых информационных воздействий и неформальных сообществ как важнейших элементов политического поля и системы власти, а также самого существования культурно сложных сообществ (национальных и транснациональных)» [Тишков, 2021, с. 68]. В. Бочаров указывает, что «признание традиционных институтов власти в качестве полноправных элементов культуры предполагало и соответствующее отношение к ним со стороны политиков, пытавшихся адаптировать их к своим целям. ...Переход от структурной теории к теории процесса имел объективную корреляцию в распаде колониальной социальной стабильности. «Племена» были включены в более широкий социально-политический контекст» [Бочаров, 2001, с. 50]. Исследователь отмечает, что политическая культура российского общества, как и культура развивающихся стран, имеет два ярко выраженных уровня. Данная политиче-

ская культура элит, которая во многом строится на рационально-западной парадигме, и народная политическая культура, более близкая к традиционной: «Русские ученые конца прошлого – начала нынешнего века постоянно отмечали эту особенность. Н. Бердяев писал, например: «Нигде, кажется, не было такой пропасти между верхним и нижним слоем, как в Петровской, императорской России. И ни одна страна не жила одновременно в столь разных столетиях, от XIV до XIX вв. и даже до века грядущего, XXI века»» [Бочаров, 2001, с. 52].

После издержек демократического транзита 1990-х г. Российское общество в настоящее время переживает аналогичный по структуре и типу процесс, но направленный уже в сторону закрепления традиционных ценностей. С полным основанием мы можем назвать этот процесс «традиционным транзитом» и, пользуясь терминологией М. Урнова, заявить, что в этих процессах культуру, экономику, технологию, социальную структуру, политику целесообразно рассматривать как систему разнородных, но взаимосвязанных факторов современного российского транзита. В этой системе факторов культура играет роль ограничителя в спектре возможных решений и действий индивидов, групп и общества в целом [Урнов, 2011; Урнов, 2012]. При таких процессах, как указывает автор, мы сталкиваемся с таким явлением, как «волатильность культуры» переходного общества.

В этих условиях важно определиться – какой смысл закладывается в концепт «человека политического» – поскольку он может использоваться в различных дисциплинарных дискурсах. А. А. Лубский подчеркивает, что, например, в поле культурологии «человек политический» рассматривается, прежде всего, как «человек своей культуры и своего времени», в контексте той поведенческой и мотивационной модели, которая характерна для этого времени. В политической антропологии «человек политический» предполагает акцент на приоритетных политических ценностях, предоставляющих возможность совместить личные ценности, цели и установки с социально-политическими и государственными [Бочаров, 2001; Урнов, 2011]. В. Мартынов отмечает, что в поле политологии «человек политический» понимается как элемент, включенный в институциональные практики поддержания порядка, стабильности, эффективного управления. В этом случае человек, по мнению В. Мартынова, «как продукт и движущая сила функционирования и развития общества» выступает объектом социального управления и основным источником тех социальных изменений, которые рассматриваются в качестве «совокупности индивидуальных действий», определяющих разнообразные способы реконструкции политической действительности, способный самостоятельно осуществлять выбор из предложен-

ных альтернатив и действовать на основании индивидуальных социально-политических предпочтений и пристрастий» [Мартынов, 2009, с. 85].

В рамках междисциплинарного дискурса особую значимость имеет нормативно-деятельностный подход к пониманию сущности «человека политического» и его особенностей в России. В рамках данного подхода «человек политический» может рассматриваться в качестве нормативного типа личности. Как отмечает А. Лубский, в научной литературе понятие «нормативная личность» рассматривается в *трех аспектах*:

- личность как идеальный тип, соответствующий культуре данного общества;
- типичная личность как продукт социализации в рамках культуры данного общества;
- личностное воплощение типа общественных отношений, сложившихся в рамках данной культуры. Определенной культурой.

Таким образом, отмечает А. Лубский, «... нормативная личность – это совокупность устойчивых, с трудом поддающихся изменениям черт, характерных для индивидов одной культуры.» [Лубский А. В., Лубский Р. А., 2023; Лубский А. В., 2013, с. 24-30]

Таким образом, смысл, вкладываемый в это понятие Аристотелем, существенно изменился, уйдя от понимания его как общественного существа, реализующего свою естественную сущность жизнью в

полисе. Данное понимание связано с изменением характера общественных отношений; для полисов было характерно совмещение разнонаправленных ролей и функций гражданина (экономическая, политическая, культурная и др.), однако, с приходом Нового времени, происходит диверсификация этих ролей. Как отмечает А. Панарин, «... этот конфликт продолжается по сей день, породив на Западе ситуацию «двух культур», о которых в прошлом столетии писали представители стадиального подхода к анализу динамики обществ. Экономический человек реализует функции производства, политический – распределения продукта, в том числе в социально незащищенных и неконкурентоспособных слоях населения. Соответственно, как отмечает автор, «... сталкиваются два европейских мифа: миф саморегулирующегося рыночного общества, не нуждающегося в каких бы то ни было вмешательствах политики, и миф тотального государственно-политического регулирования, преодолевающего стихии рынка, как и все другие иррациональные стихии» [Панарин, 2010, с. 346]. А. Панарин указывает, что оба этих мифа в своей основе содержат опору на рациональность в ее веберианском смысле, однако, в своем противостоянии постоянно используют обвинение друг друга в ее избыточности или недостаточности, находясь в состоянии перманентного институционального конфликта. «Нхождение у власти социал-демократов олицетворяет доминан-

ту политического человека с его перераспределительными интенциями; приход к власти правых (монархистов) означает реванш экономического человека, критикующего расточительность социального государства и его инфляционистские эффекты» [Панарин, 2010, с. 346]

Размышляя о «человеке политическом» как конструкте, соотносимом с современной российской действительностью, мы должны осознавать, что политика по своей природе воплощена в действиях, то есть имеет выраженный акциональный характер институтов и форм. Однако, и институты власти, и общественные группы оказывают на индивида социализирующее воздействие и формируют не только профессиональную, религиозную или этническую, но и политическую идентичность личности. Именно в результате данного воздействия формируется личность, способная быть субъектом политики. Субъектность личности в политике проистекает из ее способности, возможности и потребности участвовать в политической жизни общества и государства в соответствии со своими интересами. Но в отличие от других сфер общественной жизни, в политике она реализует личные интересы как часть общественных или государственных интересов.

Как указывает И. Щеглов, в современной российской политической науке человек политический рассматривается в двух плоскостях. *Во-первых*, в плоскости «человек –

политика», где человек политический понимается осознающей свои роли и действующая единица властных отношений. В качестве осознающей себя в ней и функционирующей единицы. В этой плоскости мы можем говорить о ролевой и деятельностной модели такого человека. В первой модели мы говорим о субъектности человека (вне зависимости от того, что/кто выступает в качестве второй стороны – субъект или объект). Субъектность индивида определяется как способность принимать осознанные решения и реализовать свои интересы в рамках системы властных отношений в соответствии с той ролью, которую он исполняет. В рамках второй модели человек политический реализуется как профессионал в политической сфере, что также предполагает выраженный уровень субъектности. *Во-вторых*, мы можем рассматривать человека политического в плоскости «гражданин – государство», где он выступает как гражданин, то есть системный элемент общества и государства, «носитель соответствующего уровня сознания и культуры, обеспечивающий сложную сеть политических отношений, институциональных практик, пространство политических процессов <...> воспроизводство политической реальности» [Щеглов, 2018, с. 16].

Обсуждение

Если говорить о специфике «человека политического» в России, то необходимо упомянуть, что он формировался на основе опреде-

ленных культурно-исторических традиций; как указывает А. Лубский, этот конструкт близок к нормативному типу личности и склонен к легитимации государственной власти [Лубский А. В., 2013]. Это связано в первую очередь с традиционно сильной ролью государства и выраженным консерватизмом в представлении о его функциях и месте в общественной жизни в целом. По мнению автора, здесь действовали глубинные пласты общественной психологии.

Часто исследователи проводят параллели в изучении процесса конструирования понятий «человек политический» и «человек экономический». При том, что в западных моделях сознания подобные аналогии представляются вполне уместными, в России динамика конструирования первого понятия принципиально иная. Если в западной политической мысли основой выстраивания взаимодействия гражданина и государства является общественный договор, то в России традиционно таковыми выступают культурные или религиозные факторы. В силу этого, как указывает А. Лубский, «человек политический» в современной России достаточно архаичен и склонен к воспроизведению в своих политиче-

ских практиках патриархальности, склонности к мистификации и сакрализации государственной власти, абсолютизации национальных идей и социальных доктрин, санкционируемых политическим лидером, приверженности к мессианским идеям и символическим формам политического поведения, рассмотрению политической действительности в соответствии с логикой бинарных оппозиций. [Лубский А. В., 2013, с. 24-30]

Таким образом, «человек политический» может быть рассмотрен в рамках междисциплинарного ракурса, включающего антропологическое, социологическое, политическое и личностное основания. *Антропологическое понимание «человека политического»* предполагает исторически сложившийся тип личности; *социологическое* – нормативный тип личности, соответствующий определенной культуре; *личностное* – личность, демонстрирующую политическую субъектность как сознанное участие в политике; и, собственно, *политическое* – личность, демонстрирующую осознанную инклузию в решении общественно значимых проблем управления с использованием имеющихся в рамках данной культуры властных инструментов.

Библиографический список

1. Антанович Н. А. Политическая антропология как направление политологии // Труд. Профсоюзы. Общество. 2022. № 4 (78). С. 100–106.
2. Бочаров В. В. Политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV, № 4. С. 37–66.
3. Волкова Е. В. Человек политический – человек религиозный / Е. В. Волкова, Г. И. Васильев // Управление устойчивым развитием. 2023. № 3 (46). С. 52–59.

4. Голобородько А. Ю. Антропологический поворот в науке, культуре и образовании // Антропологическая педагогика К. Д. Ушинского в XXI веке / А. Ю. Голобородько, Т. Д. Скуднова, Е. А. Макарова [и др.]. Таганрог : Волошина О. И., 2023. С. 9–20.
5. Гонтмахер Е. Ш. Человекоцентричный мир: блажь или реальность? // Образовательная политика. 2024. №1(97). С. 14–25.
6. Гонтмахер Е. Ш. Институт самоорганизации в России: испытание реалиями // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 1 (66). С. 256–260.
7. Гусева И. И. Трансформация рациональности в социальных науках: от «антропологического поворота» к «цифровому» // Социально-гуманитарные технологии. 2023. № 2 (26). С. 4–9.
8. Захарова Я. А. Политическая антропология: разметка предметного поля // Научная сессия ГУАП : сборник докладов Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2024. С. 8–9.
9. Зубов В. В. Политическая антропология в немецкой классической философии // Гуманитарный вестник. 2023. № 3 (101). С. 1–18.
10. Лубский А. В. «Человек политический в современной России» // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 24–30.
11. Лубский А. В., Лубский Р. А. Человек политический как нормативный тип личности в России: ментальная матрица и нормативная модель поведения / А. В. Лубский, Р. А. Лубский. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2023. 229 с.
12. Мартынов В. С. «Человек политический»: модели оправдания власти // Человек. 2009. № 4. С. 82–90.
13. Панарин А. С. Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. Совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. Москва : Мысль, 2010, т. IV. 734 с.
14. Политология : учебное пособие / под ред. В. М. Капицына, В. К. Мокшина, С. Г. Новгородцевой. 2-е изд., стер. Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019. 596 с.
15. Тахтамышев В. Г. Антропологический поворот в отечественной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2022. № 2 (123). С. 46–51.
16. Тишков В. А. Новая политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV, № 4. С. 68–74.
17. Тощенко Ж. Т. Человек и политическая власть: формы, методы и проблемы взаимодействия // Политическая социология : учебник / В. Э. Бойков, Л. Н. Вдовиченко, Н. М. Великая [и др.]. Москва : Юрайт, 2025. С. 89–112.
18. Урнов М. Ю. Роль культуры в демократическом транзите // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 5–17.
19. Урнов М. Ю. Что есть справедливость? // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 71–88.
20. Щеглов И. А. Проблема определения понятия «человек политический» в современной российской политической науке // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 14–17.

Reference list

1. Antanovich N. A. Politicheskaja antropologija kak napravlenie politologii = Political anthropology as a direction of political science // Trud. Profsojuzy. Obshhestvo. 2022. № 4 (78). S. 100–106.
2. Bocharov V. V. Politicheskaja antropologija = Political anthropology // Zhurnal sociologii I social'noj antropologii. 2001. Tom IV, № 4. S. 37–66.
3. Volkova E. V. Chelovek politicheskij – chelovek religioznyj = Political man – religious man / E. V. Volkova, G. I. Vasil'ev // Upravlenie ustojchivym razvitiem. 2023. № 3 (46). S. 52–59.
4. Goloborod'ko A.Ju. Antropologicheskij poverot v nauke, kul'ture I obrazovanii = Anthropological turn in science, culture and education // Antropologicheskaja pedagogika K. D. Ushinskogo v HHI veke / A.Ju. Goloborod'ko, T. D. Skudnova, E. A. Makarova [I dr.]. Taganrog : Voloshina O. I., 2023. S. 9–20.
5. Gontmaher E. Sh. Chelovekocentrichnyj mir: blazh' ili real'nost'? = Human-centered world: whim or reality? // Obrazovatel'naja politika. 2024. №1(97). S. 14–25.
6. Gontmaher E. Sh. Institut samoorganizacii v Rossii: ispytanije realijami = Institute of self-organization in Russia: testing realities // Zhurnal Novoj jekonomiceskoy assoциации. 2025. № 1 (66). S. 256–260.
7. Guseva I. I. Transformacija racional'nosti v social'nyh naukah: ot «antropologicheskogo poverota» k «cifrovomu» = Transformation of rationality in the social sciences: from “anthropological turn” to “digital” // Social'no-gumanitarnye tehnologii. 2023. № 2 (26). S. 4–9.
8. Zaharova Ja.A. Politicheskaja antropologija: razmetka predmetnogo polja = Political anthropology: subject field markup // Nauchnaja sessija GUAP : sbornik dokladov Nauchnoj sessii, posvjashchennoj Vsemirnomu dnju aviacii I kosmonavtiki. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet ajerokosmicheskogo priborostroenija, 2024. S. 8–9.
9. Zubov V. V. Politicheskaja antropologija v nemeckoj klassicheskoj filosofii = Political anthropology in German classical philosophy // Gumanitarnyj vestnik. 2023. № 3 (101). S. 1–18.
10. Lubskij A. V. «Chelovek politicheskij v sovremennoj Rossii» = “A political man in modern Russia” // Social'no-gumanitarnye znanija. 2013. № 11. S. 24–30.
11. Lubskij A. V., Lubskij R. A. Chelovek politicheskij kak normativnyj tip lichnosti v Rossii: mental'naja matrica I normativnaja model' povedenija = A political person as a normative type of personality in Russia: a mental matrix and a normative model of behavior / A. V. Lubskij, R. A. Lubskij. Moskva : NIC INFRA-M, 2023. 229 s.
12. Mart'janov V. S. «Chelovek politicheskij»: modeli opravdanija vlasti = “Political man”: models for justifying power // Chelovek. 2009. № 4. S. 82–90.
13. Panarin A. S. Novaja filosofskaja jenciklopedija = New philosophical encyclopedia. V chetyrej tomah. / In-t filosofii RAN. Nauchno-red. Sovet: V. S. Stepin, A. A. Gusejnov, G.Ju. Semigin. Moskva : Mysl', 2010, t. IV. 734 s.
14. Politologija = Political science: uchebnoe posobie / pod red. V. M. Kapicyna, V. K. Mokshina, S. G. Novgorodcevoj. 2-e izd., ster. Moskva : Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov I K°», 2019. 596 s.

15. Tahtamyshev V. G. Antropologicheskij poverot v otechestvennoj filosofii = Anthropological turn in Russian philosophy // Gumanitarnye I social'no-ekonomicheskie nauki. 2022. № 2 (123). S. 46–51.
16. Tishkov V. A. Novaja politicheskaja antropologija = New political anthropology // Zhurnal sociologii I social'noj antropologii. 2001. Tom IV, № 4. S. 68–74.
17. 16. Toshhenko Zh.T. Chelovek I politicheskaja vlast': formy, metody I russian vzaimodejstvija = Man and political power: forms, methods and problems of interaction // Politicheskaja sociologija : uchebnik / V. Je. Bojkov, L. N. Vdovichenko, N. M. Velikaja [I dr.]. Moskva : Jurajt, 2025. S. 89–112.
18. Urnov M. Ju. Rol' kul'tury v demokraticeskom tranzite = The role of culture in democratic transit // Obshhestvennye nauki I sovremennoст'. 2011. № 6. S. 5–17.
19. Urnov M. Ju. Chto est' spravedlivost'? = What is justice?// Obshhestvennye nauki I sovremennoст'. 2012. № 5. S. 71–88.
20. Shheglov I. A. Problema opredelenija ponjatija «chelovek politicheskij» v sovremennoj rossijskoj politicheskoj nauke = The problem of defining the concept of “political man” in modern Russian political science // Obshhestvo: politika, ekonomika, pravo. 2018. № 3. S. 14–17.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

*** Данное лицо выполняет функции иностранного агента**

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Научная статья

УДК 94(470) «17/20»

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-65

EDN: VLYBNZ

Ярославль XVII – начала XX в. Глазами иностранцев: женский взгляд

Петр Геннадьевич Аграфонов

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

preter@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1030-4334>

Аннотация. Статья продолжает изучение проблемы, начатой в цикле исследований, посвященных анализу иностранных источников о Ярославском крае. Работа посвящена анализу публикаций, авторами которых являются женщины. В статье обосновывается необходимость особого внимания этой небольшой части материалов в связи с формированием в последнее время гендерных подходов к изучению историко-культурного взаимодействия и с развитием новейших исследовательских практик.

На фоне значительного количества источников о Ярославском крае материалы, авторами которых были женщины, насчитывают единичные имена. Тем не менее принадлежащие им публикации имеют немаловажное значение для дополнения характеристик Ярославля и региона в различные исторические периоды, способствуют более глубокому исследованию темы. Попытка применения такого подхода показывает возможность раскрытия некоторых новых аспектов изучения социально-политической истории, социокультурного и даже экономического развития края.

Мемуарные источники, дневниковые записи и эпистолярные материалы этой категории содержат существенные сведения об обстоятельствах пребывания иностранок в Ярославле, их взгляд и оценку увиденного, описание повседневной и событийной сторон жизни. Взаимодействие различных культур, воспринимаемое сквозь призму гендерного восприятия и осознания реальности, привносит новые оттенки в понимание знакомых явлений. В рамках анализа немногочисленных, но отличающихся выразительностью и своеобразием источников, делается вывод, что эффективность этой методологии предоставляет новые возможности для исследования местной истории, расширяя представления об исследуемых объектах с учетом их гендерной специфики.

Хронологические рамки статьи охватывают XVII – начало XX в. Представленные в ней с новой точки зрения источники позволяют более полно и ярко охарактеризовать представление о Ярославском крае в определенные моменты его истории.

Ключевые слова: Ярославль; гендер; XVII – начало XX в.; Марина Мнишек; Амалия фон Лиман; Лу Андреас Саломе; Рут Кедзи Вуд

Для цитирования: Аграфонов П. Г. Ярославль XVII – начала XX в. Глазами иностранцев: женский взгляд // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 65–77. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-65>. <https://elibrary.ru/VLYBNZ>.

SOCIO-POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Original article

Yaroslavl of the XVII – early XX centuries through the eyes of foreigners: a woman's look

Peter G. Agrafonov

Candidate of historical sciences, associate professor at department of national history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
ppeter@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1030-4334>.

Abstract. The article continues the study of the problem that was started in a series of studies devoted to the analysis of foreign sources about the Yaroslavl region. The work focuses on the analysis of publications authored by women. The article justifies the need to consider this small group of materials separately, due to the recent development of gender-based approaches to the study of historical and cultural interaction and the emergence of new research practices.

Compared to the large number of sources about the Yaroslavl region, the materials authored by women are few in number. Nevertheless, their publications are of great importance for supplementing the characteristics of Yaroslavl and the region in various historical periods, and contribute to a deeper understanding of the topic. This approach reveals new aspects in studying socio-political history, sociocultural development, and even economic growth in the region.

Memoir sources, diary entries, and epistolary materials in this category provide significant information about the circumstances of foreign women's stay in Yaroslavl, their perspectives and assessments of what they saw, and descriptions of their daily and eventful lives. The interaction between different cultures, viewed through the lens of gender perception and awareness, adds new dimensions to the understanding of familiar phenomena. Through the analysis of these few but distinctive sources, it is concluded that the effectiveness of this methodology offers new opportunities for studying local history, expanding our knowledge of the subjects under investigation and considering their gender-specific aspects.

The chronological framework of the article covers the 17th – early 20th centuries. The sources presented in the article from a new perspective allow us to characterize the per-

ception of the Yaroslavl region at certain moments in its history in a more comprehensive and vivid way.

Key words: Yaroslavl; gender; XVII – early XX centuries; Marina Mnishok; Amalia von Liman; Lou Andreas Salome; Ruth Kedzie Wood

For citation: Agrafonov P. G. Yaroslavl of the XVII – early XX centuries through the eyes of foreigners: a woman's look. *Social and political researches*. 2025;4(29): 65–77. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-65>. <https://elibrary.ru/VLYBNZ>.

Введение

Ярославль в качестве одного из наиболее крупных городов центральной части России, имевший большое значение в истории государства, издавна был объектом внимания иностранцев. Поэтому в течение нескольких веков сформировалась обширная источниковая база, включающая разнообразный круг материалов, повествующих о Ярославле разных эпох. Эти материалы на протяжении длительного времени служили предметом изучения в различных аспектах – с точки зрения экономики, социально-политической истории, социокультурного развития региона и пр. В связи с формированием в последнее время новых подходов к изучению историко-культурного взаимодействия и с развитием новейших междисциплинарных исследовательских практик, представляется обоснованным рассмотреть небольшую группу публикаций из этого свода источников, объединяя их несколько неожиданным параметром – все они были написаны женщинами. Попытка применения инструментов гендерного подхода при изучении источ-

ников по региональной истории позволяет увидеть эти материалы по-новому [Доброхлеб, 2022; Здравомыслова, 1999; Пол. Гендер. Культура, 2009]. Рассмотрение источников с новой точки зрения позволяет дополнительно выделить оттенки значения материалов, ярче осветить некоторые вопросы содержания текстов.

Статья продолжает изучение проблемы, начатой в цикле исследований, посвященных анализу иностранных источников о Ярославском крае [Аграфонов, 2017; Александрова, 2021; Кочешков, 2020; Ярославль и Ярославский край ..., 2024].

Результаты исследования

На фоне значительного числа источников, авторами которых были мужчины, интересующие нас материалы, насчитывают всего несколько имен. При этом самое раннее и самое известное из них, относящееся к XVII в., можно считать именем автора только условно. Речь о Марине Мнишок, оставившей, как было принято считать, личный дневник о Смутном времени, в том числе о пребывании пленных поляков в ярославской

ссылке в 1606–1608 годах [Дневник Марины Мнишек, 1995].

Высокопоставленные пленники, оказавшиеся после высылки из столицы в Ярославле, составляли фактически свиту венценосной, какой они ее считали, представительницы аристократического рода Мнишеков. Немногочисленную группу сановников сопровождали также менее знатные и рядовые поляки мужского и женского пола, всего до двухсот человек, проживших в Ярославле под стражей около полутора лет.

«Царица русская» была наиболее знаменитой участницей этой группы, поэтому неудивительно, что записки, оставленные одним из участников польской колонии в Ярославле, оказались названы ее именем. Данное название, предложенное в XIX в. Историком Н. Устяловым, осталось фактически действующим, несмотря на всю его условность [Сказания современников …, 1834, с. 4]. Тем не менее еще в конце XIX в. Было установлено, что, так называемый «Дневник Марины Мнишек» (далее «Дневник») написан одним из участников ее свиты, вероятнее всего, Авраамом Рожнятовским, участвовавшим в военных предприятиях Лжедмитрия I и оказавшимся вместе с Мариной в Ярославле. Другой претендент на роль фактического автора – Вацлав Диаментовский, еще один участник свиты Марины [Цветкова, 2005].

Формальный характер названия «Дневника» вполне доказан. Тем не менее участие Мнишек в описываемых «Дневником» событиях позволяет говорить о гипотетической возможности некоторого присутствия ее личности на страницах записей. Отдельные фрагменты текста можно предположительно оценить как несущие такой отпечаток. Одним из них, возможно, следует считать известный сюжет о марципанах, которые московиты приняли за золото. История преподнесения марципанов паннам, находившимся в ярославской ссылке в числе пленных, выглядит неожиданной в свете тематики «Дневника». Этот фрагмент заметно выделяется из общей тематике текста, даже если эпизод приведен только в качестве доказательства грубости местных нравов [Дневник Марины Мнишек, 1995].

То же относится еще к двум фрагментам, объединенным темой свадеб. «Дневник» сообщает, что девушки из числа ссылочных полек за время ссылки вышли замуж [Дневник Марины Мнишек, 1995]; одна из этих свадеб описана более развернуто, об остальных только упоминается. Тем не менее общий круг интересов автора «Дневника» делает эти эпизоды чужеродными для текста – так же, как и историю с марципанами.

Своеобразие этих фрагментов, тематически родственных друг другу и чуждых основному тексту, может быть объяснено участием женщины в составлении записок.

Была это Марина или нет – вопрос открытый, и вряд ли когда-нибудь на него будет получен ответ, но предположение имеет право на существование.

При крайней немногочисленности случаев женского авторства можно с полным основанием утверждать, что в рассматриваемом корпусе источников на столетие приходится по одному имени. В конце XVIII в. Это фрейлиня Амалия фон Лиман, одиннадцатилетняя, как выясняется из ее собственноручных записей, барышня из Геттингена, побывавшая с родителями в России и в Ярославском крае в 1791 г.

Дневник фон Лиман, опубликованный в Геттингене спустя три года, в 1794 г., представляет собой примечательный памятник дневниковой литературы, оформленный в эпистолярной форме, исключительно популярной для второй половины XVIII – первой половины XIX в. [Аграфонов, 2020] Кроме того, тогда же чрезвычайно распространены были и путевые записки, создававшиеся первыми туристами, то есть лицами, путешествующими для собственного удовольствия и из любознательности, а не по казенной или личной надобности. Из пространного заглавия упомянутой публикации узнаем, что она представляет собой записи Амалии фон Лиман во время поездок с родителями по нескольким губерниям России, в доверенных письмах ее

подруге и прежней гувернантке, Хелене Гаттерер в Гётtingене.

Эпистолярный жанр, особенно характерный для пишущих женщин, сочетается здесь с жанром путевых записок, и такое сочетание носит отчетливый отпечаток гендерного начала. Это заметно уже в усиленном внимании к любезности генерал-губернатора, которая подчеркивается в тексте несколько раз. Тем не менее следует отметить, что любезность в понимании Амалии не ограничивается собственно изысканностью приема немецких гостей, а подразумевает организацию для них довольно насыщенной «программы пребывания», включающей посещение нескольких фабрик, а также знакомство с городом. Так, Амалия сообщает об экскурсии на знаменитую текстильную фабрику Собакина. Можно утверждать, что ее отзыв о визите гендерно окрашен, так как она почти в восторженном тоне говорит о здешнем «самом лучшем» столловом белье, которое поставляется из Ярославля к императорскому двору [Amalien's von Lieman ..., 1794].

Ознакомительные экскурсии Амалии по территории города не в последнюю очередь содержат также дань внимания его лавкам. Это обстоятельство в данном случае отчетливо демонстрирует гендерный оттенок нарратива, так как знакомство с местной торговлей носит отнюдь не исследовательский характер и никак не описы-ва-

ется в тексте. Автор записок просто упоминает о посещении лавок.

Между тем интерес к Ярославлю немецкой барышни не исчерпывается его текстильными изделиями и приемами у генерал-губернатора. Как истинная путешественница Амалия оставляет также краткий отзыв об облике увиденного города как построенного «в новейшем стиле». В свою очередь, побывав в Ростове, фон Лиман коротко отзы- вается о нем как о большом городе с древней историей, уделяя в то же время все свое внимание его знаменитой ярмарке. Не забыв, как полагено проезжему гостю, отметить, что ростовская воскресная ярмарка одна из самых больших, Амалия рассказывает о своих впечатлениях – прежде всего от поразившей ее многолюдности ярмарочной толпы, а также от пестроты и эффектности зрелища, которое представляют собой праздничные наряды местных жителей [Amalien's von Lieman ..., 1794].

Все перечисленное наглядно характеризует записи фон Лиман как относящиеся к широко распространенному жанру беглых, объяснимо поверхностных, но местами отмеченных печатью яркой индивидуальности трапезного. В данном случае окрашенного не только в гендерном отношении, но и в соответствии с юным возрастом автора. Дневниковые записи Амалии фон Лиман – один из примеров того, что событийный туризм в его гендерной подаче формируется уже в конце XVIII в.

В XIX в. Тоже появляется только одно имя. Только в самом конце столетия имеет место еще один интересный женский отзыв о Ярославле, и снова – на взгляд из Германии. Речь идет о немецкой поэтессе Лу Андреас Саломе, сопровождавшей в 1899 г. Великого поэта Рильке в его путешествии по России, в том числе и в Ярославль. Во время этой поездки Рильке коротко делился своими впечатлениями в письмах к матери; в отличие от него Лу Андреас Саломе оставила о пребывании Ярославле гораздо более подробные записи. Материалы тоже носят дневниковый характер, и тоже отталкиваются от увиденного в новых местах.

В этих записках фиксируется, в частности, интерес к бытовым деталям, к условиям жизни обитателей окраины губернского города, а также к открывающимся вокруг пейзажам, неизменно привлекающим внимание автора. Основная особенность, характеризующая нарратив Саломе – яркая и местами несколько нарочитая приподнятость, возвышенная поэтизация текста, с отчетливым гендерным оттенком. Уже в самом облике Ярославля она видит, наряду с благородством и величием старины, также «элегантность» внешнего облика, благодаря широким аллеям и зеленым площадям. Но более всего гендерный характер записей сказывается в несколько театральном восприятии увиденного, сквозь

флер романтических представлений о народной жизни.

Тем не менее реальность вторгается и в эту возвышенную прозу. Любопытно, как на протяжении нескольких строк «почти античная форма глиняного умывальника» и «напоенная древесными ароматами свежепостроенная изба» сменяются жалобами на «яростных, бешеных комаров». Дальнейшее детальное описание жизни семейства в селе «Креста-Богородское» (тогда ближний пригород Ярославля по московской дороге) включает наряду с восторженными замечаниями о здешней природе и ландшафтах, также упоминание о «дивном» расположении строений в селе [Из дневника Лу Андреас-Саломе, 2003].

Зарисовки о живописных окрестностях у Саломе до некоторой степени теснят рассказы о людях. Очевиден искренний интерес к народным «типам» – священника, крестьянки, ямщика-извозчика, юродивого, и в каждой избе, по словам Лу Андреас, «невольно видишь Толстого». Но отчетливо у нее прослеживается внимание к вечным и повсеместным гендерным темам – семейным историям, женским судьбам, обычаям и традициям. В том числе к рассказам квартирной хозяйки Макаровны, в которых Саломе видит высокую эпичность и полное отсутствие мелочной болтливости деревенских сплетниц. Заметно у Саломе также трогательное внимание к детям [Из

дневника Лу Андреас-Саломе, 2003].

Вполне естественен в этих записях интерес, хотя и не слишком пристальный к бытовым условиям жизни хозяев, а следовательно, и гостей. Упоминания о мебели, о постелях, о пище носят сдержанно-деликатный характер, хотя иногда проявляется и недоумение. Любопытный штрих представляет также туристская изобретательность рафинированной европейской дамы, умудрившейся сварить кофе в самоваре, и затем рассказавшей об этом в своих записках.

Немаловажно, что привычный туристический интерес к особенностям быта, одежды, интерьера сочетается у нее с сочувственным отношением к повседневным тяготам и тяжелой трудовой жизни людей из народа, прежде всего женщин. Саломе поражает количество дел, бесчисленное разнообразие занятий Макаровны – от работы за ткацким станом и забот по дому до сенокоса, и ровный характер женщины при любом деле, когда меняются «только ее косынки» [Из дневника Лу Андреас-Саломе, 2003].

Женским взглядом на вещи отмечено посещение «города», то есть старого центра Ярославля, включая знакомство с Успенским собором и церковью Николы Мокрого. Туристический маршрут по достопримечательностям не находит в воспоминаниях Саломе никакого отклика, в отличие от впечатления поездок на лошадях и вообще

от деревенских лошадей, «задумчивых» и безмерно боящихся первых автомобилей. Экскурсия в старинную часть Ярославля закономерно сопровождается покупками в городских лавках и, в частности, приобретением сувениров – деревянной посуды местной выделки. Последнее обстоятельство роднит поэтессу рубежа XIX–XX в. С юной жительницей Геттингена, побывавшей в Ярославле столетием раньше. К этому общему качеству женщин-путешественниц – желанием купить что-то на память, неизменным даже в самых беглых путевых записках – вернемся дальше в тексте статьи.

Дневниковые записи Лу Андреас Саломе беглыми не на зовешь; их строй нетороплив и не основывается на событийной стороне поездки. Она подробно описывает живописные стороны народной жизни, и налет поэтической дымки сохраняется на всем протяжении нескольких страниц, посвященных четырем дням пребывания в Ярославском селе. «Крик души» о желании пожить в русской деревне, о котором она говорит в начале своего очерка, по-видимому, в полной мере достиг этой цели. Поэтическая мечта была реализована, и ее отзвук нашел свое воплощение в записках, автор которых увидела Ярославль и его сельские пригороды сквозь призму специфически женского и опоэтизированного взгляда на действительность.

Для текста дневника характерно обилие восклицательных знаков,

интонация восхищения и восторга – общий приподнятый тон [Письмо Лу Андреас-Саломе, 2003]. Подобный отклик могла оставить только автор-женщина, с определенным жизненным опытом и отчетливыми поэтическими наклонностями.

Совершенно иной материал в этом отношении предоставляет собой книга американки, побывавшей в Ярославле в начале XX в. – Рут Кедзи Вуд. Немецкая поэтическая возвышенность сменяется в ее записках сдержаным здравомыслием, и тем не менее в интересующем нас гендерном отношении работа Вуд предоставляет обширный материал, начиная уже с названия.

Мало кто из путешественников напрямую связывает свои путевые заметки с личными семейными обстоятельствами, и тем более выносит их в заглавие своих «отчетов», а миссис Вуд делает именно это. Ее первая работа о поездке в Россию, и в том числе в Ярославль, носит название «Медовый месяц в России» [Ruth Kedzie Wood, 1911]. Уже это обстоятельство превращает записи в наглядную иллюстрацию обоснованности гендерного подхода к анализу встречи столь разных культур.

Работа, опубликованная Вуд в 1911 г., действительно представляет собой описание ее свадебного путешествия – маршрута, основных впечатлений и событий, а также включает небольшие информативные вставки, касающиеся посещаемых мест. Сказанное относится и к

Ярославлю, и к волжскому путешествию. При этом, несмотря даже на речной круиз, у Рут Вуд, в отличие от ее немецкой предшественницы, практически отсутствует интерес к ландшафтам и живописности – как волжских берегов, так и самого Ярославля. Болота, луга и сосновые леса Вуд иронически именует «достопримечательностями» [Ruth Kedzie Wood, 1911].

Зато в отличие от Саломе она демонстрирует больше внимания к истории города, правда, повторяя при этом ошибки, звучавшие, по-видимому, в рассказах владельца гостиницы, служившей своего рода информационным центром для приезжих.

Хозяин этой гостиницы – знаменитый Кокуев, память о котором сохранилась в Ярославле по настоящий день. В своих исторических и экономических справках о городе Вуд ссылается на него, а десятилетием раньше о Кокуеве упоминает и Саломе, которая в его гостинице останавливалась, чтобы пообедать. Таким образом, знакомство с историей, нравами и обычаями нового места в обоих случаях включает и знакомство с этим должностным лицом, очевидно, привычным к разнообразию лиц приезжих и умеющим с ними обращаться [Ruth Kedzie Wood, 1911].

Программу визита двух иностранных путешественниц в Ярославле сближает и многое другое. Так, Вуд тоже не избежала туристического сувенирного ажиотажа,

отмечая в своих записях бойкий характер торговли на Волжской набережной – прежде всего «отлично выбеленной» деревянной посудой, деревянными же игрушками и ложками. Немаловажно, что при этом, помимо туристической впечатлительности, у автора записок чувствуется искреннее внимание к труду мастеров-резчиков, и присутствует высокая оценка качества их работы. Описание группы из восьми расписных матрешек – единственное место в ярославской главе «Медового месяца», где американке изменяет ее обычная сдержанность, и Рут Вуд не скрывает восторга перед мастерством и художественным вкусом безвестного игрушечника [Ruth Kedzie Wood, 1911].

Как и Саломе, Вуд уделяет немало внимания внешнему виду ярославцев – как женщин, так и мужчин, не забывая и о детях. В этой части воспоминаний гендерный оттенок и эмоциональная окрашенность текста проявляются наиболее явственно. Особенно при описании маленьких детей, когда американская путешественница вдруг перестает быть членом Королевского географического общества, оставаясь просто женщиной, и новобрачной, так как характер отношений между молодыми супругами, при всех перипетиях путешествия, чувствуется на всем протяжении ярославского отрывка.

Двух авторов сближает также ощущимая искренность, непосред-

ственность и непредвзятость описаний, с той разницей, что у Саломе она переходит иногда в чувствительность, а местами даже в слажливость, что совершенно чуждо Вуд, которая даже в самых трогательных фрагментах своих воспоминаний следует общему стилю ровной, хотя и не холодной, выдержанной повествовательности.

Тем не менее необходимо еще раз подчеркнуть, насколько отличаются характером нарратива записки этих двух женщин. Так, Вуд обстоятельно описывает форму кондуктора и сам процесс проверки билетов на пароходе во время путешествия по Волге до Нижнего Новгорода, с остановкой на несколько дней в Ярославле. Волжский круиз позволяет ей на страницах записок о свадебном путешествии рассказать также о высочайшем качестве обработки льна в Ярославле, об общенациональной известности и репутации ярославских плотников, о склонности ярославцев к занятиям торговлей. Подобные сведения находятся далеко за пределами интересов Саломе, личность которой ищет в Ярославле совсем иных впечатлений.

Соответственно, и сам строй изложения Вуд выглядит более структурированным, повествовательным, последовательным, в отличие от мечтательно-порывистого языка Саломе. В связи с этим различием стиля и жанра двух женских травелогов важен тот факт, что записки о свадебном путеше-

ствии получили в руках деятельной американки продолжение. Спустя четыре года после выхода «Медового месяца», в 1915 г., Рут Вуд публикует работу под названием «Туристическая Россия», которая также содержит фрагменты, посвященные Ярославлю и Рыбинску [Ruth Kedzie Wood, 1947].

Это издание, также предпринятое по следам незабывшегося российского путешествия, представляет несколько более подробные записи, в новом варианте лишенные романтического налета, связанного с личными событиями. «Туристическая Россия» – не что иное, как достаточно качественный и порой тщательно детализированный путеводитель. Информационная насыщенность здесь заменяет любопытство и непосредственность впечатлений «Медового месяца». Стиль автора становится еще более деловитым, но оттого не менее выразительным.

Некоторые неудобства при путешествии пароходом вполне компенсируются, по мнению Вуд, видами Верхней Волги. Описания пейзажей при этом по-прежнему отсутствуют – Вуд верна себе, ограничившись высказыванием о том, что города по берегам Волги «подернуты дымкой истории», а у деревень открываются «странные, завораживающие виды». Зато она точно знает, что пароход работает на мазуте, и поэтому на палубе нет сажи и следов золы. Упомянутые ею «некоторые неудобства» остаются

тайной, потому что описанию комфорта и даже роскоши не только первого, но и второго классов Вуд уделяет особое внимание, отметив, между прочим, что каюты и салоны обоих классов освещаются электричеством [Ruth Kedzie Wood, 1947].

Исключительно содержательна, при всей ее краткости, также приводимая ею информация о пассажирском пароходном движении по Волге. А в своем рассказе о Рыбинске Вуд искренне сочувствует бурлакам и портовым грузчикам, сравнивая их каторжный труд с положением американских чернокожих, из которых ни один не согласился бы работать по 18 часов в день, часто на пределе человеческих возможностей и при копеечном заработка. Перестав быть утешено женским, личным, травелог Вуд не утратил своей выразительности. Информационная насыщенность его при этом возросла, что вполне объяснимо, так как материал отстоялся и был более тщательно обработан [Ruth Kedzie Wood, 1947].

Заключение

Таким образом, рассмотрение источников под предложенным углом зрения дополнительно выделяет оттенки значения материалов, позволяя ярче осветить некоторые существенные вопросы содержания текстов. Именно гендерный подход предоставляет возможности по-новому взглянуть на известные факты, выявляя также дополнительные оттенки смыслов и содержания источника.

Использование возможностей гендерного подхода для осмысливания социокультурных явлений сегодня уже не вызывает сомнений. Попытка применения отдельных его инструментов при изучении источников по региональной истории, возможно, тоже принесет свои плоды. В данном случае встреча, взаимодействие, а может быть, и столкновение различных культур, воспринимаемое сквозь призму гендерного восприятия и осознания реальности, привносит новые краски в понимание знакомых явлений.

Библиографический список

1. Аграфонов П. Г. Ярославский край в польских источниках эпохи Смуты // Трефолевские чтения. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 149–175.
2. Аграфонов П. Г. Ярославль и Ярославский край в XVIII веке глазами иностранцев // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, образования. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 39–45.
3. Александрова М. В. Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии) // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 111–118.
4. Дневник Марины Мнишек. Москва : Дмитрий Буландин, 1995. 204 с.
5. Дорохлеб В. Г. Гендерная панорама современной России / В. Г. Дорохлеб, 3. А. Хоткина, М. В. Беликова. Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. 236 с.

6. Здравомыслова Е. А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Общественные науки и современность. 1999. №6. С. 177–185.
7. Из дневника Лу Андреас-Саломе // Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. 656 с.
8. Кочешков Г. Н. Ярославль и Ярославский край в латиноязычных источниках XV-XVI вв. / Г. Н. Кочешков, П. Г. Аграфонов // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 8–14.
9. Письмо Лу Андреас-Саломе С. Н. Шиль. 24 июня (7 июля) 1900 г. // Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. 656 с.
10. Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. Москва : РГГУ, 2009. 530 с.
11. Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 4: Дневник Марины Мнишек и послов польских. Санкт-Петербург : типография Императорской Российской академии, 1834. 234 с.
12. Цветкова М. А. «Дневник Марины Мнишек». Кто был его составителем? // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 4. 2005. Ч.1. С. 29-31
13. Ярославль и Ярославский край глазами иностранцев XIII – начало XX века. Ярославль : Академия 76, 2024. 488 с.
14. Amalien's von Lieman, eines eilfjährigen Frauenzimmers, Reisen durch einige russische Lander: in vertrauten Briefen an ihre Freundin und vormalige Gouvernante Helena Gatterer in Gottingen. Gottingen, 1794.
15. Ruth Kedzie Wood. The tourist's Russia. New York : Dodd, Mead and Company, 1947. 324 p.
16. Ruth Kedzie Wood. Honeymooning in Russia. New York : Dodd, Mead and Company, 1911. 440 p.

Reference list

1. Agrafovov P. G. Jaroslavskij kraj v pol'skih istochnikah jepohi Smuty = Yaroslavl Territory in Polish sources of the Time of Troubles // Trefolevskie chtenija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. S. 149–175.
2. Agrafovov P. G. Jaroslavl' I Jaroslavskij kraj v XVIII veke glazami inostrancev = Yaroslavl and the Yaroslavl Territory in the XVIII century through the eyes of foreigners // Voprosy otechestvennoj I zarubezhnoj istorii, politologii, sociologii, obrazovanija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. S. 39–45.
3. Aleksandrova M. V. Obraz rossijskoj provincii v travelogah inostrannyyh puteshestvennikov XIX veka (na materialah Jaroslavskoj gubernii) = The image of the Russian province in the travelogues of foreign travelers in the XIX century (on the materials of the Yaroslavl province) // Mir russkogovorjashhih stran. 2021. № 1 (7). S. 111–118.
4. Dnevnik Mariny Mnishek = Diary of Marina Mnishek Moskva: Dmitrij Bulanin, 1995. 204 s.
5. Dobrohleb V. G. Gendernaja panorama sovremennoj Rossii = Gender panorama of modern Russia / V. G. Dobrohleb, Z. A. Hotkina, M. V. Belikova. Moskva : FNISC RAN, 2022. 236 s.

6. Zdravomyslova E. A. Issledovanija zhenshhin I gendernye issledovanija na Zapade I v Rossii = Women's studies and gender studies in the West and in Russia / E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina // Obshhestvennye nauki I sovremennost'. 1999. №6. S. 177–185.
7. Iz dnevnika Lu Andreas-Salome = From the diary of Lou Andreas-Salomé // Ril'ke I Rossija. Pis'ma. Dnevnik. Vospominanija. Stihi. Sankt-Peterburg : Izd-vo Ivana Limbaha, 2003. 656 s.
8. Kocheshkov G. N. Jaroslavl' I Jaroslavskij kraj v latinojazychnyh istochnikah XV–XVI vv. = Jaroslavl and Jaroslavl Territory in Latin-speaking sources of the XV–XVI centuries / G. N. Kocheshkov, P. G. Agrafonov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 26, № 4. S. 8–14.
9. Pis'mo Lu Andreas-Salome S. N. Shil'. 24 ijunja (7 iulja) 1900 g. = Letter from Lou Andreas-Salome S. N. Shiel. June 24 (July 7), 1900 // Ril'ke I Rossija. Pis'ma. Dnevnik. Vospominanija. Stihi. Sankt-Peterburg : Izd-vo Ivana Limbaha, 2003. 656 s.
10. Pol. Gender. Kul'tura: Nemeckie I russkie issledovanija = Culture: German and Russian Studies. Moskva : RGGU, 2009. 530 s.
11. Skazanija sovremennikov o Dimitrii Samozvance. Ch. 4: Dnevnik Mariny Mnishek I poslov pol'skih = Tales of contemporaries about Demetrius the Pretender. Part 4: Diary of Marina Mniszek and Polish ambassadors Sankt-Peterburg: tipografija Imperatorskoj Rossijskoj akademii, 1834. 234 s.
12. Cvetkova M. A. «Dnevnik Mariny Mnishek». Kto byl ego sostavitelem? = “Dictionary of Marina Mnishek”. Who was its compiler? // Vestnik VolGU. Serija 9. Vyp. 4. 2005. Ch.1. S.29-31
13. Jaroslavl' I Jaroslavskij kraj glazami inostrancev XIII – nachalo XX veka = Jaroslavl and Jaroslavl region through the eyes of foreigners of the XIII – beginning of the twentieth century. Jaroslavl' : Akademija 76, 2024. 488 s.
14. Amalien's von Lieman, eines eilfährigen Frauenzimmers, Reisen durch einige russische Lander: in vertrauten Briefen an ihre Freundin und vormalige Gouvernante Helena Gatterer in Gottingen. Gottingen, 1794.
15. Ruth Kedzie Wood. The tourist's Russia. New York : Dodd, Mead and Company, 1947. 324 s.
16. Ruth Kedzie Wood. Honeymooning in Russia. New York : Dodd, Mead and Company, 1911. 440 s.

Статья поступила в редакцию 28.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 28.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 94 + 330.262

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-78

EDN: UVPBSW

Влияние протекционистской таможенной политики России на германо-российские отношения (конец XIX – начало XX века)

Бао Ханьхань

Докторант Института истории и культуры, Центрально-китайский государственный педагогический университет, г. Ухань, КНР
1792807849@qq.com, <https://orcid.org/0009-0004-5567-8334>

Аннотация. Во второй половине XIX в. Внешнеторговая политика России перешла от свободной торговли к протекционизму. Царское правительство ввело высокие пошлины на импортные промышленные товары, чтобы защитить молодую отечественную промышленность от иностранной конкуренции. Эта протекционистская политика способствовала развитию национальной промышленности России, но одновременно привела к экономическим противоречиям с Германией. В период с 1891 по 1904 гг. между Германией и Россией произошли две таможенные войны, и их экономические отношения трансформировались из взаимодополняющего сотрудничества в конкурентное противостояние. Германия утратила значительную долю российского рынка промышленных товаров, тогда как экспорт российских сельскохозяйственных продуктов оказался ограниченным. Таможенные конфликты на рубеже XIX–XX в. Не только изменили экономические отношения между Россией и Германией, но и оказали важное влияние на формирование новой конфигурации международных отношений в Европе. Экономические противоречия ослабили политическое доверие между Россией и Германией, подорвав традиционные дружественные связи между Санкт-Петербургом и Берлином. В результате Россия скорректировала свой внешнеполитический курс, ускорив заключение союзов с Францией и Великобританией. Европа постепенно раскололась на два противостоящих военных блока перед Первой мировой войной. В процессе перестройки союзной системы Европы на рубеже XIX–XX в. Углублявшиеся экономические противоречия способствовали ухудшению германо-российских политических отношений и в определенной степени привели к тому, что две державы оказались в противоположных лагерях.

Ключевые слова: протекционизм; таможенный тариф; промышленность; Менделеевский тариф; таможенные конфликты; германо-российские отношения; Первая мировая война

Для цитирования: Бао Ханьхань Влияние протекционистской таможенной политики России на германо-российские отношения (конец XIX – начало XX ве-

ка) // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 78–93.
<http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-78>. <https://elibrary.ru/UVPBSW>.

Original article

The influence of Russia's protectionist customs policy on german-russian relations (late XIX – early XX centuries)

Bao Hanhan

Doctoral student, institute of history and culture, Central China state pedagogical university, Wuhan, PRC
1792807849@qq.com, <https://orcid.org/0009-0004-5567-8334>

Abstract. In the second half of the XIX century. Russia's foreign trade policy moved from free trade to protectionism. The tsarist government imposed high duties on imported manufactured goods to protect the young domestic industry from foreign competition. This protectionist policy contributed to the development of Russia's national industry, but at the same time led to economic contradictions with Germany. Between 1891 and 1904 two customs wars took place between Germany and Russia, and their economic relations transformed from complementary cooperation into competitive confrontation. Germany lost a significant share of the Russian industrial goods market, while the export of Russian agricultural products was limited. Customs conflicts at the turn of the XIX–XX century not only changed the economic relations between Russia and Germany, but also had an important impact on the formation of a new international relations configuration in Europe. Economic tensions have weakened political trust between Russia and Germany, undermining traditional friendly ties between St. Petersburg and Berlin. As a result, Russia has adjusted its foreign policy course, accelerating the conclusion of alliances with France and Great Britain. Europe gradually split into two opposing military blocs before World War I. In the process of restructuring the allied system of Europe at the turn of the XIX–XX centuries deepening economic contradictions contributed to the deterioration of German-Russian political relations and to a certain extent led to the fact that the two powers ended up in opposite camps.

Key words: protectionism; customs tariff; industry; Mendeleev tariff; customs conflicts; German-Russian relations; World War I

For citation: Bao Hanhan The influence of Russia's protectionist customs policy on german-russian relations (late XIX – early XX centuries). *Social and political researches*. 2025;4(29): 78–93. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-78>. <https://elibrary.ru/UVPBSW>.

Введение

Во второй половине XIX в. В Европе произошли глубокие социально-экономические преобразования. После объединения Италии и Германии процесс индустриализа-

ции на европейском континенте значительно ускорился. Для защиты национальной зарождающейся промышленности европейские государства, включая Россию, стали вводить тарифные барьеры. Усили-

ние торгового протекционизма обострило противоречия между странами, и особенно напряженно они проявились в таможенной войне между Германией и Россией. Данная ситуация привела к резкому ухудшению отношений между странами, способствовала формированию двух противостоящих лагерей и в конечном итоге стала одной из предпосылок Первой мировой войны.

Однако в исследованиях, посвященных общему анализу германо-российских отношений накануне Первой мировой войны, роль таможенной политики освещена явно недостаточно. В существующих работах ученые, как правило, рассматривают причины изменения отношений между Германией и Россией из союзных во враждебные преимущественно с точки зрения международной политики, связывая это с «мировой политикой» Германии, противоречиями между Германией и Россией на Балканах, а также конфликтами между Россией и Австро-Венгрией [Wang Shengzu, 1996; Liu Debin, 2006; James Joll, 2007; Субботин, 1996].

В последние годы исследователи все активнее обращаются к анализу влияния экономических факторов на германо-российские отношения. В частности, российские и китайские ученые обратили внимание на разрушительное воздействие таможенных конфликтов в торгово-экономических связях между Германией и Россией и посвятили исследования германо-российской

торговой войне конца XIX – начала XX в. [Максимов, 2001; Аветян, 1985; Wu Ruisha, 2015]. Однако большинство этих работ сосредоточено на описании процесса разрыва торговых отношений между Германией и Россией и лишь в малой степени затрагивало вопрос о влиянии этого экономического разрыва на политические отношения двух стран.

В данной статье предпринята попытка показать, что проводимая Россией политика промышленного протекционизма непосредственно привела к ухудшению германо-российских экономических отношений, а самое главное, что разрыв в экономической сфере способствовал постепенному охлаждению дипломатических связей между двумя государствами и в конечном итоге определил их принадлежность к различным лагерям накануне Первой мировой войны.

Результаты исследования

В процессе превращения Германии и России из многолетних друзей в ожесточенных противников на полях Первой мировой войны нельзя недооценивать важное значение экономических факторов.

В середине XIX в. Как и другие европейские государства Россия проводила политику свободной торговли. Под влиянием железнодорожного строительства и русско-турецкой войны резко возрос спрос на промышленное сырье и машинное оборудование, однако малоразвитые отечественные отрасли –

горнодобывающая, металлургическая и машиностроительная – не могли удовлетворить внутренние потребности. В 1850, 1857 и 1868 гг. правительство приняло *три новых таможенных тарифа*, стремясь стимулировать промышленное развитие путем снижения импортных пошлин на иностранные товары. Импортные пошлины были значительно снижены как на промышленное сырье, так и на готовые изделия, включая хлопок, лен, руду, серу, уголь, сельскохозяйственные машины и т. д. Например, пошлина на чугун была уменьшена с 1 руб. за пуд до 50 коп. (в 1850 г.), затем до 15 коп. (в 1857 г.) и, наконец, до 5 коп. в 1868 г. [Менделеев, 1892]. Локомотивы и другое машиностроительное оборудование, крайне необходимое российской промышленности, ввозились вовсе без пошлины.

В этот период между Россией и Германией поддерживались тесные торгово-экономические связи. Благодаря тарифным льготам и развитой промышленности, Германия экспортировала в Россию большое количество машин и химических товаров, постепенно превращаясь в одного из главных поставщиков промышленной продукции. Одновременно Германия импортировала из России значительные объемы зерна (второе место среди покупателей российского хлеба).

Однако политика свободной торговли отрицательно сказалась

на развитии российской промышленности и экономики. Низкие таможенные пошлины сказались на развитии отечественной индустрии: текстильные, металлические изделия и машины из Англии, Франции и Германии заполонили российский рынок, что привело к разорению множества мелких и средних предприятий. Особенно заметным стало усиливавшееся проникновение немецких товаров на российский рынок, что еще больше осложнило положение отечественных промышленников. Кроме того, массовый импорт промышленных товаров привел к тому, что 1870-е гг. в России характеризуются отрицательным сальдо во внешней торговле: в 1866–1875 гг. общий объем экспорта составил 787,9 млн рублей, тогда как импорт достиг 883,6 млн рублей, разница – 95,7 млн рублей [Стюарт Росс Томпсон, 2008, с. 27].

Для защиты национальной промышленности и улучшения финансового положения государства во второй половине 1870-х гг. Россия начала повышать таможенные пошлины. В 1877 г. Правительство решило взимать пошлины в золотых рублях. Согласно официальному курсу, один золотой рубль в 1860-е гг. был равен примерно 120 бумажным копейкам, а в 1870-е – около 150 копеек [Менделеев, 1892], что фактически означало повышение пошлин примерно на 30 %. В 1880–1887 гг. царское правительство неоднократно увеличивало общий уровень та-

моженных ставок, особенно на ключевые промышленные товары – железную руду, сельскохозяйственные машины, цемент и железнодорожные вагоны.

Из-за нарастающего протекционизма сложившаяся между Германией и Россией взаимовыгодная торговая система оказалась под серьезной угрозой. Германское правительство выразило резкое недовольство политикой России, в ответ берлинское правительство ввело повышенные пошлины на сельскохозяйственную продукцию. В 1879 г. Импортная пошлина на пшеницу составляла 10 марок за тонну, то в 1885 г. – уже 30 марок, а в 1887 г. Поднялась до 50 марок. «В результате общий объем российского экспорта в Германию резко сократился – с 232 млн марок в 1880 г. До 132 млн марок в 1887 г.» [Lehrfreund Ludwig, 1921, s. 70].

В 1890 г. Царское правительство, исходя из принципов протекционизма, приступило к всестороннему пересмотру Таможенного устава 1868 г. Данную тарифную реформу проводил министр финансов И. А. Вышнеградский, а непосредственное исполнение осуществлял Департамент торговли и промышленности Министерства финансов. В числе основных участников были директор департамента А. Б. Берь, а также члены – Д. И. Менделеев, Н. П. Ильин, Н. Ф. Лабзин, Ф. Ф. Бейльштейн и другие. В мае 1891 г. «Общий таможенный тариф по Европейской

торговле» был одобрен Государственным советом, 11 июня утвержден императором и 1 июля официально вступил в силу. Поскольку Менделеев сыграл ведущую роль в процессе таможенной реформы, современники и последующие экономические историки назвали этот закон «Менделеевским тарифом».

«Менделеевский тариф» прежде всего повысил импортные пошлины на промышленные сырье и полуфабрикаты, стремясь стимулировать разработку и использование отечественных ресурсов. В текстильной промышленности пошлина на импорт хлопка была повышена: «при ввозе водным путем – с 1 руб. до 1 р. 20 к., по сухопутным – с 1 р. 15 к. до 1 р. 35 к. Пошлина на джутовую и льняную пряжу выросла с 3 р. 20 к. до 6 руб.; на шелк крашеный – с 4 руб. до 30 руб. (некрашеные) и 46 руб. (крашеные); на шерсть чесаную, пряденую и крашеную – с 3 р. 60 к. до 5 р. 50 к.» [Дзюбенко, 2003, с. 353]. В горнодобывающей промышленности на металлические руды, ранее освобожденные от пошлин, она составила 7 коп., что должно было способствовать развитию отечественной добычи и переработки руд [Менделеев, 1892]. Кроме того, для подъема внутренней черной металлургии импортная пошлина на чугун была увеличена с 5 коп. до 30 коп. за пуд при водном ввозе и до 35 коп. при сухопутном. Менделеев отмечал, что между производством чугуна, кованого и

стального железа существует тесная связь: «если бы на чугун оклад был поднят, а на железо и сталь не был соответственным образом повышен, стали бы ввозить сталь и железо и производство чугуна не развилось бы» [Менделеев, 1892, с. 604]. Поэтому «Менделеевский тариф» повысил большинство ставок на сортовое железо с 24 коп. до 60 коп. за пуд [Дзюбенко, 2003].

После повышения пошлин на промышленные сырьевые материалы «Менделеевский тариф» увеличил таможенные ставки на готовые изделия. Так, после повышения пошлин на стальное сырье импортная пошлина на полуобработанные стальные изделия возросла с 80 коп. до 1 р. 70 к. В рамках развития машиностроения была увеличена пошлина на машины, изготовленные из стали и других металлических материалов, была повышена с 24 коп. до 1 р. 70 к. за пуд; на машины из меди и сплавов – с 60 коп. до 4 р. 80 к.; на железнодорожные локомотивы и паровые установки – с 60 коп. до 2 руб. [Менделеев, 1892, с. XXXVI].

С существенным повышением пошлин на промышленные товары по «Менделеевскому тарифу» протекционизм в России достиг апогея. По сравнению с Таможенным уставом 1868 г., из 259 видов промышленного сырья и полуфабрикатов пошлины были повышенены на 151 позицию (58,3 %); из 271 вида готовых изделий – на 215 пози-

ций (79,3 %). «При этом для 67 товаров ставки выросли на 101–200 %, для 44 – на 201–500 %, для 35 – более чем на 500 %, а для 16 – даже свыше 1000 %» [Соболев, 1911, с. 788–789]. Подобный уровень тарифной защиты для того времени в международной практике был крайне редким. «В западноевропейских странах доля таможенных пошлин в стоимости импортных товаров обычно составляла 5–18 %, тогда как в России – 18,7 % (в 1881–1884 гг.), 28,3 % (в 1885–1890 гг.), а после введения тарифа 1891 г. Она поднялась до 33 %» [Бакулин, 1940, с. 199].

Рассматривая реальный исторический контекст России, «Менделеевский тариф» обеспечил незаменимую институциональную защиту для развития молодой промышленности. В середине XIX в., с углублением промышленной революции, разрыв в индустриализации между европейскими странами становился все более очевиден. Великобритания, первой завершившая промышленную революцию, опираясь на космополитическую экономическую теорию Адама Смита и используя свое преимущество первоходца, развернула волну торговой либерализации. Однако страны континентальной Европы находились еще на начальном этапе индустриализации, и недальновидное открытие рынков означало, что их национальная промышленность столкнется с разрушительной конкуренцией, легко превратившись в

источник сырья и рынок сбыта для британских товаров. Поэтому такие поздно индустриализировавшиеся страны, как Германия и США, широко применяли протекционистскую таможенную политику, используя высокие таможенные барьеры для защиты от иностранной конкуренции. Для России, в которой промышленное развитие было еще более отсталым, протекционизм имел аналогичное значение.

«Менделеевский тариф» означал не только коренной поворот в торговой политике царского правительства, но и отразил ключевой выбор России на пути к модернизации государства. После реформы по отмене крепостного права Россия находилась на историческом переломе – переходе от традиционного аграрного общества к современному индустриальному государству. Протекционизм стал водоразделом между теми, кто «думал о путях вхождения России в число высокоразвитых и экономически независимых стран», и теми, кто «ожил патриархальными иллюзиями, не понимал всей опасности промышленного и социального отставания России от стран запада» [Дзюбенко, 2003, с. 261]. Благодаря протекционистской таможенной политике в 1890-х гг. в России наступил период промышленного подъема, значительно увеличился объем промышленного производства. В период с 1890 по 1900 гг. добыча каменного угля выросла с 217 млн пудов до 735 млн пудов, а

добыча железной руды – с 92,84 млн пудов до 338 млн пудов. Произошло бурное возрождение металлургической промышленности с помощью отечественного рудного сырья. С 1892 по 1900 гг. выплавка чугуна увеличилась с 54,78 млн пудов до 159 млн пудов, а производство стали – с 54,9 млн пудов до 142 млн пудов [Кафенгауз, 1994]. К концу XIX в. Россия вошла в число ведущих промышленных держав мира, осуществив трансформацию экономической структуры страны и скачок в развитии производительных сил общества.

Однако, поскольку «Менделеевский тариф» довел уровень промышленной защиты в России до максимума и препятствовал экспорту немецких промышленных товаров в Россию, накопившиеся между Россией и Германией экономические противоречия проявились в открытую. В ноябре 1891 г. Страны начали переговоры о торговом договоре, однако по вопросу снижения пошлин на промышленные и сельскохозяйственные товары каждая из сторон настаивала на своих условиях, и переговоры вскоре зашли в тупик.

С намерением оказать давление на Россию Германия заключила соглашения о снижении пошлин на зерно с Австро-Венгрией, Бельгией, Италией, Швейцарией и Соединенными Штатами (эти страны быстро заняли место России на германском рынке хлеба). Россия, не имевшая к тому моменту торгового соглаше-

ния с Германией, была вынуждена платить дискриминационные пошлины на ввоз зерна: «по сравнению с другими странами Россия должна была уплачивать дополнительную пошлину в размере 1 % за каждые 100 килограммов зерна, экспортируемых в Германию, что составляло около 12 копеек за пуд» [Шапошников, 1924, с. 25].

В ноябре 1892 г. Россия предложила Германии начать переговоры о тарифах на промышленные товары такие, как уголь и чугун. Однако немецкое правительство рассудило, что возобновление переговоров в период уборки урожая вынудит Россию, стремящуюся продать зерно, пойти на более значительные уступки. Россия негативно восприняла такую преднамеренную затяжку и 20 июля 1893 г. Ввела систему двойных пошлин: для стран, подписавших с ней взаимные торговые соглашения, устанавливались минимальные пошлины (то есть тариф 1891 г.), для остальных – максимальные (на 20–30 % выше тарифа 1891 г.). Германская сторона расценила это как объявление таможенной войны и 17 августа объявила о введении единой 50 % дополнительной пошлины на российские товары в качестве ответной меры, а 25 августа полностью запретила ввоз российского кормового сена и соломы [Соболев, 1915]. Началась русско-германская таможенная война.

На фоне нарастающей таможенной войны в сентябре 1893 г. Обе

стороны возобновили переговоры в Берлине. Российская сторона, настаивая на защите национальной промышленности, одновременно проявила стремление заключить соглашение, но Германия оказалась в сложном политическом положении. Берлин стремился добиться для своих промышленных товаров (изделий из металла, машинного оборудования, химической продукции и др.) льготных таможенных ставок, но из-за решительного сопротивления юнкерских землевладельцев не мог пойти на уступки в вопросе пошлин на сельскохозяйственные продукты, аграрная общество не останавливалось ни перед какими угрозами правительству, в частности, заявляя, «что в случае заключения договора с Россией консерваторы будут высказываться против любого правительственного предложения, которое будет вноситься в рейхстаг» [Иванов, 2005, с. 27]. В результате переговоры продолжались более трех месяцев и лишь 10 февраля 1894 г., по настоянию императора Вильгельма II, правительство под руководством Лео фон Каприви заключило с Россией десятигодичный торгово-морской договор. Согласно этому соглашению, Россия получала статус «наиболее благоприятствуемой страны». Специальные ограничения на ввоз российского зерна были сняты; оно облагалось теми же пошлинами, что и зерно из других стран [Аветян, 1985]. В обмен на это «немецкие промышлен-

ники получили снижение пошлин на 20–40 % по сравнению с тарифом 1891 г. (в отдельных случаях – до 50–75 %), что, по оценкам, позволило экономить около 1,5 миллиона фунтов стерлингов в год» [William Harbutt Dawson, 1902, р. 22].

Торговая война начала 1890-х гг. отразила глубинные экономические противоречия между Россией и Германией. Россия, находившаяся на раннем этапе индустриализации, нуждалась, с одной стороны, в высоких таможенных пошлинами для защиты «молодой» промышленности, а с другой – в сохранении экспорта своих сельскохозяйственных продуктов в Германию. Германия же, экономика которой имела ярко выраженный экспортный характер, стремилась расширить рынок сбыта своих промышленных товаров в России, но одновременно была вынуждена учитывать требования юнкерских землевладельцев о защите сельского хозяйства. В результате между российским промышленным протекционизмом и германским аграрным протекционизмом возникло неразрешимое противоречие, поэтому временные торговые компромиссы не могли устранить конфликты экономических интересов.

Когда в начале XX в. Прекратило действие торговое соглашение между двумя странами, то вновь вспыхнувшие торговые трения стали тому подтверждением. 14 декабря 1902 г., под давлением аграрных кругов Германии и особенно при

поддержке нового канцлера Бернгарда фон Бюлова, рейхstag принял новый таможенный закон, направленный на усиление сельскохозяйственной защиты. Согласно этому закону, пошлины на ввоз зерна были повышены примерно в 1,5 раза: «на рожь и овес – до 5 марок за 100 кг, на пшеницу – до 5,5 марок. Одновременно значительно увеличились пошлины на мясо и живой скот: на птицу – с 25 % до 67 %, на свиней – на 180 %, на мясо – на 130 %, на масло – на 25 %» [Шапошников, 1924, с. 27]. Этот новый закон вызвал ответную реакцию со стороны России. 13 мая 1903 г. Николай II утвердил новый таможенный тариф, предусматривавший повышение пошлин на 91 вид промышленных товаров, – металлические изделия, машины, химическую продукцию и другие.

Во избежание дальнейшего обострения торговых разногласий во второй половине 1903 г. Россия и Германия начали новые переговоры о торговом соглашении. На первых этапах канцлер Бернгард фон Бюлов был уверен, что Германия занимает позицию силы, еще в сентябре 1901 г. Он написал кайзеру, что «экономические отношения между двумя странами таковы, что Россия вынуждена будет подписать договор на любых условиях» [Максимов, 2011, с. 122]. С. Ю. Витте, со своей стороны, решительно выступал против германской политики ограничения импорта зерна, и эту позицию России поддержали Авст-

ро-Венгрия, Швейцария, Сербия и Италия.

Переговоры были не разрешимы до января 1904 г., когда вспыхнула русско-японская война, кардинально изменившая ситуацию. Вильгельм II, угрожая нарушить мир на западных границах России, «выразил желание, чтобы Россия помогла Германии заключить торговые договоры на началах нового таможенного тарифа, только что проведенного через рейхстаг» [Витте, 1924, с. 257]. Столкнувшись с неудачами на Дальневосточном фронте, Николай II настоятельно потребовал от Витте как можно скорее достичь соглашения с Германией. В июле 1904 г. Витте отправился к Бюлову для переговоров, в отличие от своей непоколебимой позиции во время таможенной войны десятью годами ранее, на этот раз он ясно понимал, что «нужно будет пойти на уступки, на явный экономический урон для России в виду политико-стратегических соображений» [Тарле, 1927, с. 52]. Соглашение было подписано 28 июля 1904 г. И вступило в силу с 17 февраля 1906 г. В рамках второго русско-германского торгового договора Россия понизила ввозные пошлины по 88 позициям немецких промышленных товаров и одновременно согласилась с установленными Германией минимальными тарифными ставками на зерно. В соответствии с этими ставками, пошлины на зерно, импортируемое из

России, в среднем увеличились на 50–60 %, а на продукцию животноводства – на 70–80 % [Аветян, 1985].

С точки зрения сложных международных отношений накануне Первой мировой войны, нарастающие таможенные конфликты не только подорвали торгово-экономические связи между Германией и Россией, но и серьезно ослабили политическое доверие между странами. Германская и Российская империями стали одним из важных факторов в формировании противостояния двух военных блоков в Европе и заложили предпосылки для вспыхнувшей впоследствии Первой мировой войны.

Прежде всего, ухудшение германо-российских экономических отношений в 1880-е гг. способствовало сближению между Францией и Россией. Взаимное повышение таможенных пошлин Германией и Россией усугубило и без того напряженные двусторонние отношения после Берлинского конгресса. Царское правительство было вынуждено отказаться от традиционного курса на сближение с Германией и начать поиск стратегического партнерства с Францией. Хотя Франция в то время находилась в международной изоляции, она поддерживала с Россией тесные экономические связи. В 1870–1880-х г. Французский капитал занимал первое место среди иностранных предприятий в промышленности России [Манфред, 1975]. После то-

го как в ноябре 1887 г. Германия запретила продажу российских облигаций на Берлинской фондовой бирже, Париж стал основным рынком для российских займов. «Эти финансовые связи обеспечили франко-русскому союзу более прочную основу» [James Joll, 2007, р. 57]. В 1891 г. Французское правительство выступило с инициативой заключить с Россией военное соглашение для противодействия Тройственному союзу.

Таможенная война между Германией и Россией, разразившаяся в 1893 г., способствовала окончательному оформлению франко-русского военного союза. Из-за вмешательства российского министра иностранных дел Н. К. Гирса Россия и Франция поначалу заключили лишь политическое соглашение. Французское правительство стремилось к созданию более обязывающего военного альянса. 17 августа 1892 г. Обе державы тайно подписали проект «Франко-русской военной конвенции», согласно которому каждая из сторон обязалась оказать военную помощь другой в случае нападения со стороны Германии или ее союзников. Однако из-за противодействия пророссийских германофильских кругов, а также опасений царского правительства перед прямым противостоянием с Германией, данное соглашение долгое время не получало утверждения. Таможенная война 1893 г. Довела германо-российские отношения до точки

замерзания. За долгие месяцы бесплодных переговоров в русском обществе или, по крайней мере, в публицистических кругах успело вырасти весьма интенсивное враждебное чувство к Германии [Витчевский, 1909]. Такая позиция напрямую способствовала активизации застоявшегося процесса франко-русского сближения. Во время германо-российских таможенных переговоров русский флот совершил ответный визит во французский Тулон в знак признательности за визит французской эскадры в Кронштадт в 1891 г. 30 декабря 1893 г. Александр III утвердил «Франко-русскую военную конвенцию», которая вступила в силу 4 января 1894 г., ознаменовав официальное оформление франко-русского союза.

Наконец, торговые разногласия 1903–1904 гг. затормозили процесс улучшения германо-российских отношений. После заключения франко-русского союза Германия быстро скорректировала свою внешнеполитическую стратегию, стремясь восстановить традиционно дружественные отношения с Россией. Торговый договор 1894 г. временно урегулировал экономические противоречия между двумя странами и создал благоприятные условия для смягчения политических отношений. Берлин проявил инициативу в стремлении расположить к себе Россию. Германия поддержала экспансионистскую политику России на Дальнем Востоке, и

активно объединилась с Россией и Францией, чтобы вынудить Японию вернуть Ляодунский полуостров Китаю после окончания японо-китайской войны 1895 г. В целях дальнейшего сближения с Николаем II Вильгельм II подарил ему картину. На этой картине архангел Михаил ведет христианских воинов в противостояние с восточным Буддой, что символизирует конфликт между христианской цивилизацией и восточноазиатской цивилизацией. В 1898–1901 гг. переговоры о германо-британском союзе провалились из-за разногласий по вопросам морского флота и колониальной политики. После ухудшения германо-британских отношений Великобритания начала сближение с Францией. Это побудило Германию «попробовать заключить союз с Россией» [Хвостов, 1945, с. 165], чтобы тем самым разрушить франко-русский альянс или вовлечь Францию в общеевропейский континентальный блок, направленный против Великобритании.

Разрыв в экономических отношениях стал одной из ключевых причин провала германского плана в союзе с Россией. С октября 1904 г. Кайзер Вильгельм II начал настойчивое дипломатическое наступление и, в конце концов, сумел убедить Николая II заключить союз. 27 июля 1905 г. Во время встречи в Бьёрке Николай II тайно подписал «Договор о германо-российском союзе». Однако этот

документ вызвал протест у российских политических кругов – не только по дипломатическим соображениям, но и из-за экономических факторов. Во время переговоров о торговом договоре 1904 г. Действия Германии, воспользовавшейся тяжелым военным положением России для оказания давления, «не могло не сказаться на росте антигерманских настроений» [Максимов, 2011, с. 124]. В общественном мнении даже утверждалось, что Германия рассматривает Россию как колонию, подавляя развитие ее промышленности посредством неравноправных торговых соглашений. Сам Витте также выражал недовольство торговым договором 1904 г., отмечая, что он «вынудил Россию подчиниться коммерческим требованиям Германии» [Gooch, 1926, р. 77]. В конечном итоге, под совместным давлением Витте и министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа, Николай II вежливо отказался ратифицировать договор, сославшись на его противоречие обязательствам по франко-российскому союзу. Так германо-российский союз остался нереализованным. Тем временем, при посредничестве Франции, заметно ускорились шаги к англо-российскому сближению. 31 августа 1907 г. Было подписано «Англо-российское соглашение», завершившее формирование блока Антанты – союза Великобритании, Франции и России, что ознаменовало фактическое завершение перераспределения

ния сил между великими державами Европы.

Заключение

Во второй половине XIX в. Ориентация российской таможенной политики в сторону протекционизма, способствуя промышленной модернизации страны, оказала глубокое влияние на международные торгово-экономические отношения. Германия, как один из пионеров индустриализации в Европе, рассматривала Россию в качестве страны для сбыта своей промышленной продукции. Однако таможенные барьеры, выстроенные Россией для защиты национальной промышленности, нанесли прямой удар по интересам германского промышленного капитала, в результате чего экономические отношения между двумя странами постепенно перешли от взаимовыгодного сотрудничества к конкурентному противостоянию. Влияние

этого таможенного конфликта выходило далеко за рамки обычных торговых трений. В процессе перестройки союзной системы Европы на рубеже XIX–XX в. Углублявшиеся экономические противоречия способствовали ухудшению германо-российских политических отношений и в определенной степени привели к тому, что две державы оказались в противоположных политических лагерях. Хотя причин, приведших к Первой мировой войне, было множество, эволюция германо-российских отношений – от «торговых партнёров» к «стратегическим противникам» – представляет собой уникальную перспективу для понимания кризиса международных отношений начала XX в. Этот исторический процесс ярко показывает сложное и тонкое взаимодействие между экономической политикой и geopolитикой.

Библиографический список

1. Аветян А. С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны, 1910–1914. Москва : Наука, 1985. 284 с.
2. Бакулин С. Н. Статистика внешней торговли / С. Н. Бакулин, Д. Д. Мишустин. Москва : Международная книга, 1940. 317 с.
3. Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 1. Ленинград : Гос. Изд-во, 1924. 471 с.
4. Витчевский В. Торговая таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. Санкт-Петербург : Д. А. Казицын и Ю. Д. Филиппов, 1909. 362 с.
5. Дзюбенко П. В. Д. И. Менделеев и таможенный тариф: уроки для России. Москва : Русская Новь, 2003. 384 с.
6. Иванов К. Е. Берлинская конференция 1893г.: обсуждение условий русско-германского конвенциального торгового договора // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2005. № 2. С. 26–30.
7. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. Москва : Эпифания, 1994. 848 с.

8. Максимов И. П. Русско-Немецкий торговый договор 1904 года // Слово.ру: Балтийский акцент. 2011. №. 3. С. 121-124.
9. Манфред А. З. Образование Русско-Французского союза. Москва : Наука, 1975. 188 с.
10. Менделеев Д. И. Торговый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. Санкт-Петербург : Тип. В. Демакова, 1892. 730 с.
11. Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск : Типо-лит. Сибирского т-ва печ. Дела, 1911. 887 с.
12. Соболев М. Н. История Русско-Германского торгового договора. Петроград : Типография редакции периодических изданий Министерства Финансов, 1915. 213 с.
13. Стоарт Росс Томпсон. Российская внешняя торговая XIX – начала XX в.: организация и финансирование. Москва : РОССПЭН, 2008. 470 с.
14. Субботин Ю. Ф. Россия и Германия: партнеры и противники. Москва : ИРИ РАН, 1996. 272 с.
15. Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте: опыт характеристики внешней политики. Ленинград : Книжные новинки, 1927. 108 с.
16. Хвостов В. М. История дипломатии. Т. 2. Москва-Ленинград : Госполитиздат, 1945. 423 с.
17. Шапошников Н. Н. Таможенная политика России до и после революции. Москва-Ленинград : [Б. и.], 1924. 74 с.
18. Gooch G. P., Harold Temperley. British documents on the origins of the war, 1898-1914. V. 4. His Majesty's Stationery Office, 1926. 734 p.
19. James Joll, Gordon Martel. The origins of the First world war. London: Routledge, 2007. 346 p.
20. Lehrfreund Ludwig, Die Entwicklung der deutsch-russischen Handelsbeziehungen, Carnegie-Verlag F. Bitterling, 1921. 105 s.
21. William Harbutt Dawson. The new german tariff // The Economic Journal. 1902. Vol. 12, No. 45. P. 15-23.
22. 王绳祖, 国际关系史(第三卷: 1871-1918), 北京: 世界知识出版社, 1996年, 466页。466 p.
23. 刘德斌, 国际关系史, 北京: 高等教育出版社, 2003年, 662页。
24. 武瑞沙, 从关税战看一战前的德俄关系, 华中师范大学研究生学报2015年第4期, 第119-123页。

Reference list

1. Avetjan A. S. Russko-germanskie diplomaticeskie otnoshenija nakanune pervoj mirovoj vojny, 1910–1914 = Russian-German diplomatic relations on the eve of World War I, 1910-1914. Moskva : Nauka, 1985. 284 s.
2. Bakulin S. N. Statistika vneshej torgovli = Foreign trade statistics / S. N. Bakulin, D. D. Mishustin. Moskva : Mezhdunarodnaja kniga, 1940. 317 s.
3. Vitte S.Ju. Vospominanija: Carstvovanie Nikolaja II. T. 1. = Memoirs: Reign of Nicholas II. V. 1. Leningrad : Gos. Izd-vo, 1924. 471 s.

4. Vitchevskij V. Torgovaja tamozhennaja I promyshlennaja politika Rossii so vremen Petra Velikogo do nashih dnej = Trade customs and industrial policy of Russia from the time of Peter the Great to the present day. Sankt-Peterburg : D. A. Kazicyn I Ju.D. Filippov, 1909. 362 s.
5. Dzjubenko P. V. D. I. Mendeleev I tamozhennyj ussia: uroki dlja Rossii D. I. Mendeleev and the customs tariff: lessons for Russia. Moskva : Russkaja Nov', 2003. 384 s.
6. Ivanov K. E. Berlinskaja konferencija 1893g.: obsuzhdenie uslovij russko-germanskogo konvencial'nogo torgovogo dogovora = Berlin Conference 1893: discussion of the terms of the Russian-German conventional trade agreement // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. 2005. №. 2. S. 26–30.
7. Kafengauz L. B. Jevoljucija promyshlennogo proizvodstva Rossii = Evolution of industrial production in Russia. Moskva : Jepifanija, 1994. 848 s.
8. Maksimov I. P. Russko-Nemeckij torgovyj dogovor 1904 goda = Russian-German trade treaty of 1904 // Slovo.ru: Baltijskij ussia. 2011. №. 3. S. 121–124.
9. Manfred A. Z. Obrazovanie Russko-Francuzskogo sojuza = Formation of the Russian-French Union Moskva : Nauka, 1975. 188 s.
10. Mendeleev D. I. Torgovyj ussia, ili Issledovanie o razvitiu promyshlennosti Rossii v svjazi s ee obshhim tamozhennym tarifom 1891 g. = Trade tariff, or Study on the development of Russian industry related to its general customs tariff of 1891 Sankt-Peterburg : Tip. V. Demakova, 1892. 730 s.
11. Sobolev M. N. Tamozhennaja politika Rossii vo vtoroj polovine XIX veka = Russian customs policy in the second half of the 19th century. Tomsk : Tipo-lit. Sibirskogo t-va pech. Dela, 1911. 887 s.
12. Sobolev M. N. Istorija Russko-Germanskogo torgovogo dogovora = History of the Russian-German Commercial Treaty Petrograd : Tipografija redakcii periodicheskikh izdanij Ministerstva Finansov, 1915. 213 s.
13. Stjuart Ross Tompston. Rossijskaja vneshnjaja torgovaja XIX – nachala XX v.: organizacija I finansirovanie = Russian foreign trade of the XIX – early XX centuries: Organization and financing. Moskva : ROSSPJeN, 2008. 470 s.
14. Subbotin Ju. F. Rossija I Germanija: ussian I protivniki = Russia and Germany: partners and opponents Moskva : IRI RAN, 1996. 272 s.
15. Tarle E. V. Graf S. Ju. Vitte: opyt harakteristiki vneshnej politiki = Earl S. Yu. Vitte: experience in characterizing foreign policy Leningrad : Knizhnye novinki, 1927. 108 s.
16. Hvostov V. M. Istorija diplomati. T. 2 = History of diplomacy. V. 2. Moskva-Leningrad : Gospolitizdat, 1945. 423 s.
17. Shaposhnikov N. N. Tamozhennaja politika Rossii do I posle revoljucii = Russia's customs policy before and after the revolution Moskva-Leningrad : [B. i.], 1924. 74 s.
18. Gooch G. P., Harold Temperley. British documents on the origins of the war, 1898-1914. V. 4. His Majesty's Stationery Office, 1926. 734 p.
19. James Joll, Gordon Martel. The origins of the First world war. London : Routledge, 2007. 346 p.
20. Lehrfreund Ludwig, Die Entwicklung der deutsch-russischen Handelsbeziehungen, Carnegie-Verlag F. Bitterling, 1921. 105 s.

21. William Harbutt Dawson. The new german tariff // The Economic Journal. 1902. Vol. 12, No. 45. P. 15-23.
22. 王绳祖, 国际关系史(第三卷: 1871-1918), 北京: 世界知识出版社, 1996年, 466页 = Wang Shengzu. History of international relations (Volume 3: 1871-1918), Beijing: World Knowledge Press, 1996, 466 p.
23. 刘德斌, 国际关系史, 北京: 高等教育出版社, 2003年, 662页. = Liu Debin. History of international relations. Beijing: Higher Education Press, 2003, 662 p.
24. 武瑞沙, 从关税战看一战前的德俄关系, 华中师范大学研究生学报2015年第4期, 第119-123页. = Wu Ruisha. The relationship between Germany and Russia demonstrated by the tariff war before WWI // Central China normal university journal of postgraduates. No. 4. 2015. P. 119-123.

Статья поступила в редакцию 27.09.2025; одобрена после рецензирования 19.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 27.09.2025; approved after reviewing 19.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 930(470.343)

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-94

EDN: JKHOWM

Борьба органов милиции с дезертирством в Кировской области в годы Великой Отечественной войны

Андрей Анатольевич Машковцев

Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории
и политических наук, Вятский государственный университет, г. Киров
usr07875@vyatsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8135-4043>

Аннотация. Тяжелые поражения Красной Армии в первые месяцы Великой Отечественной войны, огромные людские потери, а также быстрое отступление РККА в центральные районы страны привели к падению воинского духа и дисциплины у части советских солдат. Следствием этого было появление массового дезертирства в РККА, а также уклонение от мобилизации резервистов и призывников. Дезертиры и уклонисты прятались по лесам, занимаясь кражами и грабежами. Многие из них объединялись в настоящие банды, хорошо оснащенные огнестрельным оружием, которые терроризировали население тыловых районов Советского Союза.

В статье, на основе анализа документов ведомственного архива Управления внутренних дел по Кировской области и Центрального государственного архива Кировской области, рассмотрено возникновение и развитие дезертирства в Кировской области в 1941–1945 гг., а также показана деятельность региональных правоохранительных органов по борьбе с этим опасным явлением. Автор проанализировал численность дезертиров на территории Кировской области, а также выявил районы их наибольшей активности. Были установлены наиболее крупные и опасные организованные преступные группы, состоявшие в основном из дезертиров и уклонистов, а также примкнувших к ним уголовников.

Основное внимание уделено рассмотрению деятельности правоохранительных органов по выявлению и задержанию дезертиров, а также справедливому наказанию их и пособников.

Ключевые слова. Кировская область; дезертирство; бандитизм; милиция; борьба с преступностью; Великая Отечественная война; военная служба

Для цитирования: Машковцев А. А. Борьба органов милиции с дезертирством в Кировской области в годы Великой Отечественной войны // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 94–107. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-94>. <https://elibrary.ru/JKHOWM>.

Original article

The police's fight against desertion in the Kirov region during the Great Patriotic war

Andrey A. Mashkovtsev

Doctor of historical sciences, associate professor, head of department of history and political sciences, Vyatka state university, Kirov
usr07875@vyatsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8135-4043>

Abstract. The Red Army's severe defeats in the first months of the Great Patriotic War, its enormous human losses, and the Red Army's rapid retreat to the central regions of the country led to a decline in morale and discipline among some Soviet soldiers. This resulted in mass desertion within the Red Army, as well as the evasion of mobilization by reservists and conscripts. Deserters and draft dodgers hid in the forests, engaging in theft and robbery. Many of them formed veritable gangs, well-equipped with firearms, which terrorized the population in the rear areas of the Soviet Union.

Based on the analysis of documents from the departmental archives of the Kirov oblast Directorate of internal affairs and the Central state archives of the Kirov oblast, this article examines the emergence and development of desertion in the Kirov oblast from 1941 to 1945 and describes the efforts of regional law enforcement agencies to combat this dangerous phenomenon. The author analyzed the number of deserters in the Kirov region and identified the areas of their greatest activity. The largest and most dangerous organized crime groups, consisting primarily of deserters and draft dodgers, as well as criminals who joined them, were identified.

The author focuses on the efforts of law enforcement agencies to identify and apprehend deserters, as well as to ensure fair punishment for them and their accomplices.

Key words: Kirov oblast; desertion; banditry; police; crime control; the Great Patriotic War; military service

For citation: Mashkovtsev A. A. The police's fight against desertion in the Kirov region during the Great Patriotic war. *Social and political researches*. 2025;4(29): 94–107. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-94>. <https://elibrary.ru/JKHOWM>.

Введение

После начала Великой Отечественной войны одним из важнейших направлений деятельности НКВД СССР стала борьба с дезертирством и уклонением от призыва в РККА. Советское уголовное законодательство рассматривало данное деяние как тяжкое преступление, за которое в военное время преду-

сматривалось суровое наказание, вплоть до смертной казни (ст. 193 УК РСФСР).

Особая опасность дезертирства была связана с тем, что данное явление крайне негативно сказывалось на обороноспособности страны. Дезертиры и уклонисты не только разрушали систему комплектования Вооруженных Сил

СССР, но и провоцировали поражение настроения. Кроме того, имелась прямая взаимосвязь между дезертирством и обострением кризисной ситуации в стране: опасаясь судебных преследований, дезертиры и уклонисты переходили на нелегальное положение, объединяясь в банды, которые терроризировали местное население. Это в свою очередь осложняло обстановку в тылу, порождая у людей страх перед бандитами. Наконец, дезертирство представляло определенную угрозу самому советскому политическому режиму, поскольку оно постоянно пополнялось за счет противников коммунистов (раскулаченных, репрессированных и пр.). Некоторые группировки дезертиров (например, в Чечено-Ингушетии) занимались не только бандитизмом, но и повстанческой деятельностью.

Драматическое начало войны, сопровождавшееся тяжелейшими поражениями Красной Армии, превратило дезертирство в массовое явление, масштабы которого приобрели угрожающий характер. Только за период с 22 июня и до конца 1941 г. Правоохранительными органами СССР было задержано 710 тыс. дезертиров и свыше 70 тыс. уклонистов от мобилизации [Гусак, 2008]. Правда, следует оговориться, что далеко не все из этих людей являлись дезертирами в прямом смысле этого слова. В условиях неразберихи, а иногда и хаоса, вызванного внезапными

прорывами частей вермахта и стремительным отступлением РККА, многие из задержанных оказывались военнослужащими, отставшими от своих частей, либо неорганизованно отходившими в тыл. Тем не менее даже с учетом этого обстоятельства, рост числа дезертиров и уклонистов в СССР в первые месяцы войны был существенным.

Степень разработанности проблемы

До конца 80-х гг. ХХ в. Проблема дезертирства из рядов Красной Армии почти не рассматривалась советскими исследователями. Это было связано с двумя ключевыми факторами. *Во-первых*, основное внимание уделялось героизации подвига советского народа, поэтому дезертирство воспринималось как исключительно негативное и позорное явление, изучение которого не приветствовалось советскими государственными и партийными органами. *Во-вторых*, основная масса источников по истории дезертирства в 1941–1945 гг. находилась в ведомственных архивах и была засекречена.

Идеологические реформы периода «перестройки», а также, так называемая «архивная революция» резко изменили ситуацию с изучением проблемы дезертирства в нашей стране. В 1990-е гг., и особенно в начале ХХI в. Появился целый комплекс исследований, посвященных борьбе с дезертирством в разных регионах страны.

Так, В. В. Блинова рассматривала данную проблему на Южном Урале [Блинова, 2020], А. И. Вольхин – в Западной Сибири [Вольхин, 2014], С. П. Шатилов – на Алтае [Шатилов, 2022], Д. В. Тумаков – в Верхнем Поволжье [Тумаков, 2010], А. Г. Рябченко – на Северном Кавказе и т. п. [Рябченко, 2016].

В Кировской области одним из первых данную проблему поднял Ю. Б. Порфириев, изучавший деятельность органов НКВД в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Также данная тема была кратко рассмотрена в статье А. В. Семено, посвященной борьбе кировской милиции с угрозой преступностью в 1941–1945 гг. Однако полной и целостной картины борьбы правоохранительных органов с дезертирством в настоящее время не существует. Представленная статья призвана хотя бы частично решить данную проблему, показав вклад кировской милиции в борьбу с дезертирством в 1941–1945 гг.

Источники исследования

В основу данного исследования положены материалы двух региональных архивов – Центрального государственного архива Кировской области и Архива Управления МВД по Кировской области. Использованные документы подробно раскрывают деятельность кировской милиции в годы Великой Отечественной войны.

В Центральном государственном архиве Кировской области

наибольший интерес по заявленной теме представляют документы фонда Кировского областного комитета КПСС (фонд П-1290). На протяжении всей войны Кировский обком ВКП(б) тесно взаимодействовал с региональным Управлением НКВД по различным аспектам обеспечения безопасности тыловых объектов и поддержания общественного порядка. В ходе начального этапа Великой Отечественной войны региональные партийные органы неоднократно требовали от милиции и органов государственной безопасности усилить борьбу с дезертирством, поскольку дезертиры не только негативно влияли на общественные настроения в крае, но и наносили существенный ущерб экономике региона. После совершения коренного перелома в войне, и, особенно, на ее заключительном этапе интерес областного комитета ВКП(б) к данной проблеме заметно снизился, что свидетельствовало о существенном улучшении ситуации с дезертирством в области.

Еще больший интерес представляют рассекреченные документы Архива Управления МВД по Кировской области. В этом ведомственном архиве содержится огромное количество документов, раскрывающих различные аспекты в деятельности региональной милиции, в том числе ее борьбу с дезертирами и уклонистами от мобилизации в 1941–1945 гг. В частности, в архиве хранятся отчеты рай-

онных отделений милиции о предпринятых мерах по выявлению и задержанию дезертиров. Документы данного архива позволяют установить причины и масштабы дезертирства в области, выявить фамилии лидеров и наиболее активных членов банд дезертиров и уклонистов, оценить степень их оснащенности огнестрельным оружием, а также проанализировать методы, применявшиеся правоохранительными органами в борьбе с дезертирством.

Результаты исследования

Дезертирство и уклонение от военной службы наблюдалось в Кировской области и в довоенный период, однако тогда оно не носило массового характера. По данным Ю. Б. Порфириева, в первом квартале (январь–март) 1941 г. В Кировской области в розыске находилось 246 дезертиров из РККА. Из них за обозначенный период было найдено 158 чел. (64,2 %): 102 – на территории Кировской области, 56 – на территории других областей [Порфириев, 2012].

После начала Великой Отечественной войны первые случаи уклонения от призыва стали фиксироваться в области уже в начале июля 1941 г. В Вожгальском районе крестьянин М. А. Загоскин отказался идти на призывной пункт, заявив: «Десять лет просижу в тюрьме, а в армию не пойду» [ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 62 об]. При задержании его милицией он оказал активное сопротивление.

Некоторые кировчане пытались уклониться от мобилизации, ссылаясь на проблемы со здоровьем. В Опаринском районе военнообязанный И. И. Рыбин сразу после начала войны стал ежедневно ходить в амбулаторию, добиваясь получения справки о негодности к военной службе, однако врачи не обнаружили у него никаких серьезных заболеваний. Чтобы уклониться от призыва, 2 июля 1941 г. Рыбин умышленно отрубил себе топором палец левой руки [ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 182]. Его земляки – П. А. Голубев и И. В. Рудаков – причинили себе умышленные ожоги ног уксусной эссенцией, а первый еще и напился отвара табака, спровоцировав пищевое отравление. Все трое были арестованы и переданы военному трибуналу.

В середине июля 1941 г. В Кировской области появились и первые дезертиры, бежавшие с фронта. Одним из них являлся старший сержант К. А. Князев, служивший писарем в Ленинграде. 16 июля 1941 г. Князев получил в кассе 75 000 руб., после чего скрылся [300 лет ..., 2018]. Управление милиции г. Ленинграда сразу же объявило беглого писаря в розыск. Поскольку дезертир являлся уроженцем Кировской области, то региональному управлению НКВД было предписано взять дело под особый контроль. Сотрудники милиции, дежурившие на железнодорожных вокзалах и речных пристанях, получили фотографии дезертира. В родном селе беглеца местный

участковый уполномоченный должен был следить за его домом. Предпринятые меры быстро дали положительный результат: уже 20 июля 1941 г. К. А. Князева задержали вблизи пристани г. Котельнич. При личном обыске у него изъяли 51 245 руб., остальные деньги он успел потратить.

Примерно в это же время в Немском районе появился бежавший с фронта младший командир РККА И. В. Лобов. В отличие от других дезертиrov Лобов не прятался в лесах и подвалах, а жил в родном доме совершенно открыто, выдавая себя за комиссованного по ранению военнослужащего. По улицам села он ходил в армейской форме, чуть прихрамывая и нося на голове марлевую повязку со следами крови. Почувствовав свою безнаказанность, дезертир явился в Немское районное отделение милиции и предъявив подложные документы об освобождении от дальнейшей военной службы, потребовал выдать ему паспорт. Сотрудники милиции сразу же обнаружили подлог и попытались задержать дезертира, однако он достал пистолет и открыл по ним огонь. Сделав четыре выстрела, Лобов выскочил из отделения милиции и скрылся в ближайшем лесном массиве. Прочесывание леса не дало никаких результатов, но спустя несколько дней дезертир был задержан на станции Котельнич. При задержании у него изъяли пистолет ТТ с большим количеством патронов [300 лет..., 2018, с. 192].

С 1 июля по 31 декабря 1941 г. В Кировской области было арестовано 262 дезертира и 183 уклоняющихся от призыва (всего 445 чел.) [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 7]. В течение первой половины 1942 г. Эти цифры существенно увеличились: к 1 июня 1942 г. В регионе числилось уже 1 126 дезертиров и 852 уклониста (всего 1978 чел.).

Наиболее тяжелая ситуация в 1941–1942 гг. сложилась в трех юго-западных районах области (Кикнурский, Санчурский и Шарангский), где в первой половине 1942 г. Насчитывалось свыше 70 дезертиров и уклонистов. При прочесывании лесных массивов сотрудники органов НКВД обнаружили здесь 25 землянок и скропнов [300 лет..., 2018, с. 191]. Наличие значительного числа дезертиров именно в этих районах объясняется несколькими причинами. Во-первых, здесь достаточно прочные позиции имела, так называемая «Истинно-православная церковь» (далее ИПЦ). В отличие от Русской православной церкви ИПЦ никогда не признавала советскую власть и занимала по отношению к ней непримиримую позицию. Сторонники ИПЦ бойкотировали гражданские обязанности, в том числе военную службу, поэтому после начала войны многие представители данной религиозной организации ушли в леса, пополнив ряды дезертиров [Защищая Отечество..., 2020]. Во-вторых, в данных районах проживало немало

единоличников – крестьян, категорически отказывавшихся вступать в колхозы даже несмотря на постоянное административное давление. Накануне войны в области насчитывалось 6 034 единоличных хозяйств, из них в Кикнурском – 750, Санчурском – 700 [300 лет..., 2018]. Многие из единоличников также недолюбливали советскую власть и не считали себя обязанными защищать ее. Развитию дезертирства в юго-западных районах способствовала не только благоприятная социальная среда, но и географический фактор: здесь имелись крупные лесные массивы, где можно было укрыться от облав. Кроме того, рядом располагались Марийская АССР и Горьковская область, куда дезертиры часто уходили в случае угрозы ареста местной милицией.

Дезертиры не просто прятались от правоохранительных органов. Многие из них объединялись в настоящие банды, терроризировавшие местное население. Особую опасность представляли дезертиры, бежавшие с фронта и имевшие при себе различное стрелковое оружие, а иногда и гранаты. Так, в апреле 1942 г. В Зуевском районе были схвачены два дезертира, у которых изъяли винтовку с большим количеством патронов, а также две гранаты [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 7].

Обращает на себя внимание тот факт, что банды дезертиров, действовавшие в годы Великой Отечественной войны, были значительно

лучше вооружены, чем организованные преступные группировки довоенного времени. Последние имели холодное оружие либо огнестрельное оружие кустарного изготовления, надежность которого была достаточно низкой. Огнестрельное оружие фабричного производства встречалось достаточно редко, кроме того, к нему сложно было найти боеприпасы.

Ситуация резко изменилась после начала войны. Советское уголовное законодательство устанавливало жесткое наказание за дезертирство в военное время. Пункты 7 – 10 статьи 193 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. предусматривали применение за данное деяние высшей меры наказания. Зная это, дезертиры, бежавшие из действующей армии, брали с собой любое доступное оружие. В основном это были пистолеты и гранаты, которые было легче спрятать под верхней одеждой либо в вещевом мешке. Многие брали свое штатное оружие в первую очередь винтовки Мосина калибра 7,62 мм. Некоторые дезертиры спиливали у винтовки приклад и часть ствола, превращая ее в обрез. В таком виде можно было скрытно перевозить оружие, однако подобная «модернизация» негативно отражалась на боевых характеристиках винтовки, в первую очередь на кучности боя и эффективности огня. С середины войны в некоторых бандах дезертиров стало появляться (в единичных экземплярах) автоматическое оружие. В 1943 г. При обезврежи-

вании одной из групп дезертиров был захвачен даже ручной пулемет Дегтярева [Семено, 2022].

Некоторые банды дезертиров делали попытки завладеть огнестрельным оружием и боеприпасами, нападая на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих РККА. В 1942–1943 гг. в Санчурском районе Кировской области и Килемарском районе Марийской АССР действовала группа дезертиров, возглавляемая уроженцем д. Витьюм Санчурского района М. Е. Пахмутовым. В оперативных сводках НКВД банда фигурирует как «Витьюмцы». Бандиты были вооружены охотничими ружьями и обрезами, которые неоднократно использовали в ходе разбойных нападений. Всего дезертиры совершили свыше 50 краж и вооруженных ограблений, нанеся ущерб на сумму более 1 млн руб. [АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5]. Стремясь пополнить запасы оружия, бандиты совершили дерзкое нападение на Килемарский райвоенкомат Марийской АССР, однако получив отпор, скрылись в лесах, а затем ушли в Санчурский район Кировской области.

11 июля 1942 г. Из РККА дезертировали уроженец Кировской области Андрей Предеин и житель Горьковской области Павлин Кокин. Они добрались до Котельнича, являвшегося одной из важнейших железнодорожных станций в Кировской области, после чего перебрались в небольшую деревню в Котельничском районе. Чтобы про-

кормиться, дезертиры совершили кражи из хлевов и амбаров местных жителей. Мелкая на жива не устраивала бандитов, а для того, чтобы пойти на серьезное дело, им требовалось оружие. 10 августа 1942 г. В лесу у станции Черная дезертиры напали на участкового уполномоченного Котельничского РОМ Г. П. Паюсова. Хотя милиционер был вооружен и передвигался на лошади, бандиты смогли его одолеть: Предеин неожиданно выскочил из засады, стащил участкового с лошади и отнял у него пистолет, а Кокин убил сержанта обухом топора [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 29]. Забрав оружие с патронами, убийцы скрылись с места преступления. После этого, они совершили еще несколько тяжких преступлений, но в конечном итоге были схвачены и в декабре 1942 г. Приговорены к расстрелу.

Впрочем, иногда преступникам удавалось добыть оружие сотрудников милиции не в результате нападения на них, а по причине халатности и безответственности самих милиционеров. Во время войны значительная часть сотрудников УНКВД по Кировской области была призвана на фронт, приходившие на их место люди не всегда отличались безупречным поведением. Так, районный пожарный инспектор Малмыжского РОМ А. Н. Царегородцев, находясь в конце 1944 г. в служебной командировке, напился до такой степени, что потерял табельный револьвер системы Нагана с 7 боевыми па-

тронами [АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 13. Л. 26]. В последующем это оружие изъяли после разгрома одной из бандитских групп.

В сентябре 1944 г. Аналогичный случай произошел и в областном центре. Оперуполномоченный 4-го отделения ОБХСС младший лейтенант Кондаков в ходе употребления спиртных напитков уснул на улице, потеряв служебный пистолет с боевыми патронами [АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 13. Л. 36]. Естественно, что руководство регионального управления НКВД очень жестко реагировало на все случаи потери сотрудниками табельного оружия, понимая, что оно может оказаться в руках преступников. Младший лейтенант Кондаков Военным трибуналом войск НКВД был лишен воинского звания, приговорен к 8 годам лишения свободы, но отправлен не в исправительно-трудовые лагеря, а на фронт.

Таким образом, банды дезертиrov и уклонистов от мобилизации, возникшие в Кировской области, были неплохо вооружены. Их боевое оснащение включало в себя гранаты, пистолеты, охотничьи ружья, винтовки и даже небольшое количество автоматического оружия. Это позволяло им совершать большое число тяжких преступлений, в том числе умышленные убийства, разбои, грабежи и др. При попытке ликвидации подобных преступных группировок они, как правило, оказывали очень жесткое вооруженное сопротивле-

ние, вступая в настоящие бои с сотрудниками правоохранительных органов.

Рост числа дезертиrov вызвал серьезное беспокойство у руководства страны. В конце 1941 г. Главное Управление милиции НКВД СССР разослало в региональные управления директиву, в которой потребовало активизировать борьбу с дезертирством. В ней ставилась задача «вылавливать дезертиrov в зимних условиях и не допускать преступных формирований из них в весенне-летний период; активизировать агентурно-оперативную работу по выявлению и ликвидации дезертиrov; развернуть вербовку новой агентуры из числа лесников, лесообъезчиков, пасечников, охотников, рыбаков и других лиц, связанных по роду своей работы с пребыванием в лесах, знающих лесные и таежные условия» [Гусак, 2008, с. 11].

В Кировской области, помимо данных мероприятий, широко применялось прочесывание лесных массивов. В Кикнурский, Пижанский, Санчурский и Шарангский районы, где была наиболее тяжелая ситуация, на помощь местной милиции из Кирова были направлены оперативные группы Отдела уголовного розыска [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об]. Участникам операций предоставили широкие полномочия: в случае неподчинения они могли открывать огонь на поражение.

В 1942 г. В области провели несколько операций, в ходе которых

бандиты, оказывавшие сопротивление, уничтожались. 10 марта 1942 г. В Оричевском районе поймали военнослужащих 131-й запасной дивизии А. И. Пахомова и А. С. Шалагинова, самовольно покинувших расположение части. При задержании Шалагинов оказал вооруженное сопротивление и был застрелен [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 4]. В июле 1942 г. В Санчурском районе окружили дезертиров Олина и Кошкина. На требование сдаться преступники ответили шквальным огнем из пистолетов, сделав около 50 выстрелов. Ответным огнем оба бандита были убиты [Порфириев, 2005].

Жесткость действий милиции, не церемонившейся с бандитами, помочь местного населения, а также улучшение ситуации на советско-германском фронте после победы наших войск в Сталинградской битве, привели к тому, что с 1943 г. Масштабы дезертирства и уклонения от призыва стали постепенно сокращаться, хотя сама проблема сохранялась до конца войны.

В 1943 г. Сотрудники милиции провели несколько операций против дезертиrov, причем самые масштабные из них вновь прошли на юго-западе Кировской области. Так, в феврале–марте 1943 г. Сотрудники Санчурского РО НКВД, усиленные оперативной группой областного Управления НКВД, провели рейды по отдаленным деревням района, в ходе которых арестовали свыше 120 дезертиrov и их укрывателей.

В марте 1943 г. В Яранском районе была ликвидирована банда дезертиrov Крюковых. Первоначально банда действовала в Санчурском районе, однако после зверского убийства в дер. Орловской местного председателя колхоза К. П. Крюкова, преступники перебрались в соседний Яранский район. Однако здесь возмездие настигло преступников: в ходе спецоперации они были обезврежены яранскими милиционерами во главе с заместителем начальника местного районного отдела НКВД Мурашкевичем [АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 20. Л. 110].

Осенью 1943 г. Была проведена масштабная операция в Санчурском районе по ликвидации упомянутой банды Михаила Пахмутова («витьюмцы»), которая держала в страхе местное население, совершая разбойные нападения и грабежи. Операцией руководил начальник областного управления Уголовного розыска Г. Н. Фалеев [300 лет ..., 2018, с. 193]. В ней участвовали как санчурские милиционеры, так и сотрудники оперативной группы областного Управления НКВД. В сентябре 1943 г. Милиция блокировала лагерь бандитов в лесу, но на предложение сдаться дезертиры ответили шквальным огнем. К счастью, никто из сотрудников милиции при этом не пострадал. Когда патроны закончились, большинство бандитов прекратило сопротивление. Однако среди задержанных не оказалось главаря банды Михаила Па-

хмутова, которому удалось скрыться в лесу. Тем не менее уже в октябре 1943 г. Он также был арестован. Поскольку все бандиты активно сотрудничали со следствием и не были причастны к гибели сотрудников правоохранительных органов, то приговор Военного трибунала Уральского военного округа (27 мая 1944 г.) оказался достаточно мягким: все члены банды получили длительные сроки лишения свободы, но никто из них не был расстрелян.

Большую помощь в борьбе с дезертирами милиции оказывало местное население. Так, на лагерь банды М. Пахмутова милицию вывели лесники Зайцев и Примечев, которые первыми обнаружили схроны бандитов в лесу. Были случаи, когда крестьяне самостоятельно задерживали дезертиров, а потом сдавали их милиции. К примеру, в ночь на 29 июня 1944 г. В дер. Блиновке Чернушинского сельского совета Арбажского района у местной жительницы А. Р. Блиновой неизвестными было похищено 40 кг муки. Участкового уполномоченного в деревне не было, поэтому потерпевшая сообщила о краже руководителю группы охраны общественного порядка П. Н. Блинову. Тот сразу же пошел по следу преступников и на опушке леса увидел костер, вокруг которого сидели трое неизвестных мужчин. Понимая неравенство сил, Блинов вернулся в деревню и собрал небольшой отряд местных крестьянок (15 чел.), вооружив их вилами. Отважные женщины во главе с умелым команди-

ром незаметно подкрались к незнакомцам и окружили их. К счастью для крестьянок у неизвестных не было никакого оружия, да и решительностью они, видимо, не обладали. Задержанных связали и сдали в милицию. Украденная мука была возвращена А. Р. Блиновой. Преступниками оказались дезертиры А. С. Стадорубцев, П. В. Макин и М. П. Поркин, длительное время скрывавшиеся в лесах [АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 12. Л. 172].

После начала коренного перелома в Великой Отечественной войне количество дезертиrov в крае стало постепенно сокращаться. Всего на территории Кировской области в январе–феврале 1943 г. Было задержано 303 дезертира из Красной Армии и 233 уклониста [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об]. У них изъяли ручной пулемет, 2 винтовки, 22 пистолета, 11 охотничьих ружей и свыше 70 единиц холодного оружия.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны сохранялась положительная динамика по сокращению масштабов дезертирства. На 1 апреля 1944 г. В Кировской области в розыске числилось 523 дезертира и 23 уклоняющихся от военной службы [АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 11]. К лету 1945 г. Ситуация еще немного улучшилась: на 1 июля 1945 г. В розыске находились 444 дезертира и 3 уклониста [АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 77 об]. Напомню, что летом 1942 г. Общее количество

дезертиров и уклонистов в области составляло 1 978 чел.

Резко сократилось количество банд дезертиров. Если в первом квартале 1944 г. в Кировской области было выявлено и разгромлено 5 бандитских групп дезертиров численностью 23 чел., то за два квартала 1945 г. Всего одна банда дезертиров [АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 77 об].

Заключение

Таким образом, даже в самые тяжелые для страны месяцы войны общее количество дезертиров и уклонистов в Кировской области не превышало 2 тыс. чел., что составляло ничтожный процент от общего числа кировчан, ушедших на фронт

(585 тыс. чел.). Правоохранительные органы Кировской области прекрасно понимали опасность дезертирства и уделяли борьбе с этим негативным явлением значительную часть своего времени. В результате с начала 1943 г. Число дезертиров и уклонистов в области стало неуклонно снижаться, также как и количество организованных преступных групп, созданных дезертирами и уклонистами. Большую помочь милиции в борьбе с дезертирами оказывало местное население, хотя находились и те (главным образом, родственники и друзья дезертиров), кто укрывал и кормил людей, нарушивших свой воинский долг и не пожелавших встать на защиту Родины.

Библиографический список

1. Архив УМВД по Кировской области (далее – АУМВД КО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
2. АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 – 12.
3. АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 77 об.
4. АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 – 4 об., 7, 29.
5. АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об., 11.
6. АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 20. Л. 110.
7. АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 12. Л. 172.
8. АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 13. Л. 26, 36.
9. Блинова В. В. На страже закона: южноуральская милиция в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России: материалы Международной научно-практической конференции. Оренбург : Изд-во Оренбургского государственного педагогического университета, 2020. С. 35–39.
10. Вольхин А. И. Роль органов НКВД – НКГБ СССР в укреплении внутриполитической безопасности глубокого советского тыла в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала и Сибири) // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского государственного университета, 2014. С. 105–111.
11. Гусак В. А. Дезертирство из Красной Армии как социальная основа преступности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 8 (108). С. 9–16.

12. Защищая Отечество. Милиция Кировской области в Великой Отечественной войне, 1941–1945 / отв. Ред. В. Т. Юнгблуд. Киров : О-Краткое, 2020. 360 с.
13. Порфириев Ю. Б. Борьба милиции, военных трибуналов и судов с лицами, уклонявшимися от военной службы, с дезертирством и бандитизмом // Великая Победа и Вятский край. 1941-1945 гг. Киров : Экспресс, 2005. С. 135.
14. Порфириев Ю. Б. Органы внутренних дел в годы войны // Город, ковавший победу: Киров в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Киров : Дом печати – ВЯТКА, 2012. Кн. 1. С. 142–188.
15. Рябченко А. Г. Роль органов и войск НКВД в борьбе с бандитизмом на территории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99). С. 133–134.
16. Семено А. В. Бандитизм в Кировской области в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой анализ // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 3 (27). С. 21–24.
17. Тумаков Д. В. Правонарушения среди военнослужащих тыловых частей Красной армии в период 1941–1945 гг. (на материале Ярославской области) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 4 (14). С. 28–30.
18. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. П-1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 62 об., 182.
19. Шатилов С. П. Роль прокуратуры в борьбе с трудовым дезертирством в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края) / С. П. Шатилов, О. А. Шатилова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3(89). С. 118–123.
20. 300 лет на страже правопорядка. Т. 1: 1718-1945 гг. Киров: Кировская областная типография, 2018. 238 с.

Reference list

1. Arhiv UMVD po Kirovskoj oblasti = Archive of the Ministry of Internal Affairs for the Kirov region (uss – AUMVD KO). F. 1. Op. 1. D. 1. L. 5.
2. AUMVD KO. F. 1. Op. 1. D. 2. L. 11 – 12.
3. AUMVD KO. F. 1. Op. 1. D. 3. L. 77 об.
4. AUMVD KO. F. 22. Op. 1. D. 1. L. 4 – 4 об., 7, 29.
5. AUMVD KO. F. 22. Op. 1. D. 2. L. 10 об., 11.
6. AUMVD KO. F. 32. Op. 1. D. 20. L. 110.
7. AUMVD KO. F. 32. Op. 2. D. 12. L. 172.
8. AUMVD KO. F. 32. Op. 2. D. 13. L. 26, 36.
9. Blinova V. V. Na strazhe zakona: juzhnouralskaja milicija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = On guard of the law: South Ural police during the Great Patriotic War // Velikaja Otechestvennaja vojna I russian nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Orenburg : Izd-vo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2020. S. 35–39.
10. Vol'hin A. I. Rol' organov NKVD – NKGB SSSR v ukreplenii vnutripoliticheskoy bezopasnosti glubokogo sovetskogo tyla v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Urala I Sibiri) = The role of the NKVD – NKGB of the USSR in strengthening the internal political security of the deep Soviet rear during the Great Patriotic War

(based on materials from the Urals and Siberia) // Istoricheskie chteniya na ul. An-dropova, 5. Istorija organov bezopasnosti. Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. S. 105–111.

11. Gusak V. A. Dezertirstvo iz Krasnoj Armii kak social'naja osnova prestupnosti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) = Desertion from the Red Army as the social basis of crime during the Great Patriotic War (1941–1945) // Vestnik Ju-zhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. 2008. № 8 (108). S. 9–16.

12. Zashhishhaja Otechestvo. Milicija Kirovskoj oblasti v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945 = Defending the Motherland. Police of the Kirov region in the Great Patriotic War, 1941–1945/ otv. Red. V. T. Jungbljud. Kirov : O-Kratkoe, 2020. 360 s.

13. Porfir'ev Ju. B. Bor'ba milicij, voennyh tribunalov I sudov s licami, uklonjavshimijsja ot voennoj sluzhby, s dezertirstvom I banditizmom = Fighting defections and banditry by police, military tribunals and courts // Velikaja Pobeda I Vjatskij kraj. 1941–1945 gg. Kirov : Jekspress, 2005. S. 135.

14. Porfir'ev Ju. B. Organy vnutrennih del v gody vojny = Internal affairs bodies during the war // Gorod, kovavshij pobedu: Kirov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Kirov : Dom pechati – VJaTKA, 2012. Kn. 1. S. 142–188.

15. Rjabchenko A. G. Rol' organov I vojsk NKVD v bor'be s banditizmom na terri- torii Severnogo Kavkaza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = The role of the NKVD bodies and troops in the fight against banditry in the North Caucasus during the Great Patriotic War // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2016. № 8 (99). S. 133–134.

16. Semeno A. V. Banditizm v Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriko-pravovoj analiz = Banditry in the Kirov region during the Great Patriotic War: historical and legal analysis // Vestnik gumanitarnogo obrazovanija. 2022. № 3 (27). S. 21–24.

17. Tumakov D. V. Pravonarushenija sredi voennosluzhashhih tylovyh chastej Krasnoj armii v period 1941–1945 gg. (na ussian Jaroslavskoj oblasti) = Offenses among servicemen of the rear units of the Red Army in the period 1941–1945. (based on the material of the Yaroslavl region) // Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki. 2010. № 4 (14). S. 28–30.

18. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti (uss – CGAKO). F. P-1290. Op. 7. D. 44. L. 62 ob., 182 = Central State Archive of the Kirov Region (hereinafter – TsGAKO). F. P-1290. List. 7. D. 44. L. 62 vol., 182.

19. Shatilov S. P. Rol' prokuratury v bor'be s trudovym dezertirstvom v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Altajskogo kraja) = The role of the prosecutor's office in the fight against labor desertion during the Great Patriotic War (based on materials from the Altai Territory) / S. P. Shatilov, O. A. Shatilova // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2022. № 3(89). S. 118–123.

20. 300 let na strazhe pravoporjadka. T. 1: 1718–1945 gg. = 300 years on guard of law and order. T. 1: 1718–1945. Kirov : Kirovskaja oblastnaja tipografija, 2018. 238 s.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 19.10.2025; принятa к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 19.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Научная статья

УДК 37.013 + 17.02

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-108

EDN: NELGSA

Формирование профессиональной идентичности будущих педагогов в контексте российских традиционных духовно-нравственных ценностей

Исмаил Баутдинович Байханов

Доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент, ректор,

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный

rector@chspu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9824-1889>

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблематике формирования профессиональной идентичности студентов педагогического вуза, которая в данном исследовании рассматривается через призму сближения личностной и профессиональной значимости для будущего учителя российских традиционных духовно-нравственных ценностей. Целью исследования – определить влияние данных ценностей на процесс профессионального становления будущих педагогов. Исследовательская методология базировалась на аксиологическом подходе, который рассматривает ценности как интегративный фактор профессиональной идентичности. Использовались теоретический анализ и эмпирическое изучение путем анкетирования студентов педагогического вуза. Эмпирическое исследование включало опрос студентов педагогических направлений подготовки. Всего было опрошено 544 человека. Данные собирались методом самооценки значимости российских традиционных духовно-нравственных ценностей в личном и профессиональном аспектах. Исследование показало, что российские традиционные духовно-нравственные ценности играют важную роль в формировании профессиональной идентичности педагогов. Установлены различия в значимости ценностей в зависимости от этапа обучения: наибольшее различие наблюдалось на начальных этапах (2–3 курсы), тогда как на старших курсах (4–5 курсы) произошло значительное сближение личной и профессиональной значимости ценностей. Определено, что педагогическое образование должно включать целенаправленную работу по интеграции традиционных ценностей в профессиональное воспитание студентов. Исследованные закономерности помогают создать условия для эффективного формирования профессиональной идентичности будущих педагогов, способствуют повышению качества подготовки учительских кадров. Установлено, что

© Байханов И. Б., 2025

профессиональная идентичность будущих педагогов формируется через взаимодействие личных и профессиональных ценностей, основанных на традициях российского общества. Выявленная динамика изменений значимости ценностей на разных этапах обучения помогает оптимизировать образовательный процесс и подготовить квалифицированных педагогов, готовых к выполнению социальных функций в быстро меняющемся мире.

Ключевые слова: педагогическое образование; будущий учитель; профессиональная идентичность; аксиология; традиционные духовно-нравственных ценностей; профессиональные педагогические ценности

Для цитирования: Байханов И. Б. Формирование профессиональной идентичности будущих педагогов в контексте российских традиционных духовно-нравственных ценностей // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 108–127. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-108>. <https://elibrary.ru/NELGSA>.

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Original article

Formation of future teachers' professional identity in the context of russian traditional spiritual and moral values

Ismail B. Baykhanov

Doctor of pedagogical sciences, candidate of political sciences, associate professor, rector, Chechen state pedagogical university, Grozny
rector@chspu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9824-1889>

Abstract. The article is devoted to the topical issues on formation of the professional identity of students at a pedagogical university, which in this study is considered through the prism of convergence of personal and professional significance for the future teacher of Russian traditional spiritual and moral values. The purpose of the study was to identify the impact of these values on the process of professional development of future teachers. The research methodology was based on an axiological approach that treats values as an integrative factor of professional identity. Theoretical analysis and empirical study were used by questioning students at a pedagogical university. The empirical study included a survey of students in pedagogical areas of training. Totally 544 people were interviewed. The data were collected by the method for self-assessing the significance of Russian traditional spiritual and moral values in personal and professional aspects. The study showed that Russian traditional spiritual and moral values play an important role in the formation of the teachers' professional identity. Differences in the significance of values depending on the stage of training were defined: the greatest difference was observed at the initial stages (2–3 courses), while at the senior courses (4–5 courses) there was a significant convergence of personal and professional significance of values. It is determined that pedagogical education should include targeted work to integrate traditional values into the professional education of students.

The studied patterns help create conditions for the effective formation of the professional identity of future teachers, contribute to improving the quality of teacher training. It has been established that the professional identity of future teachers is formed through the interaction of personal and professional values based on the traditions of Russian society. The identified dynamics of changes in the significance of values at different stages of training helps to optimize the educational process and prepare qualified teachers who are ready to perform social functions in a rapidly changing world.

Key words: teacher education; future teacher; professional identity; axiology; traditional spiritual and moral values; professional pedagogical values

For citation: Baykhanov I. B. Formation of future teachers' professional identity in the context of Russian traditional spiritual and moral values. *Social and political researches*. 2025;4(29): 108–127. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-108>. <https://elibrary.ru/NELGSA>.

Введение

Современный мир привнес значительные изменения в представления о процессе обучения и месте учителя в нем. Учитель был и остается гарантом сохранения российских традиционных духовно-нравственных ценностей и их передачи от поколения к поколению, однако сегодня возникают новые цивилизационные вызовы: цифровизация, технологизация всех сфер жизни, внешнее идеологическое и санкционное давление. *Как в этих условиях обеспечить развитие педагога как субъекта профессионального самоопределения, осмысленно определяющего свой личный профессиональный путь?*

Обзор публикаций по схожей с выбранной нами для исследования проблематике показал многоаспектность понимания процесса формирования профессиональной идентичности педагогов, рассматриваемого сквозь призму ценностного самоопределения под влиянием индивидуального опыта и социального контекста.

Так, А. Ватерман важной составляющей в формировании идентичности считает наличие четкого самоопределения, основанного на осознанном выборе целей, ценностей и убеждений, которые влияют на действия педагогов [Waterman, 1982]. Е. П. Ермолаева выделяет тесную связь между принятием ценностей профессионального сообщества и степенью зрелости профессиональной идентичности, утверждая, что постоянное сравнение личных ценностей с общепринятыми нормами способствует профессиональному росту и адаптации [Ермолаева, 2001]. В. А. Сластенин рассматривает профессиональную идентичность как интеграционный и динамический феномен, соединяющий личностные и профессиональные характеристики, развивающиеся благодаря осознанию профессионально важных ценностей [Сластенин, 2004]. Анализ проведенный Д. В. Колесовым свидетельствует о том, что осознание и овладение профессиональными нормами ведут к формированию

целостного образа идеального специалиста, обеспечивающего эффективное выполнение должностных обязанностей и решение возникающих проблем [Колесов, 2004]. Е. Г. Белякова подчеркивает, что профессиональный рост предполагает постоянное самоанализирование и понимание соответствия личным профессиональным стандартам, что существенно влияет на дальнейшую карьеру [Белякова, 2018]. М. И. Разживина и Н. В. Яковлева рассматривают профессиональную идентичность как продукт сложного взаимодействия внутренних ценностных ресурсов личности и внешней среды [Разживина, 2022]. Н. В. Чекалева и Т. Ю. Алексеева, изучая роль эмоций и переживаний в формировании профессиональной идентичности, подчеркивают необходимость учета эмоциональных реакций и внутреннего переживания ситуации при оценке уровня сформированной идентичности [Чекалева, 2021].

Таким образом, при наличии целого ряда исследований аффективного компонента профессиональной идентичности современного российского учителя отсутствует целостное понимание динамики личных и профессиональных ценностей в ходе его профессионального становления.

Таким образом, целью настоящего исследования является определение ценностных оснований формирования профессиональной идентичности современного российского учителя. В качестве гипо-

тезы исследования выступило предположение о том, что одним из факторов самоидентификации может быть сближение значимости российских традиционных духовно-нравственных ценностей в личностном и профессиональном плане.

Методология и методы исследования

Методологической основой исследования является аксиологический подход по отношений к ценностному компоненту профессиональной идентичности педагога обоснованный в трудах О. В. Гукаленко [Гукаленко, 2021], Л. Н. Коковиной [Коковина, 2025], В. В. Николиной [Николина, 2020], А. А. Петренко [Петренко, 2021], М. И. Рожкова и Л. В. Байбороевой [Байбороева, 2024], А. М. Ходырева [Ходырев, 2025] и др. Взгляд на формирование профессиональной идентичности сквозь призму ценностей позволяет глубже понять ценности и смыслы, побуждающие российских учителей сохранять верность своей профессии в сложных условиях новых цивилизационных вызовов.

Педагогические ценности рассматриваются в науках об образовании как некие нормы, регламентирующие педагогическую деятельность и выступающие в качестве познавательно-действующей системы, которая служит опоройющим и связующим звеном между сложившимся общественным мировоззрением в области образования и деятельности педагога.

Ценности педагогического образования – это «характеристики взаимодействия субъектов педагогического образования, имеющие положительную значимость на уровне государства, общества и образовательного процесса, определяющие взаимоотношения участников педагогического процесса, его цели и результаты в соответствии с индивидуальными представлениями педагогов о процессе воспитания в широком понимании» [Данилова, 2019, с. 12].

Ценности педагогического образования с позиции аксиологического подхода рассматриваются как исторически сложившиеся значимые полезные характеристики образования, идеи и явления в системе, направленные на совершенствование подготовки педагогов. Они являются составляющей образовательных ценностей в целом, но отражают именно важнейшие, социально значимые способности педагогов.

Исследование проводилось посредством комплексного изучения процесса формирования профессиональной идентичности будущих учителей. С помощью теоретического анализа были содержательно уточнены основные научные темы. В ходе эмпирического анализа получены данные об особенностях ценностного самоопределения студентов педагогического вуза в процессе формирования их профессиональной идентичности.

Результаты исследования

Президент Российской Академии образования О. Ю. Васильева с соавторами утверждает, что «традиционные ценности российского педагогического образования – это ценности, опирающиеся на глубокие нравственные убеждения и принципы российского народа, укрепленные в менталитете и способах жизнедеятельности, выросшие из психологии российского человека, его этнического самосознания» [Васильева, 2022, с. 14]. Указанная позиция прочно отражена в системе профессионального воспитания будущего учителя, в котором центром всех традиционных ценностей российского педагогического образования от К. Д. Ушинского и до наших дней остаются приоритеты духовно-нравственного развития педагога, становления его моральных принципов и гражданских убеждений.

М. В. Захарченко утверждает, что педагогическое сообщество исповедует традиционные ценности культуры – труд, честность, взаимопомощь, образованность, интеллигентность, отмечая при этом, что гуманитарные тенденции в педагогике последних двух десятилетий выдвинули на первый план проблематику самоценности личности как основы всех образовательных стратегий. По мнению автора, ценности современного уительства, как и ценности классической педагогической традиции сконцентрированы на проблематике общего образования, воспитания «челове-

ческого в человеке» [Захарченко, 2006, с. 34].

Для определения аксиологического наполнения педагогической картины мира учителей будущих поколений россиян Т. К. Сагитдиновой был проведен опрос студентов, включавший ряд вопросов, позволивших идентифицировать ценности-смыслы, ценности-цели и ценности-средства у молодых и будущих педагогов. Результаты выявили *три основных типа педагогов*:

- гуманистический – стремятся к свободе, справедливости и доверию;
- этический – придерживаются принципов нравственности и уважения прав учащихся;
- смыслотворческий – ценят творчество и вдохновение в педагогическом процессе [Сагитдинова, 2023].

В исследовании Л. Н. Даниловой с соавторами, утверждается, что в цифровом пространстве на первое место выходит ценность доверия, продуцируемая множеством и бесконтрольностью манипуляций в информационной среде. Отличительной особенностью ценностей у представителей цифрового поколения авторы также называют особое отношение к информации, чтению и знанию: «современная молодежь предпочитает не обладать и знать/иметь информацию, а искать и получать ее в сети. Отмечается и приоритет ценностей индивидуализма в сознании современного поколения: молодежь отличает праг-

матичное стремление к комфортной жизни на любой территории, безотносительно понятия «Родина»» [Данилова, 2020, с. 10]. В исследовании С. А. Коршуновой выделено, что терминальными ценностями (ценностями-целями), которые важны сами по себе, для современной молодежи являются: семья, здоровье, друзья и свобода, тогда как в качестве инструментальных ценностей (средств) выступают: карьера, деньги и образование [Коршунова, 2023]. Особенностями ценностно-смысловой сферы у представителей цифрового поколения Л. Р. Яруллина называет:

- индивидуально-прагматические убеждения при взаимодействии с социумом;
- эгоизм и несепарированность;
- довольство собой при низком уровне требований к себе, индивидуалистичность, отстаивание личных интересов [Яруллина, 2022].

Накладываются ли эти аксиологические сдвиги на современных будущих учителей?

По результатам исследования Н. С. Бастраковой и О. В. Мухлиной, проведенного в 2019 году Российского государственно профессионально педагогического университета (респонденты – студенты), традиционные педагогические ценности остаются приоритетными для будущих учителей. Авторами выявлены взаимосвязи между сферой профессиональной жизни с личностными ориентациями и жизненными ценностями студентов как на уровне нормативных

идеалов, так и на уровне индивидуальные приоритеты: доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, достижение и безопасность выражены у студентов – будущих педагогов как ценности личности на уровне убеждений (нормативные идеалы) и как ценности на уровне поведения, то есть индивидуальные приоритеты [Бастракова, 2019]. В исследовании В. О. Богдановой, также проведенном в педагогическом вуз (респонденты – студенты), отмечено, что студенты видят смысл жизни в получении удовольствий, в достижении личного счастья, в свободе и сохранении индивидуальности и творческой самореализации, а самыми важными ценностями для студентов являются здоровье, любовь, творчество, общественное признание, материальное благополучие, удовольствия [Богданова, 2023].

Таким образом, в исследованиях отмечается неопределенность аксиосферы современной молодежи, и мы считаем, что педагогическое образование должно стать пространством для ценностной идентификации будущего учителя.

Для анализа динамики ценностной самоидентификации будущих учителей была проведена сравнительная самооценка студентами значимости российских традиционных духовно-нравственных ценностей в личном и профессиональном плане. Выборку исследования составили студенты 2–5 курсов Чеченского государственного педаго-

гического университета. Все респонденты представляли педагогическое направление 44.03.05 «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки» – это пятилетний бакалавриат, предоставляющий образование по двум смежным учительским профилям. Основанием для включения в выборку исследования студентов начиная со 2 курса стало то, что на данные, полученные на выборке первокурсников, с большой вероятностью могли повлиять проблемы их адаптации к обучению в университете. Также в учебных планах 1 курса не предусмотрена активная педагогическая практика в школе, а значит, она не включены в процессы квазипрофессиональной деятельности, что также затрудняет самооценку собственной профессиональной идентичности.

Всего было опрошено 544 человека. Все респонденты добровольно приняли решение об участии в исследовании, меры административного принуждения не использовались. Опрос проводился анонимно, респондентам было сообщено о том, что все предоставленные ими данные будут использованы исключительно в обобщенном виде, обеспечивая полную конфиденциальность участия, а результаты исследования помогут усовершенствовать образовательные программы и сделать подготовку педагогов более эффективной.

Анализ данных по всей выборке (табл. 1, 2) показал отсутствие ценностей с низким средним баллом

(ниже 4,5), что свидетельствует об высокой оценке студентами значимости всех представленных ценностей. Представленная информация указывает на высокий уровень

осознанности и зрелости в отношении ценностей, а также о понимании их важности для общества и профессии.

Таблица 1.
Российские традиционные духовно-нравственные ценности: личный рейтинг

Ценность	Среднее значение в целом по выборке	Рейтинг
права и свободы человека	4,81	1.
крепкая семья	4,81	2.
достоинство	4,79	3.
справедливость	4,79	4.
взаимопомощь и взаимоуважение	4,79	5.
жизнь	4,77	6.
милосердие	4,76	7.
высокие нравственные идеалы	4,71	8.
единство народов России	4,68	9.
гуманизм	4,67	10.
патриотизм	4,66	11.
гражданственность	4,66	12.
созидательный труд	4,66	13.
служение Отечеству и ответственность за его судьбу	4,65	14.
приоритет духовного над материальным	4,65	15.
историческая память и преемственность поколений	4,64	16.
коллективизм	4,60	17.

Таблица 2.
Российские традиционные духовно-нравственные ценности: профессиональный рейтинг

Ценность	Среднее значение в целом по выборке	Рейтинг
достоинство	4,86	1.
справедливость	4,86	2.
жизнь	4,85	3.
милосердие	4,83	4.
взаимопомощь и взаимоуважение	4,83	5.
права и свободы человека	4,82	6.
крепкая семья	4,77	7.
гуманизм	4,77	8.

Ценность	Среднее значение в целом по выборке	Рейтинг
историческая память и преемственность поколений	4,75	9.
единство народов России	4,75	10.
патриотизм	4,74	11.
высокие нравственные идеалы	4,73	12.
созидательный труд	4,73	13.
коллективизм	4,72	14.
гражданственность	4,70	15.
приоритет духовного над материальным	4,70	16.
служение Отечеству и ответственность за его судьбу	4,69	17.

В личном рейтинге студентов педагогического вуза (ценность лично для меня) лидируют 2 ценности: «права и свободы человека» и «крепкая семья», в то время как в профессиональном рейтинге (ценность для профессионального учителя) они находятся только в середине (6 и 7 место). Такие различия можно объяснить тем, что данные ценности связаны с фундаментальными человеческими потребностями и жизненным укладом молодежи. В то время как в профессиональном контексте эти ценности не всегда напрямую объединены с повседневными обязанностями учителя. В отличие от личных предпочтений профессиональная деятельность фокусируется на конкретных задачах и целях таких, как обучение, воспитание, развитие учеников, что может смещать акценты в сторону других ценностей.

Выявлено, что ряд ценностей имеют высокую значимость как в личном, так и в профессиональном плане. Такие ценности, как досто-

инство, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, жизнь и милосердие, получили высокие рейтинги как в личном, так и в профессиональном плане. Это свидетельствует о том, что эти ценности воспринимаются студентами как основополагающие и универсальные, важные как для личного благополучия, так и для успешной профессиональной деятельности. То, что ряд ценностей высоко оценивается и в личном, и в профессиональном контексте указывает на стремление будущих учителей к гармонии между этими сферами. Они стремятся строить свою карьеру на принципах, которые соответствуют их личным убеждениям и жизненным целям.

При общих высоких средних оценках на последних позициях как личного, так и профессионального рейтинга оказались: патриотизм, гражданственность, созидательный труд, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, приоритет духовного над материальным,

коллективизм. Это может указывать на то, что современные студенты придают меньшую значимость традиционным государственным и социальным ценностям, предпочитая более личностные и межличностные аспекты. Возможно, это связано с изменениями в общественных настроениях и ценностях, а также с акцентом на индивидуализм и личную самореализацию. Интересно, что такая ценность как «историче-

ская память и преемственность поколений» в личном рейтинге оказалась на предпоследнем месте, а в профессиональном – в середине списка. Безусловно, такая ситуация является основанием для принятия вузом управленческих решений в планировании работ по профессиональному воспитанию будущего учителя.

Результаты сравнения по курсам представлены на рисунках 1–4.

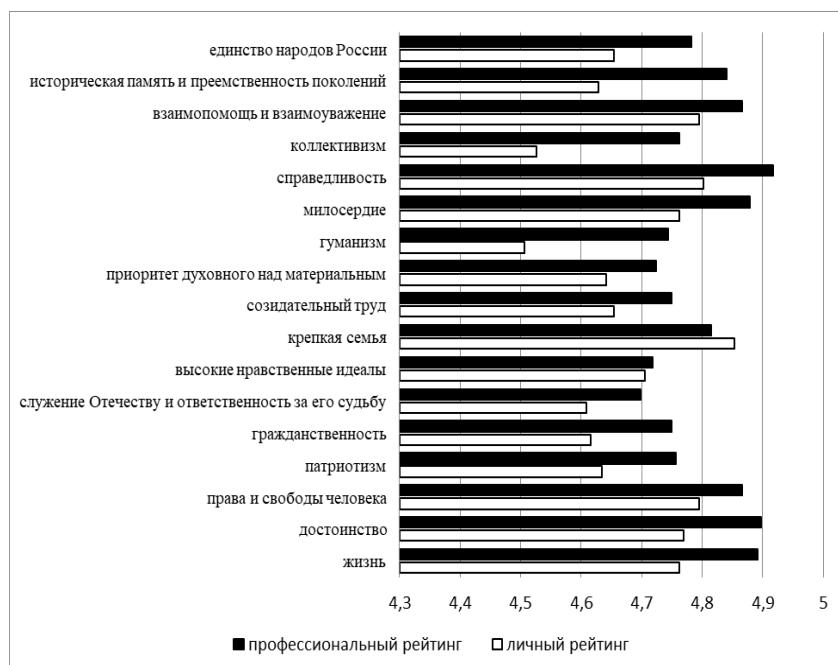

Рис. 1. Сравнение личной и профессиональной значимости традиционных российских духовно-нравственных ценностей для студентов 2 курса

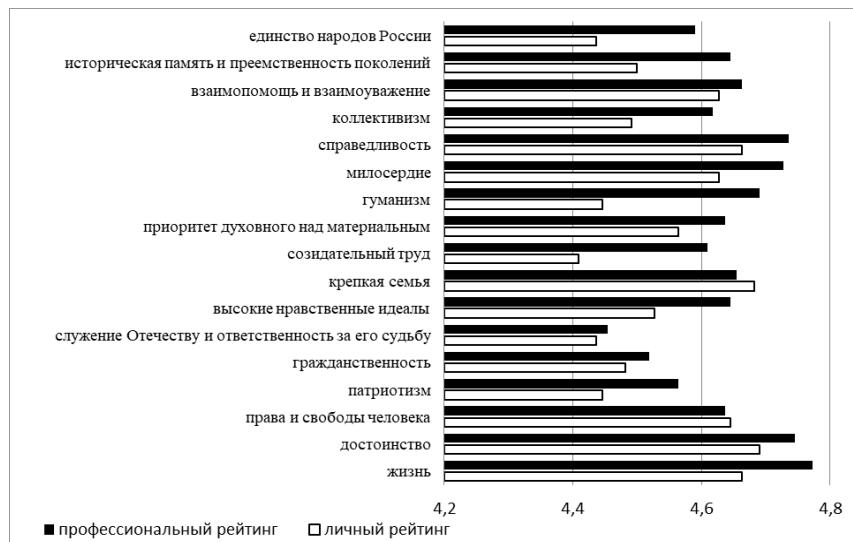

Рис. 2. Сравнение личной и профессиональной значимости традиционных российских духовно-нравственных ценностей для студентов 3 курса

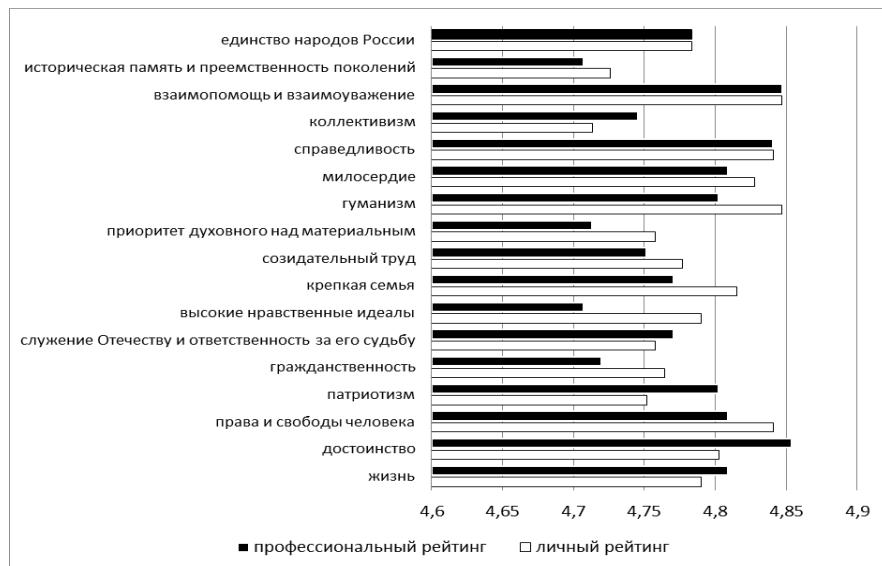

Рис. 3. Сравнение личной и профессиональной значимости традиционных российских духовно-нравственных ценностей для студентов 4 курса

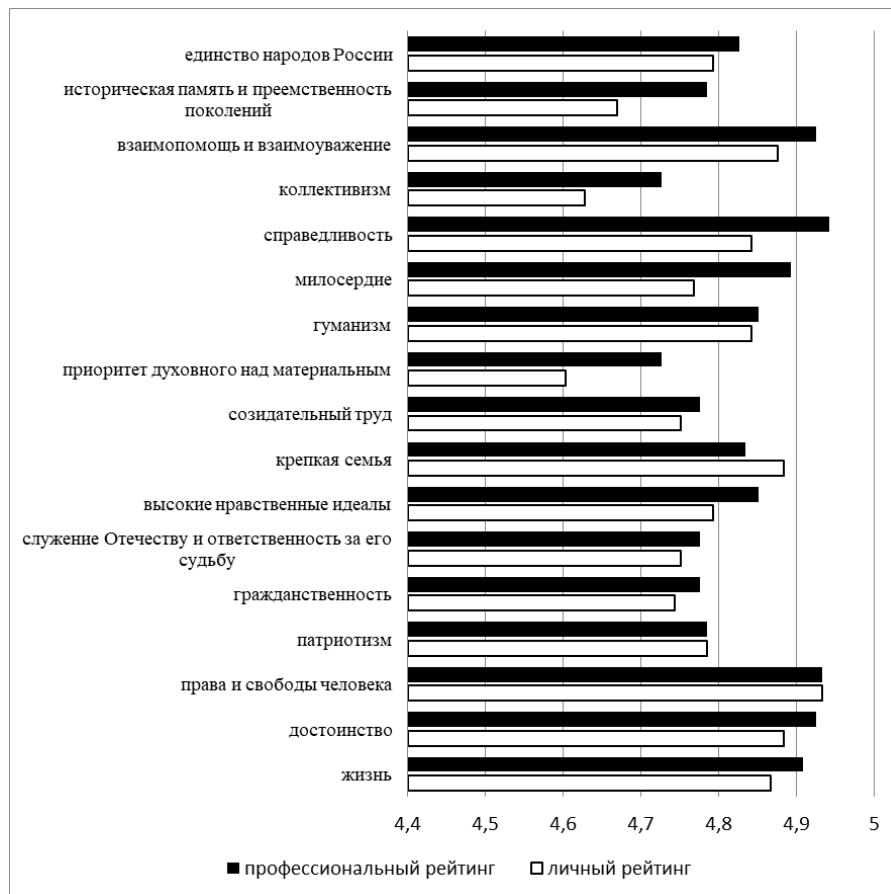

Рис. 4. Сравнение личной и профессиональной значимости традиционных российских духовно-нравственных ценностей для студентов 5 курса

Как видно из рисунков 1–4 сближение значимости традиционных российских духовно-нравственных ценностей в личном и профессиональном плане для студентов происходит к 5 курсу.

Теоретический анализ показал, что ценностная идентификация представляется нам одним из основных механизмов в формирова-

нии профессиональной идентичности будущего педагога. В связи с этим представляется важным проанализировать рассогласованность личного и профессионального рейтингов традиционных российских духовно-нравственных ценностей студентов педагогического вуза (рис. 5).

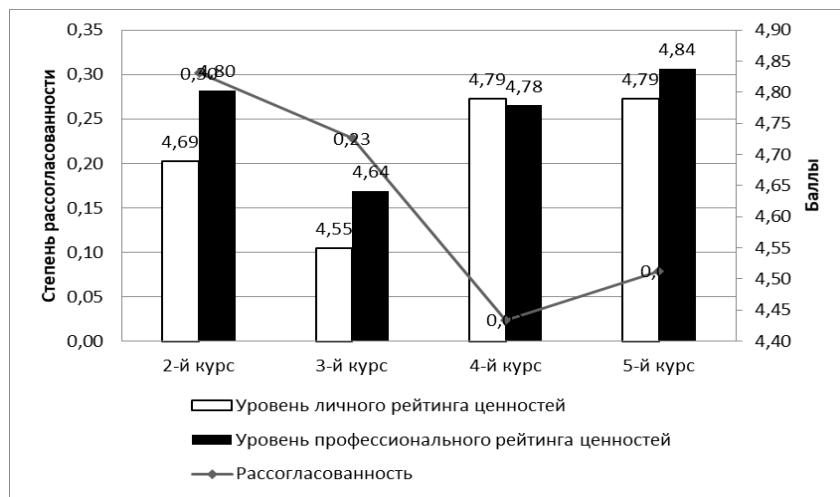

Рис. 5. Рассогласованность личного и профессионального рейтингов ценностей по курсам

Как видно из рисунка 5, наибольшая рассогласованность рейтингов ценностей имеется на 2 и 3 курсах. Причем профессиональная значимость российских традиционных духовно-нравственных ценностей в эти периоды профессионального обучения существенно выше, чем личная. В то время как к 4 курсу значимость ценностей в личном и профессиональном плане выравнивается, сохраняя невысокие значения и на 5 курсе.

В подвыборке студентов 2 курса фактически отсутствуют расхождения в личной и профессиональной оценках ценностей «крепкая семья» и «высоконравственные идеалы», а максимальное расхождение наблюдается по ценностям «гуманизм», «коллективизм», «историческая память и преемственность поколений» (все три в профессиональном плане

оцениваются выше, чем в личном). В целом оценка значимости ценностей для профессионального педагога на этом этапе обучения в вузе выше, чем для себя лично. Такая ситуация может быть связана с рядом причин. Во-первых, студенты второго курса еще находятся на ранних стадиях профессионального становления, и только начинают формировать свое профессиональное мировоззрение, в том числе в ценностной сфере, и в этот период их личный опыт и предпочтения могут отличаться от профессиональных ожиданий. Во-вторых, на втором курсе студенты могут находиться в стадии романтизации профессии, считая что определенные ценности такие, как гуманизм, коллективизм и историческая память, будут играть ключевую роль в их будущей работе, также они могут ценить определенные

профессиональные ценности выше, чем личные, поскольку эти ценности ассоциируются с успешностью в профессии. В личной жизни эти ценности могут не занимать такое важное место.

На 3 курсе средние значения оценок всех ценностей существенно ниже, чем на всех других этапах обучения. Предположения о причинах этого мы делали выше. В данной части статьи внимание сосредоточено именно на параметрах рассогласованности. Как видно из рисунка 2, на данном этапе профессионального становления у будущих учителей максимально сближена в личном и профессиональном плане оценка таких ценностей, как достоинство, права и свободы человека, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, крепкая семья, взаимопомощь и взаимоуважение. При этом две последних ценности имеют значимо более высокие оценки, чем остальные.

Полученные результаты исследования могут быть объяснены с учетом гипотезы о «кризисе 3 курса» [Бугайчук, 2019]:

1. На этом этапе обучения студенты испытывают значительные изменения в своем восприятии ценностей, что проявляется в снижении средних оценок всех ценностей по сравнению с другими курсами. Возможно увеличение трудностей в обучении вызывает стресс и сомнения третьекурсников, что отражается в снижении оценки всех ценностей.

2. Сближение оценок некоторых ценностей в личном и профессиональном плане может указывать на попытку студентов найти баланс между своими личными убеждениями и профессиональными требованиями.

3. Более высокие оценки взаимоподдержки и взаимоуважения могут быть связаны с осознанием важности сотрудничества и взаимодействия в профессиональной среде. Будущие учителя понимают, что успешная работа в школе требует умения работать в команде, поддерживать коллег и учащихся, что делает эти ценности особенно значимыми.

Максимальное сближение личной и профессиональной значимости российских традиционных духовно-нравственных ценностей отмечено у студентов 4 курса. Фактически по всем ценностям оценки их личной и профессиональной значимости максимально сближаются, по сравнению с результатами студентов других курсов. Более того, это единственная подвыборка в которой личная значимость российских традиционных духовно-нравственных ценностей выше, чем профессиональная. Исключение составляет только ценность «достоинство», оценка которой в профессиональном плане несколько выше, чем в личном. На наш взгляд, такая ситуация может быть объяснена с позиций динамики формирования профессиональной идентичности будущих педагогов –

на 4 курсе студенты уже начинают формироваться как профессионалы, осознавая свои сильные и слабые стороны, а также определяя, какие ценности наиболее важны для успешной работы в выбранной области.

К 4 курсу студенты уже имеют значительный опыт учебы и участия в практических занятиях, что позволяет будущим учителям лучше осознать связь между личными убеждениями и профессиональными обязанностями. Они начинают видеть, как личные ценности могут применяться в профессиональной деятельности, и наоборот. 4 курс – это время, когда студенты начинают готовиться к выпуску и поиску работы, что стимулирует переоценку значимости каждой ценности как в личной, так и в профессиональной сферах. Близость окончания учебы и начало самостоятельной профессиональной деятельности могут также заставить студентов задуматься о том, какие ценности действительно важны для них в долгосрочной перспективе, это может способствовать более взвешенному и осознанному отношению к выбору и оценке ценностей. Возможно, на описываемую ситуацию сближения личных и профессиональных ценностей влияет и то, что в учебном плане 4 курса много времени уделено производственной практике, это также может способствовать лучшему пониманию связи между личными и профессиональными ценностями.

На 5 курсе выявлена также достаточно высокая согласованность личного и профессионального рейтинга рассматриваемых ценностей. Среди этой части выборки фактически совпадает личная и профессиональная значимость прав и свобод человека, патриотизма, созидающего труда и гуманизма. Максимально приближены в личном и профессиональном плане значения таких ценностей, как жизнь, достоинство, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, взаимопомощь и взаимуважение, единство народов России. При этом оба рейтинга достаточно высоки: разброс средних значений происходит в интервале от 4,6 до 4,95 балла.

Такую диагностическую ситуацию можно объяснить завершающей стадией первичного становления профессиональной идентичности будущих педагогов: на протяжении обучения студенты постепенно развиваются способность интегрировать свои личные убеждения и профессиональные обязанности и к моменту выпуска они достигают наивысшего уровня согласованности между личными и профессиональными ценностями. Выпускник из университета подразумевает полное понимание и принятие своих профессиональных обязательств. Возможно, именно поэтому студенты 5 курса осознают, что гуманизм и созидательный труд составляют главную ценность педагогической деятельности. Указанный аспект

делает эти ценности значимыми как в личной, так и в профессиональной жизни.

Повышение личной и профессиональной значимости единства народов России в подвыборке выпускников педагогического вуза может быть обусловлено выбором места будущей работы. Возможно, часть выпускников планирует работать вне Республики и готовится к взаимодействию в многонациональной среде, поэтому осознание важности межкультурного диалога и уважения к многообразию культур становится частью их профессиональной идентичности. Но, возможно, такой результат связан и с результатами воспитания патриотизма и уважения к истории и культуре страны, проводимого университетом. В последние годы в педагогических вузах особое внимание уделяется вопросам социального единства и культурного разнообразия. Данная информация находит отражение в образовательных программах и влияет на формирование взглядов студентов и способствует формированию у студентов убеждения о значимости единства народов России как в личной, так и в

профессиональной жизни и осознанию своей роли в формировании гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования выявлено, что в процессе формирования профессиональной идентичности происходит сближение личных и профессиональных ценностей. При этом и общая значимость ценностей к концу обучения в педагогическом вузе увеличивается.

Проведённое исследование позволяет обогатить теоретико-методологическую базу понимания сущности и динамики профессионального становления педагогов, открывая перспективу для дальнейшего научного поиска и прикладных разработок в сфере педагогического образования. Результаты исследования позволяют подробнее разобраться в механизмах профессиональной адаптации и профессионально-личностного роста педагогических кадров, что способствует созданию научно обоснованных подходов к подготовке учителей нового поколения.

Библиографический список

1. Байборо́дова Л. В. Цели и содержание воспитания на основе традиционных российских ценностей / Л. В. Байборо́дова, М. И. Рожков // Педагогика : учебное пособие по дисциплине для образовательных организаций высшего образования. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2024. С. 76–85.
2. Бастракова Н. С. Взаимосвязь ценностей сферы профессиональной жизни с жизненными ценностями цифрового поколения / Н. С. Бастракова, О. В. Мухленина // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки : сборник научных статей / науч. ред. В. И. Спирина. Часть VI. Москва : Перо, 2019. С. 89–94.

3. Белякова Е. Г. Проблема моделирования процесса формирования профессиональной идентичности студентов – будущих педагогов с позиций ценностно-смыслового подхода // Педагогическое образование в России. 2018. №5. С. 68–73.
4. Богданова В. О. Ценностные ориентиры и жизненные смыслы представителей цифрового поколения на примере студентов педагогического вуза: социально-аксиологический аспект исследования // Социум и власть. 2023. № 1 (95). С. 39–50.
5. Бугайчук Т. В. Результаты психосемантического исследования профессиональной идентичности студентов // Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования : материалы II национальной научно-практической конференции с международным участием / под научной редакцией В. А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 73–75.
6. Васильева О. Ю. Традиционные ценности современного российского педагогического образования / О. Ю. Васильева, В. С. Басюк, Е. И. Казакова // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2022. № 4. С. 4–17.
7. Гукаленко О. В. Развитие профессиональной аксиосферы будущих педагогов в системе непрерывного профессионального образования / О. В. Гукаленко, Т. П. Ильевич, О. В. Китикарь // Ценности и смыслы. 2021. № 6(76). С. 86–97. DOI 10.24412/2071-6427-2021-6-86-97.
8. Данилова Л. Н. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей / Л. Н. Данилова, Т. В. Ледовская, Н. Э. Солынин, А. М. Ходырев // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 5–12.
9. Данилова Л. Н. Ценности педагогического образования: сущность и генезис / Л. Н. Данилова, Т. В. Ледовская, Н. Э. Солынин, А. М. Ходырев // Ценности и смыслы. 2019. № 4 (62). С. 6–22.
10. Ермолаева Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья первая) // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 4. С. 51–59.
11. Захарченко М. В. Ценности отечественной духовной традиции в воспитании. Программы элективных курсов : учеб.-метод. пособие / М. В. Захарченко, Т. А. Берсенева. Санкт-Петербург : СПБАППО, 2006. 91 с.
12. Коковина Л. Н. Реализация аксиологического подхода в профессиональном педагогическом образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-2. С. 184–187.
13. Колесов Д. В. Антиномии природы человека и психология различия (К проблеме идентификации и идентичности, идентичности и толерантности) // Мир психологии. 2004. №3. С. 9–19.
14. Коршунова С. А. Современная студенческая молодежь как носитель человеческого капитала в цифровом обществе // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2023. № 18(20). С. 32–38.
15. Николина В. В. Реализация аксиологического подхода в постдипломном профессиональном образовании педагога // Нижегородское образование. 2020. № 1. С. 11–18.

16. Петренко А. А. Проблема воспитания и развития субъектов образования на основе аксиологического подхода в исследованиях ученых отечественной педагогической культуры // Приоритеты и ценности воспитания и развития личности в современном обществе : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Рязань : Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2021. С. 112–119.
17. Разживина М. И. Профессиональная идентичность педагога. Анализ современных подходов / М. И. Разживина, Н. В. Яковлева // Прикладная юридическая психология. 2022. № 4(61). С. 131–140.
18. Сагитдинова Т. К. Ценностно-смысlovой подход к профессиональному развитию современного педагога // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 4. С. 114–121.
19. Сластенин В. А. Профессионализм учителя как явление педагогической культуры // Педагогическое образование и наука. 2004. № 5. С. 4–15.
20. Ходырев А. М. Характеристика ценностно-смысlovых оснований содержания педагогического образования у студентов педагогических и непедагогических специальностей // Педагогическое образование в России. 2025. № 2. С. 74–83.
21. Чекалева Н. В. Развитие профессиональной идентичности на основе профессионально-ценостных ориентаций будущих педагогов / Н. В. Чекалева, Т. Ю. Алексеева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (32). С. 159–162.
22. Яруллина Л. Р. Портрет цифрового поколения студентов: психологический контекст // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/41PSMN422.pdf>
23. Waterman A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Devel. Psychol. 1982. V. 18. N 3. P. 341–358.

Reference list

1. Bajborodova L. V. Celi i soderzhanie vospitanija na osnove tradicionnyh rossiskih cennostej = Goals and content of education based on traditional Russian values / L. V. Bajborodova, M. I. Rozhkov // Pedagogika : uchebnoe posobie po discipline dlja obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovanija. Kirov : Raduga-PRESS, 2024. S. 76–85.
2. Bastrakova N. S. Vzaimosvjaz' cennostej sfery professional'noj zhizni s zhiznennymi cennostjami cifrovogo pokolenija = Connecting the values of the field of professional life with the life values of the digital generation / N. S. Bastrakova, O. V. Muhlynina // Aktual'nye tendencii i innovacii v razvitiu rossijskoj nauki : Sbornik nauchnyh statej / nauch. red. V. I. Spirina. Chast' VI. Moskva : Pero, 2019. S. 89–94.
3. Beljakova E. G. Problema modelirovaniya processa formirovaniya professional'noj identichnosti studentov – budushhih pedagogov s pozicij cennostno-smyslovogo podhoda = The problem of modeling the process of forming the professional identity of students – future teachers from the standpoint of a value-based approach // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2018. №5. S. 68–73.
4. Bogdanova V. O. Cennostnye orientiry i zhiznennye smysly predstavitej cifrovogo pokolenija na primere studentov pedagogicheskogo vuza: social'no-

aksiologicheskiy aspekt issledovanija = Value guidelines and life meanings of representatives of the digital generation on the example of students at a pedagogical university: the socio-axiological aspect of the study // *Socium i vlast'*. 2023. № 1 (95). S. 39–50.

5. Bugajchuk T. V. Rezul'taty psihosemanticheskogo issledovanija professional'noj identichnosti studentov = Results of a psychosemantic study of students' professional identity // *Vzaimodejstvie akademicheskoy i praktiko-orientirovannoj psihologii v sfere obrazovanija* : materialy II nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdu-narodnym uchastiem / pod nauchnoj redakcijej V. A. Mazilova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. S. 73–75.

6. Vasil'eva O. Ju. Tradicionnye cennosti sovremennoj rossijskogo pedagogicheskogo obrazovanija = Traditional values of modern Russian pedagogical education / O. Ju. Vasil'eva, V. S. Basjuk, E. I. Kazakova // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*. 2022. № 4. S. 4–17.

7. Gukalenko O. V. Razvitiye professional'noj aksiosfery budushhih pedagogov v sisteme nepreryvnogo professional'nogo obrazovanija = Development of the professional axiosphere of future teachers in the system of continuing professional education / O. V. Gukalenko, T. P. Il'evich, O. V. Kitikar' // *Cennosti i smysly*. 2021. № 6(76). S. 86–97. DOI 10.24412/2071-6427-2021-6-86-97.

8. Danilova L. N. Osnovnye podhody k ponimaniju cifrovizacii i cifrovyyh cennostej = Basic approaches to understanding digitalization and digital values / L. N. Danilova, T. V. Ledovskaja, N.Je. Solynin, A. M. Hodyrev // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psichologija. Sociokinetika*. 2020. T. 26, № 2. S. 5–12.

9. Danilova L. N. Cennosti pedagogicheskogo obrazovanija: sushhnost' i genezis = Values of teacher education: essence and genesis / L. N. Danilova, T. V. Ledovskaja, N.Je. Solynin, A. M. Hodyrev // *Cennosti i smysly*. 2019. № 4 (62). S. 6–22.

10. Ermolaeva E. P. Professional'naja identichnost' i marginalizm: koncepcija i real'nost' (stat'ja pervaja) = Professional identity and marginalism: concept and reality (article one) // *Psichologicheskij zhurnal*. 2001. T. 22, № 4. S. 51–59.

11. Zaharchenko M. V. Cennosti otechestvennoj duhovnoj tradicii v vospitanii. Programmy jelektivnyh kursov = Values of the domestic spiritual tradition in education. Elective course programs: ucheb.-metod. posobie / M. V. Zaharchenko, T. A. Berse-neva. Sankt-Peterburg : SPbAPPO, 2006. 91 s.

12. Kokovina L. N. Realizacija aksiologicheskogo podhoda v professional'nom pedagogicheskem obrazovanii = Implementing an axiological approach in professional pedagogical education // *Problemy sovremennoj pedagogicheskogo obrazovanija*. 2025. № 86-2. S. 184–187.

13. Kolesov D. V. Antinomii prirody cheloveka i psichologija razlichija (K probleme identifikacii i identichnosti, identichnosti i tolerantnosti) = Antinomies of human nature and psychology of difference (On the problem of identification and identity, identity and tolerance) // *Mir psichologii*. 2004. №3. S. 9–19.

14. Korshunova S. A. Sovremennaja studencheskaja molodezh' kak nositel' chelovecheskogo kapitala v cifrovom obshhestve = Modern student youth as a carrier of human capital in a digital society // *Bjulleten' social'no-ekonomiceskikh i gumanitarnyh issledovanij*. 2023. № 18(20). S. 32–38.

15. Nikolina V. V. Realizacija aksiologicheskogo podhoda v postdiplomnom professional'nom obrazovanii pedagoga = Implementation of axiological approach in teacher's postgraduate professional education // Nizhegorodskoe obrazovanie. 2020. № 1. S. 11–18.
16. Petrenko A. A. Problema vospitanija i razvitiija sub#ektov obrazovaniija na osnovе aksiologicheskogo podhoda v issledovanijah uchenyh otechestvennoj pedagogicheskoy kul'tury = The problem of education and development of educational subjects based on an axiological approach in scientists' research on Russian pedagogical culture // Priority i cennosti vospitanija i razvitiija lichnosti v sovremenном obshhestve : Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rjazan' : Rjazanskij gosudarstvennyj universitet imeni S. A. Esenina, 2021. S. 112–119.
17. Razzhivina M. I. Professional'naja identichnost' pedagoga. Analiz sovremennoj podhodov = Professional identity of the teacher. Analysis of modern approaches / M. I. Razzhivina, N. V. Jakovleva // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2022. № 4(61). S. 131–140.
18. Sagitdinova T. K. Cennostno-smyslovoj podhod k professional'nomu razvitiyu sovremennoj pedagoga = Value-semantic approach to professional development of a modern teacher // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija. 2023. T. 29, № 4. S. 114–121.
19. Slastenin V. A. Professionalizm uchitelja kak javlenie pedagogicheskoy kul'tury = Teacher professionalism as a phenomenon of pedagogical culture // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2004. № 5. S. 4–15.
20. Hodyrev A. M. Harakteristika cennostno-smyslovyh osnovanij soderzhanija pedagogicheskogo obrazovaniija u studentov pedagogicheskikh i nepedagogicheskikh spesial'nostej = Characterization of the value-semantic foundations of the content of pedagogical education among students at pedagogical and non-pedagogical specialties // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2025. № 2. S. 74–83.
21. Chekaleva N. V. Razvitie professional'noj identichnosti na osnovе professional'no-cennostnyh orientacij budushhih pedagogov = Development of professional identity based on professional value orientations of future teachers / N. V. Chekaleva, T. Ju. Alekseeva // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. 2021. № 3 (32). S. 159–162.
22. Jarullina L. R. Portret cifrovogo pokolenija studentov: psihologicheskij kontekst = Portrait of digital generation students: psychological context // Mir nauki. Pedagogika i psihologija. 2022. T. 10. № 4. URL: <https://mirnauki.com/PDF/41PSMN422.pdf>.
23. Waterman, A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Devel. Psychol. 1982.V. 18. N 3.R. 341-358.

Статья поступила в редакцию 28.09.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 28.09.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-128

EDN: OIFFNE

Коммуникативный фактор развития субъектности

Татьяна Григорьевна Доссэ

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
tdosse@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7295-0695>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению влияния процесса общения индивида на становление личности и развитие его субъектности. Автор подчеркивает, что эффективность общения во многом зависит от уровня коммуникативности данного индивида, от его умения успешно взаимодействовать с другими. Именно коммуникативная компетентность способствует достижению целей общения, важных для всех участников взаимодействия, поэтому данная компетентность является социально-психологической и представляется необходимым компонентом интегративной характеристики субъектности личности. В статье осмысливаются две основные концепции понимания сущности субъектности и ее характеристики как качества личности, проявляющегося в активности, ответственности и осознанности. Автор обращает внимание на то, что особенно этот аспект необходимо учитывать на всех уровнях образования и воспитания, начиная с дошкольного, так как именно воспитатели, педагоги, психологи и другие специалисты, работающие с детьми и молодежью, обеспечивают процессы адаптации, социализации, индивидуализации и субъектизации личности. Необходимо понимать, что, формируя коммуникативную эрудицию личности, у нее растет уровень самоуважения, самодостаточности и самосознания, превращая подрастающего человека в полноправный субъект со сформированной гражданской позицией на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Государственная задача воспитания молодых активных граждан России может быть решена при условии повышения эффективности подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов, работающих с молодежью и создания условий для реального вовлечения подрастающего поколения в решение общественно-значимых задач.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; процесс общения; коммуникативность личности; субъектность личности; молодое поколение; подготовка специалистов в сфере молодежной политики; формирование гражданственности; традиционные духовно-нравственные ценности; российская цивилизация

Для цитирования: Доссэ Т. Г. Коммуникативный фактор развития субъектности // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 128–139. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-128>. <https://elibrary.ru/OIFFNE>.

Original article

Communicative factor of subjectivity development

Tatyana G. Dosse

Candidate of philological sciences, associate professor, department of theory and methods of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
tdosse@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7295-0695>

Abstract. The article is devoted to consider the influence of the individual communication process on the formation of a person and the development of his subjectivity. The author emphasizes that the effectiveness of communication largely depends on the level of communication of a given individual, on his ability to successfully interact with others. It is communicative competence that contributes to achieve communication goals that are important for all participants in the interaction, therefore, this competence is socio-psychological and seems to be a necessary component of the integrative characteristic of personality subjectivity. The article comprehends two basic concepts of understanding the essence of subjectivity and its characteristics as a quality of personality, manifested in activity, responsibility and awareness. The author draws attention to the fact that especially this aspect must be taken into account at all levels of education and upbringing, starting with preschool, since it is the educators, teachers, psychologists and other specialists working with children and youth who ensure the processes of adaptation, socialization, individualization and subjectivization of the individual. It is necessary to understand that, forming a communicative erudition of a person, his level of self-respect, self-sufficiency and self-awareness is growing, turning the younger person into a full-fledged subject with a formed civic position based on traditional Russian spiritual and moral values. The state task of educating young active citizens of Russia can be solved subject to increasing the effectiveness of training, professional retraining and advanced training of specialists working with youth and creating conditions for the real involvement of the younger generation in solving socially significant problems.

Key words: communicative competence; communication process; communicative personality; personality subjectivity; the younger generation; training of specialists in the field of youth policy; formation of citizenship; traditional spiritual and moral values; Russian civilization

For citation: Dosse T. G. Communicative factor of subjectivity development. *Social and political researches*. 2025;4(29): 128–139. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-128>. <https://elibrary.ru/OIFFNE>.

Введение

Исторический опыт убеждает, что в период общественных транс-

формаций молодое поколение предстает в качестве инновационного кадрового потенциала, значи-

мость которого увеличивается во всех сферах жизни общества. Так сегодня происходит и в России: руководство страны, руководители региональных и муниципальных объединений, предприниматели, ведущие гражданские и политические силы надеются на молодежь. Не зря на всех уровнях управления инициируются образовательные проекты по подготовке кадрового резерва, целью которых становится успешная социализация нового поколения россиян с активной гражданской позицией. Воспитать истинного Гражданина, заботящегося о Благе Отечества, возможно, только формируя его личность и развивая его субъектность на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и вовлекая в конкретную политическую и социальную деятельность по обновлению России.

При этом не следует забывать, что Человек – существо общественное. Полноценное формирование отдельных психических и ценностно-нравственных процессов и свойств человека, развитие его субъектности и становление личности в целом невозможно вне общества, поскольку его деятельность всегда обогащается новыми связями и новыми отношениями. Человеку крайне важно быть компетентным в межличностной сфере, владеть умением успешно взаимодействовать с другими людьми, чтобы добиваться полезных для себя и общества результатов деятельности. Таким образом, коммуникативная компе-

тентность имеет особое значение не только для каждого из нас, но и для развития человечества в целом. Данное понятие означает *ориентацию личности в ситуации, в целях и задачах общения, в особенностях партнера и даже – в самом себе, в собственной позиции*. Следовательно, по характеру данная компетентность является не столько профессиональной (как, например, для педагога, юриста, предпринимателя и т. п.), сколько социально-психологической, а следовательно, играет значимую роль в развитии субъектности человека, особенно молодого. Современная молодежь как социальная группа, на наш взгляд, достаточно дезориентирована в выборе сегодняшних социальных ценностей. Часть этой группы, к сожалению, можно назвать «потерянным поколением», которое не сумеет в будущем позитивно влиять на последующие поколения россиян в процессе формирования их духовно-нравственной традиционной ценностной системы, патриотизма и общественной активности. Очевидно, что понятия «самоотчуждение», «пассивность», «равнодушие», «социальная аномалия» сегодня часто становятся характерными чертами молодых людей. Множество проектов по развитию добровольческого движения (волонтерства) на всеобщее значительное повышение социально-политической активности подрастающего поколения практически не влияют [Коряковцева, 2008].

Только широкое общественно-политическое участие молодежи обеспечит дальнейшую динамику в развитии гражданского общества, правового государства и всей российской цивилизации в целом [Коряковцева, 2024]. Вот почему необходимо помочь молодому поколению обрести собственное место и определить свою субъектную роль как в жизни, так и в историческом общественно-политическом процессе. В подобной ситуации необходимо подчеркнуть важность эффективной подготовки современных специалистов в сфере молодежной политики, которые, обладая субъектностью, осознавая политическую ситуацию и проблемы подрастающего поколения, будут иметь необходимые профессиональные компетенции в работе с ним.

Результаты исследования

Субъектность в педагогике предстает интегративной характеристикой личности, а ее развитие – главным результатом личностно-ориентированного образования. Так, К. А. Абульханова, Л. Л. Баланкина, А. В. Брушлинский, В. И. Слободчиков рассматривают субъектность как закономерный итог индивидуализации обучения [Абульханова, 2007; Баланкина, 2007; Брушлинский, 1996; Слободчиков, 2000; Исаев, 2024]. В современных геополитических условиях субъектность, по нашему мнению, определяет и общественную полезность личности, и ее самодостаточность, то есть конкурентоспособ-

ность человеческого капитала, а значит, перспективы социально-экономического развития страны. Кроме того, субъектность – это умение быть самим собой и противостоять как информационной агрессии, так и потребительским вызовам.

Очевидно, что субъектность подрастающего поколения следует развивать на основе субъектно-деятельностного подхода, используя все возможные факторы, влияющие на личностное развитие: ценностно-смысловые, социокультурные (в том числе коммуникативные и речевые), психическо-органические, педагогические.

В научном психологопедагогическом сообществе в настоящее время существуют *две основные концепции понимания сущности субъектности*: как психологической проекции морально-нравственной проблематики, связанной с понятиями ответственности, нравственности, долга, отношения к миру и как деятельностной категории, характеризующей процессы субъектной активности (А. К. Осницкий, В. А. Петровский, В. И. Слободчиков) [Осницкий, 2009; Петровский, 1996; Слободчиков, 2000]. Принятыми большинством авторов общими характеристиками субъектности как качества личности являются: самопричинность, авторство субъекта в собственной активности, целостность и интегральность, что представляет собой содержательный охват всех

форм бытования субъекта в социальной реальности (внутреннего и внешнего, адаптивного и неадаптивного, временного и постоянного, сознательного и бессознательного, личного и социального, индивидуального и типичного и т. п.). Прежде всего субъектность проявляется в активности, осознанности, ответственности и, как нам кажется, в самодостаточности, которые в человеческих отношениях часто обнаруживаются в процессе общения. Ее можно назвать качеством личности, проявляющимся в соотношении активности субъекта и нравственного выбора в предлагаемой ситуации.

Коммуникативная компетентность как составляющая личности предполагает активные и осознанные действия, а значит, оказывает влияние на формирование субъектности как качества личности. Активность – это внешний способ проявления субъектности, а осознанность – внутренний. Субъект выступает в двух ипостасях, являясь первопричиной своей активности или пассивности. Во втором случае первопричиной становится его внутренние смыслы и ценности, которые формируются только в результате коммуникации личности с духовной сферой, со сферой культуры и с человеческим сообществом. *Каковы же факторы, влияющие на развитие субъектности личности?* На наш взгляд, к ним следует отнести: наличие волевых качеств, потребность в нравствен-

ном самоопределении, опыт нравственного выбора в определенных условиях, развитие коммуникативной компетентности.

В контексте педагогики компетентность в общении способствует ориентации подрастающего поколения на традиционные ценности как основу содержания образования. Данный базис помогает осмысливать свой и чужой опыт в процессе рефлексии, итогом которой становится усвоение ценностей и создание смыслов как регуляторов субъектной активности. Она является главным инструментом влияния общества (прежде всего – образовательной среды) на развитие субъектности личности. Таким образом, очевидно, что реализация личностью своей субъектности в общении во многом зависит от степени ее коммуникативной компетентности.

Коммуникативная компетентность представляется имеющимся у личности внутренним потенциалом для эффективного общения с кем-либо в определенной жизненной ситуации. Характеристика коммуникативности субъектно вариативна, но культурно и исторически обусловлена, ее содержанием является готовность и умение выстраивать успешное личностное взаимодействие. Это особенно важно для специалистов сферы молодежной политики, поскольку их задачами является: 1) формировать гражданскую позицию молодежи, 2) объединять совместные усилия

государственных и общественных институтов для развития гражданского самосознания подрастающего поколения, 3) результативно применять имеющиеся ресурсы для успешной социализации молодых граждан, в том числе и ресурсы развития коммуникативной компетентности. Данные аспекты находят подтверждение в нормативно-правовом регулировании [Стратегия государственной ... , 2018; Стратегия национальной безопасности, 2022].

В процессе обретения данной компетентности необходимо овладевать различными *видами общения*: ролевым, служебно-деловым и интимно-личностным. Разница заключается в «расстоянии» между «Я» и «ТЫ» как партнерами в общении: речь идет о доверии другому субъекту каких-то внешних сведений или сведений своего внутреннего мира, то есть о близкой или отдаленной психологической дистанции в процессе общения. Кроме того, следует помнить, что компетентность проявляется в достижении партнерами *трех уровней адекватности – коммуникативной, интерактивной, перцептивной*. Субъектность личности при этом обнаруживается целой палитрой психологических средств и способов, способствующих полному самовыражению участников общения.

Уровень коммуникативной компетентности складывается из умений прогнозировать социально-психологическое течение и резуль-

тат коммуникативной ситуации; программировать процесс общения в данной коммуникативной ситуации; управлять социально-психологическим аспектом процесса общения. Для успешной реализации указанных умений необходимо понимать коммуникативные установки партнера, которые представляют собой некую программу поведения субъекта в ходе коммуникации. Для определения уровня установки следует выявить тип темперамента, предметно-тематические интересы, оценку различных событий и предпочтительные формы общения партнера.

Согласимся с мнением ряда ученых, что структурно процесс общения состоит из 4-х компонентов, выстроенных в единую целостную систему [Мудрик, 1989; Семененко, 2017]. Содержанием *Диагностического компонента* является диагностика возможных социальных, психологических и др. противоречий в предполагаемой ситуации общения. *Программирующий компонент* содержит разработку программы поведения и текстов будущего общения, определяет дистанцию, стиль общения и позиции партнеров. Под *Организационным компонентом* подразумевается осмысление процесса стимуляции внимания и активности партнеров. *Исполнительский компонент* представляет собой собственно сам процесс общения, оценку складывающейся коммуникативной ситуации и прогноз ее развития. Очевидно, что

видно, что эффективность заключительной коммуникативно-исполнительской части общения зависит в первую очередь от коммуникативно-исполнительского мастерства участников, которое включает *два основных умения*: найти подходящую тему и цели общения коммуникативную структуру и исполнить свой коммуникативный замысел непосредственно в процессе общения.

Уровень коммуникативно-исполнительского мастерства тесно связан с навыками эмоционально-психологической саморегуляции личности, которые способствуют созданию эмоционального настроя, необходимого для ситуации взаимодействия. Успеху такой саморегуляции сопутствуют интерес к теме общения, продуманная модель коммуникативного поведения и программа будущего общения. Крайне важными для общения представляются экспрессивные и *перцептивные навыки и умения личности*: активная реакция на изменения обстановки общения и умение их оценить, умение контактировать и прогнозировать реакцию партнера, навыки самоуправления голосом, мимикой, взглядом, жестами; владение культурой речевых высказываний.

Знание норм и правил общения, владение его технологиями еще не гарантируют успеха взаимодействию партнеров, поскольку субъектность личности во многом определяется ее коммуникативным потенциалом. Коммуникативный потенциал отражает коммуникатив-

ные возможности человека, от которых зависит качество общения [Кашапов, 2006]. Данный потенциал включает не только коммуникативные свойства и способности индивида, данные от природы, но и коммуникативную компетентность, повышение которой является одним из основных факторов развития субъектности. В активности, осознанности и ответственности личности в предлагаемой ситуации общения особенно ярко проявляется субъектность как качество личности, отражающее соотношение действий субъекта (вербальных и невербальных) с его нравственным выбором [Леонтьев, 2010].

Несомненно, что коммуникативная компетентность предполагает наличие коммуникативной культуры личности, под которой обычно понимается *система определенных качеств*: потребность в общении, творческое мышление и восприятие, культура речевого действия, культура невербального общения, культура восприятия партнера, психоэмоциональная саморегуляция. *Основой формирования коммуникативной культуры служит опыт человеческого общения*: опыт восприятия искусства; социально-нормативный опыт народной культуры; знание традиционных языков и технологий общения; опыт межличностного общения. Но реальное существование различных форм общения, сочетание норм, заимствованных из разных социальных слоев и национальных культур, в наш информационный век вызывает индивидуально-

психологический конфликт между знаниевым аспектом коммуникативной компетентности личности и процессом общения в ситуации реального взаимодействия. Возникающий когнитивный диссонанс рождает психологическую нестабильность и мешает взаимопониманию партнеров. Очевидно, что специалистам сферы молодежной политики необходимо не только обладать всесторонними знаниями о подрастающем поколении, но и уметь эффективно взаимодействовать с ним, так как действующие общественно-политические институты оцениваются как механизмы реализации проектов, активизирующих молодежь и привлекающих ее к решению насущных социальных и государственных задач. К сожалению, практические результаты их деятельности в данном направлении далеки от идеала.

В деле подготовки будущих работников сферы молодежной политики следует обратить внимание на образовательную платформу педагогических вузов, которые имеют ресурсы для подготовки подобных специалистов не только в рамках педагогики и психологии, социологии и политологии, но и в области коммуникаций и риторики. Данные дисциплины способствуют формированию готовности к полноценному конструктивному взаимодействию, направленному на формирование гражданственности и воспитание подрастающего поколения на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Поэтому следует подчеркнуть, что коммуни-

кативная компетентность, навыки результативного общения особенно значимы не только для развития субъектности педагогов, политологов, юристов и т. п., но и специалистов упомянутой категории.

Заключение

Таким образом, следует вывод, что опыт общения как социален, поскольку включает общепризнанные нормы и ценности культуры, так и индивидуален, поскольку коммуникативная компетентность, коммуникативный потенциал, коммуникативная культура личности субъектны. Особенно это следует учитывать в сфере образования и воспитания. Действенный аспект этого общечеловеческого и в то же время личного опыта общения составляют процессы адаптации, социализации, индивидуализации и субъектизации личности, которые реализуются в общении и обеспечивают социальное развитие Человека и человечества в целом. Коммуникативная эрудиция придает личности определенный уровень самоуважения, самодостаточности и самосознания, превращая ее в полноправный субъект общения, а значит, способствует развитию субъектности личности.

Каковы же организационно-педагогические условия и средства, необходимые для развития субъектности личности в системе образования?

Наше осмысление проблемы позволяет предположить, что они могут быть следующими:

- личностно-деятельностный подход в образовании;

- традиционная духовно-нравственная направленность образовательной среды и образовательного процесса;
- понимание и добровольное принятие обучающимися образовательных целей и задач; стремление к их достижению;
- групповая общественно-значимая деятельность на основе субъект-субъектных отношений (например, волонтерство);
- развитие навыков самоопределения, нравственного выбора, разрешения конфликта, душевного и физического труда; повышение коммуникативной компетентности (социально-психологической и речевой);
- система делегирования субъекту от группы руководящих полномочий и ответственности (развитие навыка служения на Благо общества);
- нравственная рефлексия субъектного опыта.

Предполагаемыми критериями развития субъектности в конкретной ситуации общения являются: степень ответственности, содержание нравственного выбора целей и средств деятельности, характер самооценки своего коммуникативного опыта.

Очевидно, что создание требующейся образовательной среды и использование необходимых психолого-педагогических средств становления, формирования и развития субъектности личности обучающихся будет затруднено, если не понимать повсеместную роль

коммуникативной компетентности как влиятельного педагогического и социально-психологического фактора организации образовательного, то есть учебно-воспитательного субъектирующего пространства.

В современной достаточно сложной международной ситуации назрела необходимость критически оценить эффективность молодежной политики в каждом регионе и в стране в целом с целью развития субъектности молодых. А значит, определить степень их ответственности, гражданственности, нравственности, умения принимать решения и возможности более активной интеграции в процессы развития гражданского общества и социально-правового государства для сохранения и развития российской цивилизации и суверенитета.

Государственная задача по воспитанию молодых активных граждан России и формированию субъектности их личности может быть *успешно решена при некоторых условиях*:

- доступность и стимулирование качественного профессионального образования, то есть возрастание значимости «человеческого капитала»;
- повышение эффективности подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров (особенно – работающих с молодежью);
- создание условий для реального (а не с помощью лозунгов) вовлечения подрастающего поколе-

ния в решение общественно-значимых и государственных задач.

Очевидно, что современная ситуация требует развития субъектности личности каждого молодого российского Гражданина: социальной активности и гражданственности, чувства ответственности и долга, умения решать проблемы на основе нравственных законов и целого ряда других качеств и навыков. Коммуникативная компетентность – один из них; она способствует развитию субъектности личности в ее ценностно-смысловом аспекте: не только с позиции внешних проявлений (активность субъекта), но и внутренних (осмысление

действий, самосознание). Внешняя активность понимается как выражение внутренней нравственной позиции субъекта, а субъектный опыт определяет дальнейшее развитие субъектности, поскольку важна не столько оценка опыта (удачный – неудачный), сколько его нравственное содержание (выбор добра или зла, преодоление трудностей, взаимодействие в общении, совесть). Таким образом, очевидно, что любая коммуникативная ситуация представляет собой субъектный опыт и является значимым фактором становления и развития субъектности личности.

Библиографический список

1. Абульханова К. А. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений / К. А. Абульханова, М. И. Воловикова // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 5. С. 5–14.
2. Баланкина Л. Л. Теория коммуникации как основа педагогического взаимодействия // Философия образования. 2007. №1. С. 75–78.
3. Брушлинский А. В. Проблема субъекта в изменяющемся обществе (статья первая) // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 6. С. 30–37.
4. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
5. Духина Т. Н. Социальная адаптация и социологический дискурс // Социальные гуманитарные знания. 2005. №1. С. 297–306.
6. Исаев Е. А. Экзистенциальный взгляд на культурное самоопределение личности: опыт педагогического осмысления // Ярославский педагогический вестник. 2024. №2. С. 45–53.
7. Кашапов М. М. Психология творческого мышления профессионала: монография. Москва : ПЭР СЭ, 2006. 793 с.
8. Коряковцева О. А. Россия XXI века: традиционные ценности как фактор цивилизационного развития// Polibook. 2024. № 2. С. 151–164.
9. Коряковцева О. А. Политическая социализация молодёжи в образовательной системе России // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 4 (9). С. 64–67.
10. Леонтьев Д. А. Что даёт психологию понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология & философия науки. 2010. Т. XXV, № 3. С. 136–160.

11. Мудрик А. В. Коммуникативная культура личности. Москва : Просвещение, 1989.
12. Осницкий А. К. Развитие саморегуляции на разных этапах профессионального становления / А. К. Осницкий, Н. В. Бякова, С. В. Истомина // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 3–12.
13. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. 512 с.
14. Психология индивидуального и группового субъекта / под. ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. Москва : ПЕР СЭ, 2002. 368 с.
15. Семененко И. С. Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание (отв. ред. И. С. Семененко). Москва : Весь мир, 2017. С. 354–358.
16. Слободчиков В. И. Основные ступени развития субъективности человека : учебное пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. Москва : Школа – Пресс, 2000.
17. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703). URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 10.10.2025).
18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Официальный сайт Президента России. URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 10.10.2025).
19. Суханова К. Ю. Работа с подростками, имеющими трудности социальной адаптации // Коррекционная педагогика. 2003. №1. С. 51–58.
20. Тишков В. Национальная идея России. Москва : АСТ, 2021. 416 с.

Reference list

1. Abul'hanova K. A. Psihosocial'nyj i sub#ektnyj podhody k issledovaniju lichnosti v uslovijah social'nyh izmenenij = Psychosocial and subject-based approaches to personality research in social change / K. A. Abul'hanova, M. I. Volovikova // Psihologicheskij zhurnal. 2007. T. 28, № 5. S. 5–14.
2. Balankina L. L. Teorija kommunikacii kak osnova pedagogicheskogo vzaimodejstvija = Communication theory as the basis of pedagogical interaction // Filosofija obrazovanija. 2007. №1. S. 75–78.
3. Brushlinskij A. V. Problema sub#ekta v izmenajushhemsja obshhestve (stat'ja pervaja) = The subject's problem in a changing society (article one) // Psihologicheskij zhurnal. 1996. T. 17, № 6. S. 30–37.
4. Drobizheva L. M. Rossijskaja identichnost': poiski opredelenija i dinamika rasprostranenija = Russian identity: searching for definition and distribution dynamics // Sociologicheskie issledovaniya. 2020. № 8. S. 37–50.
5. Duhina T. N. Social'naja adaptacija i sociologicheskij diskurs = Social adaptation and sociological discourse // Social'no gumanitarnye znanija. 2005. №1. S. 297–306.
6. Isaev E. A. Jekzistencial'nyj vzgljad na kul'turnoe samoopredelenie lichnosti: opyt pedagogicheskogo osmyslenija = An existential view of cultural self-determination of the individual: the experience of pedagogical comprehension // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2024. №2. S. 45–53.
7. Kasharov M. M. Psihologija tvorcheskogo myshlenija professionala = Psychology of professional creative thinking : monografija. Moskva : PJeR SJe, 2006. 793 s.

8. Korjakovceva O. A. Rossija XXI veka: tradicionnye cennosti kak faktor civilizacionnogo razvitiya = Russia of the XXI century: traditional values as a factor of civilizational development // Politbook. 2024. № 2. S. 151–164.
9. Korjakovceva O. A. Politicheskaja socializacija molodzozhi v obrazovatel'noj sisteme Rossii = Political socialization of youth in the educational system of Russia // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 2008. № 4 (9). S. 64–67.
10. Leont'ev D. A. Chto dajot psihologii ponjatie sub#ekta: sub#ektnost' kak izmerenie lichnosti = What gives psychology the concept of subject: subjectivity as a dimension of personality // Jepistemologija & filosofija nauki. 2010. T. XXV. № 3. S. 136–160.
11. Mudrik A. V. Kommunikativnaja kul'tura lichnosti = Communicative personality culture. Moskva : Prosveshhenie, 1989.
12. Osnickij A. K. Razvitie samoreguljacji na raznyh jetapah professional'nogo stanovlenija = Development of self-regulation at different stages of professional development / A. K. Osnickij, N. V. Bjakova, S. V. Istomina // Voprosy psihologii. 2009. № 1. S. 3–12.
13. Petrovskij V. A. Lichnost' v psihologii: paradigma sub#ektnosti = Personality in psychology: the paradigm of subjectivity. Rostov-na-Donu : Feniks, 1996. 512 s.
14. Psihologija individual'nogo i gruppovogo sub#ekta = Psychology of individual and group subject / pod. red. A. V. Brushlinskogo, M. I. Volovikovoj. Moskva : PER SJe, 2002. 368 s.
15. Semenenko I. S. Grazhdanskaja identichnost' = Civic identity // Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika. Jenciklopedicheskoe izdanie (otv. red. I. S. Semenenko). Moskva : Ves' mir, 2017. S. 354–358.
16. Slobodchikov V. I. Osnovnye stupeni razvitiya sub#ektivnosti cheloveka = Main stages of human subjectivity development: uchebnoe posobie dlja vuzov / V. I. Slobodchikov, E. I. Isaev. Moskva : Shkola – Press, 2000.
17. Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do2025 goda (v redakcii Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 06.12.2018 № 703) = Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (as amended by Decree of the President of the Russian Federation of 06.12.2018 No. 703). URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (data obrashhenija: 10.10.2025).
18. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 = National security strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 // Officialnyj sajt Prezidenta Rossii. URL <https://base.garant.ru/401425792/> (data obrashhenija: 10.10.2025).
19. Suhanova K.Ju. Rabota s podrostkami, imejushhimi trudnosti social'noj adaptacii = Working with adolescents with social adjustment difficulties // Korrekcionnaja pedagogika. 2003. №1. S. 51–58.
20. Tishkov V. Nacional'naja ideja Rossii = National idea of Russia. Moskva : AST, 2021. 416 c.

Статья поступила в редакцию 28.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 28.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 376.545

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-140

EDN: CZPENF

Воздействие позитивных и негативных результатов олимпиады на самооценку одаренных школьников

Ольга Станиславовна Щербинина¹✉, Алёна Александровна Осетрова², Татьяна Борисовна Смирнова³, Наталья Сергеевна Майорова⁴

¹Кандидат педагогических наук, доцент кафедры психолого-педагогического образования, Костромской государственный университет, г. Кострома.

²Младший научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности, Костромской государственный университет, г. Кострома.

³Директор, Центр «Одаренные школьники», г. Кострома.

⁴Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Костромской государственный университет, г. Кострома

¹shcherbinina-olga@list.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8203-0489>

²alena.osetrova.01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4638-9600>

³cdod@org.kostroma.gov.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3929-5600>

⁴mairowan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7293-7797>

Аннотация. Олимпиадное движение в современной системе образования России играет важную роль в выявлении и поддержке одаренных детей. Олимпиады для школьников являются не только площадкой для демонстрации и оценки знаний, но и событием, которое может оказать значительное влияние на формирование самооценки, мотивации и дальнейших перспектив. В статье рассматривается феномен участия школьников в олимпиадах как важный фактор личного, социального и профессионального развития. Проведенное исследование было основано на комплексном подходе, который включал в себя анкетирование учащихся двух регионов и проведение глубинного интервью. Результаты исследования показали, что мотивация участников сочетает внешние и внутренние факторы: стремление к поступлению в престижный вуз и искренний интерес к предмету. Участие в олимпиадах способствует развитию саморегуляции, ответственности, стрессоустойчивости и уверенности в себе. Особое значение для школьников имеет поддержка семьи и педагогов, создающая эмоционально безопасную среду. Несмотря на высокие нагрузки, участники оценивают олимпиадный опыт как значимый этап в саморазвитии и профессиональном самоопределении. На основе анкетирования, проведённого среди школьников Санкт-Петербурга и Костромской области, выявлены различия в восприятии побед и поражений, мотивации к участию и барьеров на пути к успеху. Установлено, что школьники мегаполиса чаще связывают результаты с внутренними факторами, тогда как учащиеся Костромской области акцентируют внимание на внешних ограничениях. Сделан вы-

© Щербинина О. С., Осетрова А. А., Смирнова Т. Б., Майорова Н. С., 2025

вод о необходимости педагогической поддержки, направленной на формирование внутренней мотивации и переосмысление неудачи как ресурса для развития.

Ключевые слова: одаренность; одаренные школьники; олимпиада; событие; школа; социальное развитие; эмоциональные переживания; педагогическое сопровождение

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 24-28-01666

Для цитирования: Щербинина О. С., Осетрова А. А., Смирнова Т. Б., Майорова Н. С. Воздействие позитивных и негативных результатов олимпиады на самооценку одаренных школьников // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 140–157. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-140>. <https://elibrary.ru/CZPENF>.

Original article

Impact of positive and negative results of the olympiad on gifted schoolchildren's self-esteem

Olga S. Shcherbinina¹✉, Alyona A. Osetrova², Tatyana B. Smirnova³, Natalya S. Mayorova⁴

¹Candidate of pedagogical sciences, associate professor at department of psychological and pedagogical education, Kostroma state university, Kostroma.

²Junior researcher, research department, Kostroma state university, Kostroma.

³Director, Center “Gifted Schoolchildren”, Kostroma.

⁴Candidate of historical sciences, associate professor, department of history, Kostroma state university, Kostroma

¹shcherbinina-olga@list.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8203-0489>

²alena.osetrova.01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4638-9600>

³cdod@org.kostroma.gov.ru, <https://orcid.org/0009-0003-3929-5600>

⁴mairowan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7293-7797>

Abstract. The olympiad movement in the modern education system of Russia plays an important role in identifying and supporting gifted children. olympiads for schoolchildren are not only a platform for demonstrating and evaluating knowledge, but also an event that can have a significant impact on the formation of self-esteem, motivation and future prospects. The article considers the phenomenon of schoolchildren's participation in olympiads as an important factor in personal, social and professional development. The study was based on an integrated approach, which included questioning students in two regions and conducting in-depth interviews. The results of the study showed that participants' motivation combines external and internal factors: the desire to enter a prestigious university and a sincere interest in the subject. Participating in olympiads contributes to the development of self-regulation, responsibility, stress resistance and self-confidence. Of particular importance for schoolchildren is the support of family and teachers, creating an emotionally safe environment. Despite the high workload, participants assess the olympiad experience as a significant stage of self-development and professional self-determination. Based on a survey conducted among

schoolchildren in St. Petersburg and the Kostroma region, differences were revealed in the perception of victories and defeats, motivation for participation and barriers to success. It has been established that schoolchildren of the metropolis more often associate the results with internal factors, while students of the Kostroma region focus on external restrictions. The conclusion was made about the need for pedagogical support aimed at the formation of internal motivation and rethinking failure as a resource for development.

Key words: giftedness; gifted schoolchildren; olympiad; event; school; social development; emotional experiences; pedagogical support

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01666

For citation: Shcherbinina O. S., Osetrova A. A., Smirnova T. B., Mayorova N. S. Impact of positive and negative results of the olympiad on gifted schoolchildren's self-esteem. *Social and political researches*. 2025;4(29): 140–157. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-140>. <https://elibrary.ru/CZPENF>.

Введение

Олимпиады в структуре образовательного процесса играют ключевую роль в работе с одаренными детьми и талантливой молодежью, являясь значимым инструментом для раскрытия и развития их интеллектуального потенциала. В отечественной педагогике и психологии большое влияние на изучение и развитие проблемы одаренности оказали труды Д. Б. Богоявленской, А. И. Савенкова, В. Д. Шадрикова, М. А. Холодной и других авторов [Богоявленская, 2024; Савенков, 2019; Шадриков, 2019; Холодная, 2021]. В настоящее время, учитывая современные вызовы, система образования рассматривается как один из важнейших стратегических ресурсов государства, а работа с одаренными детьми – как одно из приоритетных направлений национальной образовательной политики [Гладилина, 2019]. Указанные

направления подробно отражены в стратегических документах Российской Федерации, включая Указ Президента № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и национальном проекте «Образование», где акцентируется внимание на необходимости целенаправленной поддержки учащихся, обладающих высокими способностями [Стратегия национальной …, 2024].

Американский психолог Д. С. Рензули в своей трехчастной модели одаренности отмечает несколько важных компонентов, которые и формируют одаренность у детей: высокий уровень интеллектуальных способностей, креативность и мотивация [Reis, 2021]. При этом именно мотивационный и личностно-психологический аспекты становятся решающими в реализации потенциала одаренного ребёнка [Щербинина, 2024]. Таким

образом, в последние десятилетия одним из самых актуальных направлений в изучении одаренности является психологическое и мотивационное влияние олимпиад на одаренных детей [Черненко, 2022]. Данная тема служит предметом активных дискуссий в отечественной и зарубежной педагогической и психологической науке [Dai, 2020]. Участие в олимпиаде становится для школьника не только проверкой знаний, но и значимым публичным событием, определяющим возможности выхода на новые учебные траектории. Результат этого участия – будь то победа или поражение – может затрагивать глубинные психологические механизмы школьника, влияя на эмоциональное состояние, формирование самооценки, устойчивость к стрессовым ситуациям и дальнейшее социальное развитие [Щербинина, 2025].

Данные выводы получают дополнительное подтверждение в исследованиях мотивационной структуры обучающихся. Т. О. Гордеева и Е. Н. Осин показали, что победители олимпиад характеризуются высокой внутренней мотивацией, интересом к познанию, наличием целеустремленности, самоконтроля и оптимистичного объяснения успехов [Гордеева, 2012]. Однако победы на олимпиадах не только укрепляют ученическую самоэффективность, интерес к предмету, самоценность и мотивацию для дальнейшего участия в более масштабных конкурсах, но и предо-

ставляют дополнительные возможности для получения более высоких результатов ЕГЭ и успешной адаптации вне учебного заведения. Об этом указывает в своих работах С. В. Кутняк, изучая значимость олимпиад в повышении качества обучения в школе [Кутняк, 2019]. А. В. Цыганкова в своих исследованиях приводит данные о влиянии олимпиад на развитие творческих способностей одаренных детей [Цыганкова, 2022]. Сделанные выводы подтверждают отечественные ученые А. А. Пересецкий и М. А. Давтян, которые в своем исследовании доказали, что призеры и победители олимпиад значительно чаще добиваются успеха в своей деятельности – демонстрируют более высокие академические достижения в вузах по сравнению с теми, кто поступил только по результатам ЕГЭ [Пересецкий, 2011]. Однако одновременно существуют тревожные сигналы: с 9 по 11 класс доля учащихся, желающих участвовать в олимпиадах, снижается – с 87 % в 9 классе до 58 % в 11, главным образом из-за психологического давления, сложности заданий и ухудшения социальной жизни [Гулов, 2023].

В настоящее время существует пласт исследований, посвященных изучению влияния олимпиад определенной предметной области на развитие одаренных школьников. Примером таких исследований выступают работы В. В. Лунина, О. В. Архангельской, М. В. Павло-

вой и И. А. Тюлькова [Лунин, 2007].

Ряд отечественных и зарубежных исследований указывают о значимости влияния школьной среды и системы образования на готовность одаренного школьника к участию в олимпиаде, и на его социальное и эмоциональное благополучие [Sternberg, 2024]. К таким выводам приходят в своих работах Н. В. Bilavych и его коллеги [Bilavych and etc., 2021], I. García-Martínez [García-Martínez and etc., 2021], C. Sodergren [Sodergren, Ruiz, 2025] и их коллеги. С. Е. Черненко, К. Р. Романенко транслируют в своих публикациях значимую, на наш взгляд, мысль о «продвигающей силе школы» в олимпиадном движении и подготовке одаренных школьников [Черненко, 2022]. К близким выводам в своих работах приходят M. Gierczyk и S. I. Pfeiffer [Gierczyk, 2021].

Однако важно отметить, что опыт участия в олимпиадах может иметь и обратный эффект. Так, в работе А. П. Гурова отдельно подчёркивается, что психологическое давление (ожидания, высокий уровень неопределенности, публичность итога) становится одной из причин отказа от дальнейшего участия школьников при неудачном выступлении на олимпиадах и конкурсах; одновременно с этим фиксируется и противоположная тенденция – опыт успешного выступления повышает уровень готовности в продолжении движения по

индивидуальному образовательному треку, для одаренных молодых людей результат в высших учебных заведениях [Гулов, 2023].

Социологический ракурс проблемы развивают в своем исследовании Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, Н. В. Шаброва: вовлечённость в олимпиадное движение повышает образовательные притязания и «статусные ожидания», но именно из-за этого возрастает уязвимость к переживанию неуспеха [Гулов, 2023]. Поражение воспринимается как угроза будущему статусу и успешности: школьники с высокой образовательной мотивацией испытывают неудачу, как социальный провал, что провоцирует тревожность, перфекционизм и механизм психологического избегания.

Таким образом, представленные результаты исследований позволяют увидеть двойственный характер влияния олимпиад на одарённых школьников: с одной стороны, они открывают широкие возможности для самореализации и развития, а с другой – могут сопровождаться повышенными эмоциональными нагрузками и риском негативных переживаний. Однако несмотря на заметное внимание исследователей к проблеме одарённости и роли олимпиад в развитии школьников, до сих пор остаётся открытым вопрос о том, как сами участники воспринимают опыт побед и поражений, какие мотивы ими движут, какие трудности они видят на пути к успеху. Чтобы понять, как эти за-

кономерности проявляются в реальной школьной практике, обратимся к результатам эмпирического исследования. Цель статьи – изучение характера влияния олимпиады как события на одаренных школьников.

Методы исследования

Настоящее исследование основано на использовании эмпирических методов, включающих анализ данных, которые получены в ходе анкетирования, а также обработку результатов индивидуальных интервью. Указанные методы позволяют комплексно рассмотреть феномен олимпиадного участия. Все го в исследовании приняли участие 59 человек, имеющих опыт побед во всероссийских школьных и телевизионных олимпиадах. 42 школьника (по 21 из Костромской области и Санкт-Петербурга) ответили на вопросы онлайн-анкеты, которая была создана посредством Яндекс-форм. 17 одаренных школьников приняли участие в индивидуальных интервью, позволивших подробнее изучить олимпиадный опыт. Вопросы интервью касались личных достижений (победы, участие, отсутствие успеха), мотивации, барьеров и трудностей, мешающих достижению успеха. Обработка данных осуществлялась методом контент-анализа: ответы были сгруппированы по смысловым категориям и количественно сопоставлены.

Результаты исследования

При обработке интервью методом контент-анализа нами было выделено 9 категорий, по каждой из которых были определены смысловые единицы. Категории анализа включали в себя *следующие темы*: мотивация к участию, источник информации об олимпиадах, подготовка к олимпиадам, эмоции и переживания, трудности и барьеры, поддержка со стороны окружения, влияние участия на личную жизнь, отношение к неудачам, позитивные эффекты от участия. Остановимся на каждой категории подробно и рассмотрим полученные результаты.

В первую очередь нами была проанализирована *мотивация участия школьников в олимпиадах*. Из полученных результатов видно, что для всех участников (100 %) характерно сочетание внешней и внутренней мотивации. Внешняя мотивация связана с практической выгодой – возможностью поступить в престижный вуз без экзаменов, получить дополнительные баллы к ЕГЭ, повысить конкурентоспособность при поступлении. Внутренняя – с интересом к предмету, желанием саморазвития, стремлением проверить собственные силы и приобрести опыт: «Мотивировала возможность получить какие-то дополнительные баллы к экзамену», «Хочу поступить в МГИМО на журналистику, поэтому олимпиада “Умницы и умники” сразу меня заинтересовала», «Наверное, в том числе и жажда новых знакомств, и

просто какого-то опыта», «Пример сестры, которая учится в Высшей школе экономики, сильно вдохновил». Таким образом, олимпиадная деятельность воспринимается как инструмент самореализации и про странство для стратегического карьерного и личностного роста. У участников формируется установка на достижение успеха, но не ради внешнего признания, а как способ проверить свои способности.

Следующим значимым направлением анализа стал *поиск источников информации об олимпиадах*. Большинство участников впервые узнали о них в рамках школьной системы от учителей или администрации, что составляет 71 % от всей выборки. В ряде случаев (29 %) важную роль играли родные, знакомые и старшие товарищи, уже имевшие опыт участия. Вместе с тем наблюдается тенденция к расширению самостоятельности школьников: 47 % учащихся указали, что находят информацию через социальные сети, специализированные сайты, университетские программы и кружки: «Про олимпиады чаще всего узнавала из школы, но в последнее время также узнаю больше из соцсетей», «У нас в школе идёт рекомендательный характер – кто хочет участвовать, тот участвует, но всегда заранее предупреждают, что планируется такая-то олимпиада», «У меня старшая сестра раньше тоже участвовала, я далее уже от нее этот опыт перенял. Ей это очень помог-

ло и при сдаче ЕГЭ, и при поступлении в университет, и при обучении там», «Сначала узнавала от учителей, сейчас у нас уже есть своя компания, с которой мы постоянно обсуждаем какие-то проекты, летние школы и сами олимпиады. Если кто-то что-то интересное находит (конкурс, олимпиаду) – сразу делится со всеми», «О чем-то в школе узнаю, о некоторых конкурсах нам в “Одаренных школьниках” (Центр “Одаренные школьники”) рассказывают». Данные примеры отражают переход от внешней инициативы (школа мотивирует) к самостоятельному выбору участия и планированию образовательной траектории.

Особое внимание в интервью уделялось вопросу подготовки к олимпиадам. Все участники (100 %) отметили, что этот процесс требует серьезной самоорганизации и больших временных затрат. Подготовка в большинстве случаев (94 %) строится самостоятельно с элементами помощи со стороны педагогов или родителей. Регулярной помощью со стороны педагогов пользуются лишь 5 респондентов, что составляет 29 % от общей выборки. При подготовке используются различные формы: чтение литературы, работа с заданиями прошлых лет, онлайн-курсы, просмотр образовательных видео, участие в интенсивах, посещение специализированных кружков: «Наверное, по большей части всё делала сама. Помощь самую большую оказал

именно интернет», «К “Умникам и умницам” готовился всё лето самостоятельно – читал, конспектировал, смотрел документальные фильмы», «Буквально каждый день занимался по пять часов в течение двух недель перед этапом», «Основная подготовка идет через кружки – два раза в неделю, плюс самостоятельные задания». Временные затраты значительны: от 2–3 часов ежедневно (во время учёбы) до 5–6 часов в день в каникулярный период. Подготовка становится частью повседневного режима, требующего высокой самодисциплины и внутренней мотивации.

В связи с большими временными и интеллектуальными затратами в процессе анализа обращалось внимание и на эмоциональное восприятие участия в олимпиадах. После анализа всех интервью можно отметить, что эмоциональное состояние меняется на каждом этапе олимпиады, это отмечают все участники (100 %): до – ожидание, волнение, тревога; во время – сосредоточенность, азарт, желание показать результат; после – радость, гордость, иногда разочарование: «Самое большое чувство – это волнение и предвкушение», «Это и страх, и любознательность. То, что ты видел по телевизору, и теперь ты в этомучаствуешь», «Сначала стресс, потом интерес, потом радость, когда что-то получилось». Сами ребята отмечают, что олимпиадное участие – эмоционально насыщенный процесс, который

воспринимается как испытание и одновременно источник вдохновения. При этом важно отметить, что 13 человек (76 %) подчеркнули, что стресс и напряжение не воспринимаются как нечто разрушительное – напротив, они становятся источником мобилизации и внутреннего роста, помогают «почувствовать уверенность» и «понять свои возможности».

Наряду с эмоциональной стороной респонденты подробно описывали и основные трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Почти все учащиеся упомянули проблему времени и усталости – 88 %. 11 респондентов (65 %) от всей выборки, сталкиваются с перегрузкой, сложностью заданий и неясностью критериев оценки, а часть учащихся (41 %) отмечали усталость и эмоциональное выгорание в период интенсивной подготовки: «Не очень хорошо знаешь, какой конкретно материал нужно искать», «Трудность – угадать, что будет на олимпиаде, «Пять часов в день математики, и голова кипит». Несмотря на трудности, никто не говорил о желании полностью отказаться от участия: «Даже мысли такой не было», «Такого, наверное, не было, поскольку участвую только в том, что мне интересно». Это подчеркивает стойкость и устойчивую внутреннюю мотивацию участников, а также их способность в преодолении интеллектуального и эмоционального напряжения. Таким образом, временные трудности и неуда-

чи воспринимаются как стимул для дальнейшего развития.

Важным фактором успешного участия становится поддержка со стороны семьи и преподавателей. В интервью не было выявлено случаев давления – напротив, преобладают примеры поощрения и моральной поддержки: «Давления не было, наоборот, было искренне мое желание», «Если бы не учительница, которая меня каждый раз поддерживала, я бы, наверное, на первых порах быстро сдалась», «Нет, давления не было. Наоборот, друзья писали: «Держись, мы за тебя болеем», родители дома всегда поддерживали и переживали за меня». Из анализа полученных данных можно заметить, что социальное окружение играет роль стабилизирующего ресурса, помогающего участникам справляться со стрессом и сохранять мотивацию.

В то же время высокая вовлеченность и стремление к результату нередко приводят к изменению привычного ритма жизни и перераспределению свободного времени. Большинство участников (82 %) сделали акцент на том, что олимпиадная деятельность сокращает свободное время, но при этом 53 % опрошенных отметили, что тщательная подготовка учит распределять ресурсы и планировать отдых: «На свободное время повлияло, я начала более грамотно им распоряжаться», «Когда перестаю усваивать информацию, делаю перерыв, гуляю, потом снова занимаюсь»,

«Отдыха стало меньше, но я слушала книги на улице – совмещала». Участие в олимпиадах помогает школьникам выстраивать баланс между работой и отдыхом, развивая навыки саморегуляции.

Формирование умения распределять усилия и восстанавливаться после нагрузки способствует не только эффективной подготовке, но и вырабатывает устойчивость к стрессовым ситуациям. Благодаря этому у участников постепенно складывается зрелое и конструктивное отношение к неудачам. 94 % респондентов признают, что неудачи вызывают временное разочарование, однако воспринимаются как естественная часть развития. 12 человек (71 %) подчеркнули, что неудачи рассматривают как стимул к саморазвитию и возможность пересмотра стратегии подготовки: «Было чувство разочарования, когда столько времени потратила, а вопросы оказались неожиданными. Ничего, сильно не расстроилась, а сделала выводы и стала готовиться усерднее», «Когда олимпиаду написал неудачно, думаю: нужно больше тренироваться». Такая позиция демонстрирует высокий уровень рефлексии и зрелости – участники способны анализировать свои ошибки и сохранять мотивацию к дальнейшему росту.

Абсолютно во всех интервью участники подчеркивали положительное влияние олимпиад. Респонденты отмечали рост уверенности в себе, расширение кругозора

ра, осознание профессиональных интересов и развитие коммуникативных навыков: «Расширился кругозор и появились новые знакомства», «Поняла, что точно хочу поступать в МГИМО», «Олимпиадная математика – это вызов, который помогает расти». Указанные ответы показывают, что участие в олимпиадах воспринимается не просто как состязание, а как этап личностного становления и профессионального самоопределения. Кроме индивидуальных эффектов, олимпиады выполняют и социальную функцию. 10 человек (59 %) упомянули о новых друзьях и сообществе единомышленников, которые возникли в ходе подготовки и участия: «Мы создали общий чат, где делились информацией и советами», – упоминает одна из респонденток. Такое общение способствует обмену опытом, формированию чувства принадлежности и развитию социальных компетенций.

Проведенный контент-анализ в интервью позволил выявить, что участие в олимпиадах оказывает многоплановое влияние на личностное, эмоциональное и социальное развитие учащихся. Олимпиадное движение становится не только формой интеллектуального соревнования, но и важным этапом самоопределения, где проверяются не столько академические знания, сколько умение концентрироваться, преодолевать стресс и принимать вызовы. Для большинства респондентов участие в олимпиадах свя-

зано с сильной внутренней мотивацией, стремлением к самореализации и желанием подтвердить собственные способности. Даже при наличии утилитарных целей (поступление, бонусные баллы, признание) за ними стоит глубокая потребность в личностном росте и познавательном удовлетворении.

Полученные в ходе интервью данные позволили увидеть внутреннюю сторону олимпиадного опыта – личные смыслы, мотивы и эмоциональные реакции участников. Однако для более полного понимания картины важно сопоставить индивидуальные высказывания с обобщенными статистическими результатами массового опроса школьников. Такое сравнение позволяет выявить, насколько личные истории отражают типичные тенденции, а также определить различия в восприятии олимпиадного участия в разных социальных и образовательных контекстах.

Особый интерес представляет анализ региональных различий – между школьниками Санкт-Петербурга и Костромской области, что дает возможность оценить влияние инфраструктуры, педагогической поддержки и образовательной среды на результаты и мотивацию участников.

На первом этапе анкетирования нами были проанализированы и выявлены различия в успешности школьников двух регионов. В Санкт-Петербурге около 30 % опрошенных имеют опыт побед на

региональном этапе, тогда как в Костромской области 38,5 % школьников указали, что не достигали значимых результатов.

Рис. 1. Достижения в олимпиадах школьников из Санкт-Петербурга и Костромы

Данные на рисунке 1 демонстрируют неравномерность возможностей: школьники мегаполиса чаще достигают успеха, что может быть связано с наличием специализированной инфраструктуры для подготовки, поддержки со стороны педагогов и более широких возможностей для участия. Для школьников региона более характерно восприятие олимпиад как труднодостижимого уровня, что усиливает риск закрепления негативного опыта.

В обеих выборках лидирующей мотивацией стала потребность проверить собственные силы (Санкт-Петербург – 24,3 %; Кострома – 40,4 %). Для школьников столичного города характерна также мотивация, связанная с поступлением в престижный вуз (21,4 %), тогда как для костромских респондентов выше внешние стимулы: участие «по настоянию родителей» или «учителя» (суммарно 17,8 %).

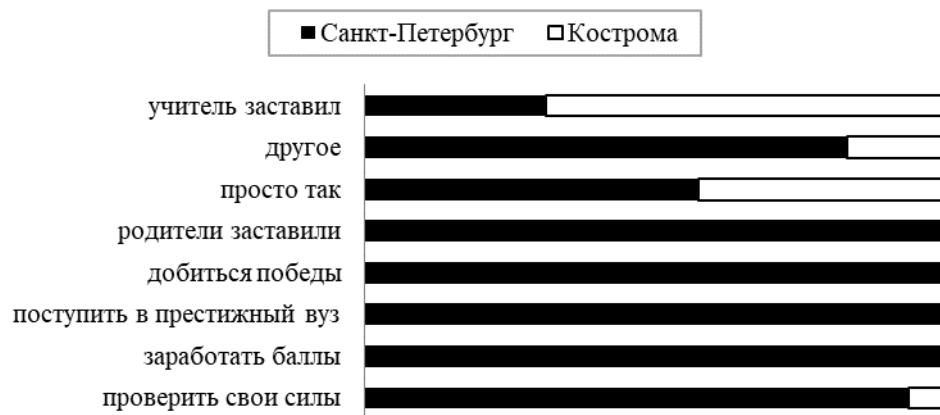

Рис. 2. Мотивация участия в олимпиадах школьников из Санкт-Петербурга и Костромы

Таким образом, позитивный результат олимпиады для школьников мегаполиса чаще подкрепляет внутреннюю мотивацию и академическую траекторию, а в регионах нередко отражает внешнее давление, что делает поражение более травматичным.

Среди основных препятствий школьники обеих групп выделили сложность заданий и недостаток знаний. В Костроме лидирующим фактором оказалась именно сложность заданий (23,3 %), а в Санкт-Петербурге – нехватка знаний (21,7 %).

Рис 3. Факторы, мешающие достижению успехов школьникам из Санкт-Петербурга и Костромы

Для школьников из Санкт-Петербурга негативный результат чаще связывается с внутренними причинами: неуверенность, страх, недостаток подготовки. В Костроме же более выражено восприятие внешних барьеров: нехватка помощи специалистов, ограниченные сроки, невозможность очного участия.

Сравнительный анализ показывает, что позитивные результаты олимпиад формируют у школьников чувство компетентности, уверенность в собственных силах и повышенную учебную мотивацию. Победители чаще связывают участие с личными целями и образовательными перспективами, что способствует выстраиванию индивидуального академического пути.

Негативные результаты, напротив, часто приводят к демотивации и отказу от участия. Особенно это заметно у школьников из регионов, где поражение ассоциируется не только с личной неудачей, но и с системными ограничениями (нехваткой подготовки, отсутствием инфраструктуры). При этом в Санкт-Петербурге поражение чаще переживается как личная проблема, требующая преодоления внутренними усилиями.

Важным результатом исследования стало выявление различий в мотивационных профилях: школьники, участвующие «по собственному выбору», чаще воспринимают поражение как стимул для развития, а школьники, вовлечённые со

стороны, склонны к отказу от дальнейшего участия при первых же неудачах. Это подтверждает необходимость педагогической работы по формированию внутренней мотивации и переосмыслению поражения как части обучающего процесса.

Далее нами был проведен сопоставительный анализ количественных и качественных результатов по основным смысловым блокам исследования: мотивация участия, восприятие трудностей, эмоциональные переживания, роль педагогической и семейной поддержки, отношение к неудачам и эффект участия в олимпиадах.

Результаты обеих частей исследования подтвердили, что участие в олимпиадах способствует развитию саморегуляции, уверенности, ответственности и формированию устойчивой учебной мотивации. И анкетирование, и интервью показали, что основным мотивом участия остается стремление проверить собственные силы и интерес к предмету, а поддержка педагогов и семьи является ключевым фактором успеха.

В то же время выявлены и различия. Анкетирование зафиксировало у школьников регионов склонность объяснять неудачи внешними причинами и отмечать демотивацию после поражений, тогда как в интервью подобные оценки почти не встречались: участники чаще брали ответственность на себя и воспринимали

трудности как стимул к развитию. Также в опросах эмоциональные нагрузки и тревожность рассматривались как барьер, а в личных рассказах – как естественная часть опыта. Эти расхождения могут иметь несколько объяснений. *Во-первых*, формат интервью способствует более глубокой рефлексии и личной открытости: в индивидуальном общении участники склонны брать ответственность на себя и рассматривать результаты как следствие собственных усилий. *Во-вторых*, выборка интервью включала в основном мотивированных и успешных участников, для которых характерен более высокий уровень саморегуляции и внутренней мотивации. Кроме того, нельзя исключать эффект социально желаемых ответов: в личной беседе с исследователем респонденты могли стремиться представить себя в более выгодном, ответственном и устойчивом свете, избегая жалоб или акцентов на внешних барьерах. Таким образом, различия между количественными и качественными данными отражают не противоречие, а многослойность феномена – восприятие неудач зависит от уровня личной вовлеченности, типа мотивации, характера взаимодействия с педагогами и особенностей исследовательской ситуации, что может стать предметом для дальнейшего изучения.

Заключение

Таким образом, анкетирование позволило выявить общие тенден-

ции и количественные различия между регионами, а интервью – раскрыть личностный смысл олимпиадного участия. Их сопоставление показало, что внешне схожие факторы (мотивация, трудности, эмоции) имеют разную психологическую природу у разных групп участников. Комбинирование данных двух методов подтвердило, что олимпиадный опыт представляет собой не только образовательное, но и эмоционально-психологическое событие, требующее комплексной педагогической поддержки. Результаты исследования показывают, что олимпиады формируют у школьников целый комплекс метапредметных и личностных компетенций: саморегуляцию, устойчивость к стрессу, целестремленность, самостоятельность и ответственность. Поддержка семьи, педагогов и сверстников играет стабилизирующую роль, создавая эмоционально безопасную среду, в которой участники могут раскрыть потенциал. При этом сам процесс подготовки требует значительных усилий и временных затрат, что способствует развитию организованности и навыков планирования. Умение совмещать учебную нагрузку, отдых и подготовку позволяет формировать зрелое отношение к трудностям и неудачам, превращая их в опыт личностного роста.

Таким образом, олимпиада – это не просто интеллектуальное соревнование, а площадка для формиро-

вания личности. Несмотря на значительные временные и эмоциональные затраты, участники отмечают высокую удовлетворенность опытом, воспринимают его как важный этап самоопределения и профессионального роста. Олимпиады становятся пространством, в котором соединяются познавательный интерес, социальная поддержка и личностный рост, что делает их важным ин-

струментом в развитии одаренных школьников и студентов.

Стоит отметить, что исследование является частью более масштабного проекта, направленного на комплексное изучение олимпиадного движения. В рамках проекта предполагается дальнейшее раскрытие данного феномена с позиций личностного, социального и педагогического анализа.

Библиографический список

1. Богоявленская Д. Б. О лонгитюдном исследовании динамики одаренности (промежуточные результаты) // Известия Российской Академии образования. 2024. № 4 (68). С. 32–45.
2. Гладилина И. В. Формирование мотивации у одаренных школьников через участие в олимпиадах // Психология образования. 2019. № 2. С. 56–63.
3. Гордеева Т. О. Особенности мотивации достижения и учебной мотивации студентов, демонстрирующих разные типы академических достижений (ЕГЭ, победы в олимпиадах, академическая успеваемость) / Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 4–12.
4. Гулов А. П. Олимпиадное движение в современном контексте: мотивация участия и причины отказа от состязаний // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2023. № 2. С. 10–22.
5. Зборовский Г. Е. Тернистый путь учащейся молодежи к образовательной успешности: «подводные камни» олимпиадного движения / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, Н. В. Шаброва // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. №3 (93). С. 11–28.
6. Кутняк С. В. Роль предметных олимпиад в повышении качества образования в школах с низкими результатами обучения // Наука и инновации – современные концепции : Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума / отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. Москва : Инфинити, 2019. С. 47–54.
7. Лунин В. В. Роль химических олимпиад школьников в развитии образования и науки / В. В. Лунин, О. В. Архангельская, М. В. Павлова, И. А. Тюльков // Современные тенденции развития химического образования: работа с одаренными детьми. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 34–52.
8. Пересецкий А. А. Олимпиадники и их успехи в университетах / А. А. Пересецкий, М. А. Давтян // Вопросы образования. 2011. № 2. С. 5–27.
9. Савенков А. И. Представления о детской одаренности, как психическом явлении в современной образовательной практике // Современное дошкольное образование: теория и практика. 2019. № 6 (30). С. 6–10.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Москва : Проспект, 2024. 32 с.

11. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Москва : Юрайт, 2022. 335 с.
12. Цыганкова А. В. Олимпиады как средство развития творческих способностей учащихся // Вестник педагогики и психологии. 2022. № 4. С. 45–51.
13. Черненко С. Е. «Обречены на успех»: продвигающая сила школы, роль семьи и неравенство на пути олимпиадников в университет / С. Е. Черненко, К. Р. Романенко // Вопросы образования = Educational Studies Moscow. 2022. № 3. С. 213–238.
14. Шадриков В. Д. К новой психологической теории способностей и одаренности // Психологический журнал. 2019. № 40 (2). С. 15–26.
15. Щербинина О. С. Педагогическое сопровождение одаренных школьников в процессе подготовки к олимпиадам и конкурсным испытаниям по предметам гуманитарного профиля : учебно-методическое пособие для педагогов и специалистов, работающих с одаренными школьниками / О. С. Щербинина, Н. С. Майорова, А. А. Осетрова. Кострома : КГУ, 2024. 83 с.
16. Щербинина О. С. Психологопедагогические барьеры одарённых школьников в олимпиадном движении / О. С. Щербинина, Н. С. Майорова, И. Н. Грушецкая // Образование и наука. 2025. № 27 (7). С. 92–124.
17. Bilavych H. V., Iliichuk L. V., Malona S. B., Savchuk B. P., Dovgij O. J., Yaremchuk O. Z. Innovative teaching methods as a means of development of gifted personality (based on the experience of the «University of the gifted child» at Vasyl Stefanyk Precarpathian national university) // Medical Education. 2021. Vol. 2. P. 92–96.
18. Dai D. Y. Assessing and accessing high human potential: a brief history of giftedness and what it means to school psychologists // Psychology in the schools. 2020. Vol. 57. №10. P. 1514–1527.
19. García-Martínez I., Gutiérrez Cáceres R., Luque de la Rosa A., León S. P. Analysing educational interventions with gifted students. Systematic review // Children (Basel). 2021. Vol. 8 (5). P. 365.
20. Gierczyk M., Pfeiffer S. I. The impact of school environment on talent development: a retrospective view of gifted british and polish college students // Journal of advanced academics. 2021. Vol. 32 (4). P. 567–592.
21. Reis S. M., Peters P. M. Research on the schoolwide enrichment model: four decades of insights, innovation, and evolution // Gifted education international. 2021. Vol. 37. №2. P. 109–141.
22. Sodergren C., Ruiz B. Innovation in gifted education coordinators: A sequential transformational mixed methods study // Methods in psychology. 2025. Vol. 13:100200.
23. Sternberg R. J. A new model of giftedness for transformational active concerned citizenship and ethical leadership // Gifted education international. 2024. Vol. 40 (2). P. 166–195.

Reference list

1. Bogojavlenskaja D. B. O longitudinom issledovanii dinamiki odarennosti (pomezhu-tochnye rezul'taty) = About longitudinal study of giftedness dynamics (intermediate results) // Izvestija Rossijskoj Akademii obrazovaniya. 2024. № 4 (68). S. 32–45.

2. Gladilina I. V. Formirovanie motivacii u odarjonyh shkol'nikov cherez uchastie v olimpiadah = Formation of motivation among gifted schoolchildren through participating in olympiads // Psihologija obrazovanija. 2019. № 2. S. 56–63.
3. Gordeeva T. O. Osobennosti motivacii dostizhenija i uchebnoj motivacii studentov, demonstrirujushhih raznye tipy akademicheskikh dostizhenij (EGJe, pobedy v olimpiadah, akademicheskaja uspevaemost') = Features of motivation to achieve and educational motivation of students demonstrating different types of academic achievements (USE, victories in olympiads, academic performance) / T. O. Gordeeva, E. N. Osin // Psihologicheskie issledovaniya. 2012. T. 5, № 24. S. 4–12.
4. Gulov A. P. Olimpiadnoe dvizhenie v sovremenном kontekste: motivacija uchastija i prichiny otkaza ot sostjazanij = Olympiad movement in modern context: motivation to participate and reasons for refusing to compete // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. 2023. № 2. S. 10–22.
5. Zborovskij G. E. Ternistyy put' uchashhejsja molodezhi k obrazovatel'noj uspeshnosti: "podvodnye kamni" olimpiadnogo dvizhenija = Thorny path of students to educational success: "pitfalls" of the Olympiad movement / G. E. Zborovskij, P. A. Ambarova, N. V. Shabrova // Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. 2021. №3 (93). S. 11–28.
6. Kutnjak S. V. Rol' predmetnyh olimpiad v povyshenii kachestva obrazovanija v shkolah s nizkimi rezul'tatami obuchenija = The role of subject Olympiads for improving the quality of education in schools with low educational results // Nauka i innovacii – sovremennoye koncepcii : sbornik nauchnyh statej po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma / otv. red. D. R. Hismatullin. Moskva : Infiniti, 2019. S. 47–54.
7. Lunin V. V. Rol' himicheskikh olimpiad shkol'nikov v razvitiu obrazovanija i nauki = The role of chemical olympiads of schoolchildren for developing education and science / V. V. Lunin, O. V. Arhangel'skaja, M. V. Pavlova, I. A. Tjul'kov // Sovremennoye tendencii razvitiya himicheskogo obrazovanija: rabota s odarennymi det'mi. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. S. 34–52.
8. Pereseckij A. A. Olimpiadniki i ih uspehi v universitetah = Olympiads participants and their successes at universities / A. A. Pereseckij, M. A. Davtjan // Voprosy obrazovanija. 2011. № 2. S. 5–27.
9. Savenkov A. I. Predstavlenija o detskoj odarennosti, kak psihicheskom javlenii v sovremennoj obrazovatel'noj praktike = Ideas about childhood giftedness as a mental phenomenon in modern educational practice // Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie: teoriya i praktika. 2019. № 6 (30). S. 6–10.
10. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 2 iulja 2021 g. № 400 = National Security Strategy of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. Moskva : Prospekt, 2024. 32 s.
11. Holodnaja M. A. Psihologija intellekta: paradoxy issledovanija = Psychology of intelligence: paradoxes of research. Moskva : Jurajt, 2022. 335 s.
12. Cygankova A. V. Olimpiady kak sredstvo razvitiya tvorcheskikh sposobnostej uchashhihsja = Olympiads as a means of developing students' creative abilities // Vestnik pedagogiki i psihologii. 2022. № 4. S. 45–51.

13. Chernenko S. E. «Obrecheny na uspeh»: prodvigajushhaja sila shkoly, rol' sem'i i neravenstvo na puti olimpiadnikov v universitet = “Doomed to Succeed”: The advancing power of school, the role of family and inequality on Olympiads path to university / S. E. Chernenko, K. R. Romanenko // Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow. 2022. № 3. S. 213–238.
14. Shadrikov V. D. K novoj psihologicheskoj teorii sposobnosti i odarennosti = Towards a new psychological theory of ability and giftedness // Psihologicheskij zhurnal. 2019. № 40 (2). S. 15–26.
15. Shherbinina O. S. Pedagogicheskoe soprovozhdenie odarennyyh shkol'nikov v processe podgotovki k olimpiadam i konkursnym ispytanijam po predmetam gumanitarnogo profilja = Pedagogical support of gifted schoolchildren in preparing for Olympiads and competitive tests in humanitarian subjects : uchebno-metodicheskoe posobie dlja pedagogov i specialistov, rabotajushhih s odarennymi shkol'nikami / O. S. Shherbinina, N. S. Majorova, A. A. Osetrova. Kostroma : KGU, 2024. 83 s.
16. Shherbinina O. S. Psihologo-pedagogicheskie bar'ery odarjonyh shkol'nikov v olimpiadnom dvizhenii = Psychological and pedagogical barriers of gifted schoolchildren in the Olympiad movement / O. S. Shherbinina, N. S. Majorova, I. N. Grusheckaja // Obrazovanie i nauka. 2025. № 27 (7). S. 92–124.
17. Bilavych H. V., Iliichuk L. V., Malona S. V., Savchuk B. P., Dovgij O. J., Yaremchuk O. Z. Innovative teaching methods as a means of development of gifted personality (based on the experience of the activity of the «University of the gifted child» at Vasyl Stefanyk Precarpathian national university) // Medical Education. 2021. Vol. 2. P. 92–96.
18. Dai D. Y. Assessing and accessing high human potential: a brief history of giftedness and what it means to school psychologists // Psychology in the schools. 2020. Vol. 57. №10. P. 1514–1527.
19. García-Martínez I., Gutiérrez Cáceres R., Luque de la Rosa A., León S. P. Analysing educational interventions with gifted students. Systematic review // Children (Basel). 2021. Vol. 8 (5). P. 365.
20. Gierczyk M., Pfeiffer S. I. The impact of school environment on talent development: a retrospective view of gifted british and polish college students // Journal of advanced academics. 2021. Vol. 32 (4). R. 567–592.
21. Reis S. M., Peters P. M. Research on the schoolwide enrichment model: four decades of insights, innovation, and evolution // Gifted education international. 2021. Vol. 37. №2. P. 109–141.
22. Sodergren C., Ruiz B. Innovation in gifted education coordinators: A sequential transformational mixed methods study // Methods in psychology. 2025. Vol. 13:100200.
23. Sternberg R. J. A new model of giftedness for transformational active concerned citizenship and ethical leadership // Gifted education international. 2024. Vol. 40 (2). P. 166–195.

Статья поступила в редакцию 28.09.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 28.09.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 37.015

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-158

EDN: FQVITH

Условия повышения эффективности допрофессиональной педагогической подготовки школьников в контексте реализации государственной образовательной политики

Ольга Сергеевна Пономарева

Директор по маркетингу, Издательство «Просвещение», г. Москва

oponomareva@prosv.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1629-5708>

Аннотация. Актуальность проблемы исследования обусловлена современными изменениями в образовательной среде и высоким спросом на развитие кадрового потенциала отрасли образования. Цель статьи заключается в выявлении и обосновании педагогических условий, способствующих эффективному функционированию системы допрофессиональной педагогической подготовки школьников в контексте государственной образовательной политики. Содержание статьи включает рассмотрение различных подходов к определению понятия «условия», подробный анализ текущего состояния профориентационной деятельности в школах и выделенных специалистами проблем. Исследуются новые подходы к интеграции различных уровней образования и формированию целостной системы поддержки обучающихся в профессиональном самоопределении. Особое внимание уделяется созданию интегрированных программ и инновационных методов обучения, направленных на привлечение молодежи к педагогическим профессиям. Теоретическая значимость статьи состоит в развитии концептуального понимания допрофессиональной педагогической подготовки, установлении связей между различными этапами образовательного процесса и выработке рекомендаций для улучшения качества педагогической подготовки. Практическая значимость выражается в конкретных рекомендациях по улучшению существующей системы подготовки педагогов, включая внедрение специализированных программ и практических заданий, стимулирующих интерес к профессии учителя. Научная новизна статьи проявляется в выявлении особенностей педагогической подготовки в условиях глобальных перемен, формулировании чётких условий, обеспечивающих успешность допрофессиональной педагогической подготовки, и создании комплексной методики оценивания эффективности разрабатываемых моделей. Результаты исследования подтверждают необходимость комплексного подхода к организации педагогической подготовки и внедрения передовых технологий и методов, способствующих достижению высоких результатов в профессиональной ориентации школьников.

Ключевые слова: государственная образовательная политика; профориентация; допрофессиональная педагогическая подготовка; психолого-педагогические классы; межпредметная интеграция; ценностно-смысловое единство

Для цитирования: Пономарева О. С. Условия повышения эффективности допрофессиональной педагогической подготовки школьников в контексте реализации государственной образовательной политики // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 158–175. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-158>. <https://elibrary.ru/FQVITH>.

Original article

Conditions for increasing the effectiveness of pre-professional pedagogical training of schoolchildren in the context of implementing the state educational policy

Olga S. Ponomareva

Marketing director, Prosveshchenie publishing house, Moscow
oponomareva@prosv.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1629-5708>

Abstract. The urgency of the problem chosen for the study is due to modern changes in the educational environment and the high demand to develop human resources in the education sector. The purpose of the article is to identify and substantiate pedagogical conditions that contribute to the effective functioning of the system of pre-vocational pedagogical training of schoolchildren in the context of state educational policy. The content of the article includes a review of various approaches to defining the concept of "conditions," a detailed analysis of the current state of career guidance activities in schools and the problems identified by specialists. New approaches to the integration of different levels of education and the formation of a holistic system of support for students in professional self-determination are being investigated. Particular attention is paid to creation of integrated programs and innovative teaching methods aimed at attracting young people to pedagogical professions. The theoretical significance of the article is the development of a conceptual understanding of pre-professional pedagogical training, establishment of the contact between the different stages of the educational process and the development of recommendations to improve the quality of pedagogical training. Practical significance is expressed in specific recommendations for improving the present system of teacher training, including the introduction of specialized programs and practical tasks that stimulate interest in the teaching profession. The scientific novelty of the article is manifested in the identification of the features of pedagogical training in the context of global changes, the formulation of clear conditions that ensure the success of pre-professional pedagogical training, and the creation of a comprehensive methodology for assessing the effectiveness of the developed models. The results of the study confirm the need for an integrated approach to the organization of pedagogical training and the introduction of advanced technologies and methods that contribute to the achievement of high results in the vocational guidance of schoolchildren.

Key words: state educational policy; career guidance; pre-professional teacher training; psychological and pedagogical classes; cross-subject integration; value-semantic unity

For citation: Ponomareva O. S. Conditions for increasing the effectiveness of pre-professional pedagogical training of schoolchildren in the context of implementing the state educational policy. *Social and political researches*. 2025;4(29): 158–175. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-158>. <https://elibrary.ru/FQVITH>.

Введение

Современная образовательная среда характеризуется высокими темпами изменений, появлением новых технологий и методов обучения, расширением спектра образовательных результатов. Одним из ключевых направлений социального заказа системе школьного образования является формирование готовности выпускников к выбору актуальных для общества и государства векторов профессиональной само-реализации. При этом ориентация на педагогические профессии имеет вдвойне важное значение, поскольку решает не только социально значимую задачу развития кадрового потенциала отрасли образования, но и обеспечивает научный и технологический суверенитет страны в целом. Ведь для того, чтобы рынок труда получил достаточное количество хорошо подготовленных специалистов во всех сферах, нужны грамотные учителя, закладывающие основы предметных знаний, воспитывающие интерес к учебе и самостоятельному познанию мира, формирующие критическое мышление и умение анализировать информацию. Таким образом, повышение эффективности допрофессиональной педагогической подготовки (*далее ДПП*) является одной из приоритетных задач государственной образовательной политики.

Важность повышения качества подготовки будущего учителя закреплена на государственном уровне [Концепция подготовки …, 2022; Концепция профильных …, 2021; Приказ Минобразования …, 2002], обоснована теоретически [Байбородова, 2024; Модестова, Кондракова, 2023; Скударёва, 2021; Успенский, 1999] и получила развитие в образовательной практике. Но несмотря на значительное количество исследований, посвященных проблемам профориентации школьников в педагогической сфере, многие аспекты ее организации остаются недостаточно изученными:

- вопросы содержательного наполнения части учебного плана, распределемой между участниками образовательных отношений;
- преемственность результатов ДПП и профессионального образования;
- выявление и апробация условий эффективности данного процесса.

Выявлению и обоснованию последних и посвящена данная статья.

Методология и методы исследования

Понятие «условия» в справочной и научной литературе определяется с разных точек зрения. Его трактовка зависит от подхода, который взят за основу при рассмотрении содержания данного термина. Можно выде-

лить *три базовых подхода*, раскрывающих отдельные составляющие понятия «условие (условия)»:

– лексический подход рассматривает лексическое значение этого слова и представлен в словарях. Например, словарь русского языка С. И. Ожегова предлагает несколько значений: «обстоятельство, от которого что-то зависит; обстановка, в которой что-то происходит; правило, установленное в какой-то сфере; требование, предъявляемое к кому-то (чему-то); соглашение о чем-то; данные, из которых следует исходить» [Ожегов, 2007, с. 588];

– философский подход определяет категориальный статус данного понятия, при этом за основу берется одно из его лексических значений, и характеризует условие как обстановку (среду), в которой происходит то или иное явление. Например, философский энциклопедический словарь предлагает следующие варианты: «То, от чего зависит нечто другое (обусловливаемое); существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия которого с необходимостью следует существование данного явления» [Философский энциклопедический …, 1983, с. 707];

– отраслевой подход раскрывает содержание термина в контексте сферы его употребления. Например, в словаре профессионально-педагогических понятий условия определяются в понятии «факторы», которые на что-то влияют [Профессионально-педагогические понятия, 2005]; в психологии похо-

жий вариант – причины, которые оказывают влияние на процесс [Немов, 2003].

Таким образом, содержание понятия «условия» зависит от сферы применения, при этом психолого-педагогическая сфера, рассматривая процессы, связанные с развитием и воспитанием человека, особое внимание обращает на то, что оказывает влияние на их протекание, поэтому и сущность понятия «условия» раскрывается через данные категории.

Данное исследование рассматривает педагогические условия эффективности ДПП в контексте государственной образовательной политики в двух аспектах:

– как элемент системы оценки качества отдельных компонентов ДПП (цели, содержание, формы деятельности, результаты), обеспечивающих ее успешное функционирование;

– как основания для характеристики ролевых позиций субъектов ДПП, оказывающих непосредственное влияние на продуктивность их взаимодействия.

Результаты исследования

Введение новых условий в образовательный процесс требует анализа текущего состояния изменяющегося объекта, поэтому прежде чем формулировать предложения по повышению эффективности ДПП школьников, остановимся на краткой характеристике ключевых направлений государственной образовательной политики в области профориентации.

При анализе вопросов государственного управления профориентационной деятельностью образовательных учреждений С. О. Кропивянская и Т. И. Березина подчеркивают наличие общих тенденций:

- осознание значимости профессионального ориентирования молодежи;
- внедрение современных цифровых технологий и онлайн-ресурсов в процесс выбора профессий;
- ориентация на потребности экономики будущего и обеспечение технологического суверенитета государства;
- использование воспитательных, образовательных и социально-воспитательных ресурсов для формирования профессиональных предпочтений обучающихся [Кропивянская, 2025].

Ряд исследователей выделяет направления, нуждающиеся в согласовании подходов: усиление роли государственных регуляторов в сфере профориентации и необходимость развития научного потенциала педагогических исследований, поощрение в разнообразии методологических решений и инициативности школьных учреждений в рамках реализации мероприятий по профессиональному выбору учащимися учительских специальностей [Нечаев, 2024; Смердова, 2025].

Министерство просвещения РФ реализует профориентационные задачи в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» и национального проекта «Образование». С

1 сентября 2023 г. во всех школах Российской Федерации введена единая модель профориентационной деятельности, включающая набор практик и инструментов по семи направлениям: 1) профильные предпрофессиональные классы; 2) профориентационное содержание уроков; 3) цикл профориентационных занятий «Россия – Мои горизонты»; 4) практико-ориентированные профессиональные пробы; 5) профессионально направленные программы дополнительного образования; 6) профессиональное обучение по программам профессиональной подготовки; 7) взаимодействие с родителями или законными представителями. Во всех этих векторах может быть представлена:

- ДПП, направленная на создание новых и эффективных механизмов профессионального самоопределения обучающихся в контексте психолого-педагогической направленности;
- освоение ценностей психолого-педагогического образования для успешной социальной адаптации;
- уверенная ориентация выпускников в мире профессий с учетом потребностей рынка труда.

Наибольшие дискуссии вызывает организация работы психолого-педагогических классов. Анализ публикаций последних трех лет показал, что абсолютное большинство авторов признают психолого-педагогические классы и профильные психолого-педагогические группы эффективным инструментом профориентации. По мнению М. В. Антоновой, миссия их созда-

ния концептуально совпадает с миссией профориентации, направленной на выравнивание баланса между карьерными устремлениями выпускников и потребностями рынка труда [Антонова, 2023]. М. А. Ермохина отмечает, что такие классы позволяют не только повысить интерес к педагогической профессии, но и сформировать у молодежи новый взгляд на учительство как социально-гуманитарную миссию [Ермохина, 2024]. С. П. Гумарев считает, что «профориентационная работа в психолого-педагогических классах представляет собой системный подход к подготовке обучающихся к выбору профессии, обеспечивая комплексное развитие их личностных и профессиональных качеств» [Гумарев, 2024, с. 152]. И. А. Коноплева с соавторами доказывает важную роль психолого-педагогических классов в профессионально-педагогическом становлении личности. Проведенное исследователями эмпирическое исследование показало, что выпускники психолого-педагогических классов демонстрируют рост заинтересованности и стремления углубленно осваивать дисциплины психологической и педагогической направленности, положительно оценивают свои педагогические способности, осознают важность в развитии у себя ключевых качеств, значимых для успешного освоения педагогической профессии и формирования профессиональных компетенций в ходе всей образовательной траекто-

рии [Роль психолого-педагогических … , 2025]. Начальные знания и компетенции, приобретенные учениками в ходе занятий в психолого-педагогических классах, оказываются полезными не только для тех, кто выберет специальность педагога или психолога, но и для представителей других профессий, особенно ориентированных на работу с людьми, данный вывод подтвержден исследованиями Е. И. Казаковой [Казакова, 2023].

Допрофессиональная педагогическая подготовка не ограничивается форматом психолого-педагогических классов. Эффективным инструментом профessionионального ориентирования школьников А. В. Прохоров называет профессиональные пробы, как формат, направленный на создание моделирующих ситуаций, близких к реальной профессиональной деятельности [Прохоров, 2023]. Действительно, профессиональные пробы создают возможность активной вовлеченности школьников в процессы, характерные для конкретной области труда, позволяя оценить собственные склонности, способности и степень соответствия личным интересам выбранной профессии. При непосредственном участии учащиеся вникают в специфику той или иной специальности, понимают реальные требования, предъявляемые профессией, и делают осознанный выбор своего дальнейшего образовательного пути, помогают молодым

людям убедиться в правильности выбора именно педагогического направления своей карьеры.

По мнению Л. А. Кенда, развитию мотивов профессионального выбора способствует ведение учащимися педагогических групп портфолио, в котором накапливается материал, отражающий личные мысли о педагогах, педагогической профессии, впечатления от посещённых уроков и первом педагогическом опыте [Кенда, 2022]. И. Ю. Мильковской отмечаются возможности интеграции общего и дополнительного образования для решения задач популяризации педагогических профессий среди старшеклассников [Мильковская, 2022]. Ю. В. Кудинова отмечает важность профессионального воспитания будущих педагогов, предлагаая использовать для его организации потенциал внеурочной деятельности [Кудинова, 2024].

В научных публикациях также присутствует мнение, что ДПП можно получить в рамках любого направления профильного образования. Так, в статье Е. А. Малининой доказывается, что для каждого конкретного профиля характерно собственное разнообразие человекоориентированных профессий. При этом автор утверждает, что целесообразнее всего, чтобы специализированные психолого-педагогические дисциплины занимали позицию «надстроечных» элементов системы подготовки, осваиваемых студентами преимущественно в процессе дополнительного обучения вне ра-

мок основной программы. Так, в естественно-научном профиле базисом является углубленное изучение биологии, химии и математики, тогда как ценной надстройкой могут стать предметы, направленные на формирование профессионально значимых компетенций педагога и психолога. По мнению исследователя, подобная структура обеспечивает гармоничное сочетание специализированной предметной подготовки и необходимой общегуманистической составляющей, способствующей успешной социализации выпускников и расширению спектра возможностей трудоустройства [Малинина, 2024].

Таким образом, анализ существующих подходов к организации ДПП как направления профориентационной работы показывает важность как оптимизации конкретных элементов данной системы, так и необходимости выявления потенциала отдельных педагогических методов и инструментов, способствующих решению задач осмысленного личностного выбора профессии учителя.

Предлагаемые нами варианты педагогических условий повышения эффективности ДПП на уровне общего среднего образования и обеспечения продуктивного решения отдельных задач работы с педагогически одаренными школьниками позволяют раскрыть возможности исследуемой подсистемы непрерывного педагогического образования в контексте государственной образовательной политики. К таким условиям мы отнесли:

- объединение ресурсов образовательных организаций основного, дополнительного, среднего профессионального, высшего и дополнительного профессионального образования;
- интеграция предметной и общей психолого-педагогической составляющей в содержании программ ДПП;
- поддержание ценностно-смыслового единства содержания ДПП в его теоретической и практической составляющих;
- проектирование разноуровневого пространства самоактуализации, самореализации и самоопределения обучающихся в психолого-педагогической деятельности;
- формирование единой системы преемственных результативных ориентиров ДПП и диагностического инструментария для их выявления и оценивания;
- обеспечение высокого уровня субъектности будущих педагогов в процессе личностного развития и профессионального самоопределения;
- развитие у педагогов-кураторов ДПП компетенций, необходимых для продуктивного решения задач при сопровождении ДПП школьников.

Далее подробно рассмотрим каждое из условий.

Первое условие – «объединение ресурсов различных образовательных организаций» – ориентировано на продвижение в решении следующих проблем:

- отсутствие специального профиля во ФГОС СОО: среда, обладающая обозначенными в условии

рактеристиками, позволит перевести ДПП на надпредметный уровень и актуализирует ее возможности для личностного развития и самореализации не только для обучающихся в психолого-педагогических классах и профильных психолого-педагогических группах, но и расширит возможности в освоении универсальных педагогических компетенций школьниками, выбравшими предметные профили в рамках системы дополнительного образования, выполнение индивидуальных проектов и участие в конкурсах и олимпиадах педагогической направленности;

– недостаточная проработанность нормативно-правой базы и отсутствие единых требований к допрофессиональной педагогической подготовке: в рамках реализации данного условия возможна реализация модели, в которой возможно согласование целевых, результативных, содержательных и нормативных ориентиров, как минимум, на региональном, а, в перспективе, и на федеральном уровнях.

Второе условие – «интеграция предметной и общей психолого-педагогической составляющей в содержании программ ДПП» – призвано решать проблему ограниченности существующего перечня профилей среднего общего образования. Поскольку в предметных профилях теряется специфика психолого-педагогической направленности, а при реализации программ психолого-педагогических классов в универсальном профиле снижается потенциал углубленный подго-

товки в предметной сфере, интегративный потенциал ДПП приобретает не только научное, но и управленческое значение. Реализация данного условия создает возможность для взаимосвязи целевых приоритетов всех заинтересованных сторон (социальных заказчиков (органы управления образованием, родители), организаторов (образовательные организации и педагоги)) и обучающихся.

Третье условие – «поддержание ценностно-смыслового единства содержания теории и практики ДПП» – ориентировано на решение проблем отсутствия единого понимания содержания программ и дублирования в них содержания учебных дисциплин психолого-педагогического цикла, реализуемых в организациях среднего профессионального и высшего образования. Одной из причин появления данных проблем можно считать отсутствие единых ценностно-смысловых ориентиров и принципов в проектировании содержания подготовки педагогических кадров на разных этапах. В данном случае традиционные российские духовно-нравственные ценности и ценности педагогической профессии обретают не только аксиологический, но и технологический смысл, поскольку позволяют определить приоритеты в отборе базовой составляющей содержания педагогической подготовки в целом и конкретизировать его с учетом приоритетных целевых и результирующих ориентиров для допрофессионального этапа.

Условия – «проектирование разноуровневого профессионально ориентированного пространства для самоактуализации, самореализации, самоопределения обучающихся в практико-ориентированной психолого- и социально-педагогической деятельности через систему профессиональных проб» и «обеспечение высокого уровня субъектности будущих педагогов в процессе личностного развития и профессионального самоопределения» тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они предусматривают решение проблем, связанных с ограниченным использованием ресурсов учебной и внеучебной деятельности при проектировании рабочих программ для профильных классов и групп и достаточно скромным спектром используемых для их реализации форматов, ориентированных на поддержание высокого уровня субъектности обучающихся, предоставление им возможности для выстраивания индивидуального образовательного маршрута. Ориентация на формирование субъектной позиции в лично значимой для школьника деятельности позволит выстроить отбор педагогических средств так, чтобы обеспечить включение будущих педагогов в профессионально направленную практическую деятельность уже на этапе выбора профессии.

Условие, связанное с формированием единой системы преемственных результативных ориентиров ДПП и диагностического инструментария для их выявления и оценивания, нацелено на решение

О. С. Пономарева

проблемы неразработанности подходов к определению результатов и отсутствие системы их оценки. Поскольку предусматривает выделение базовых результатов допрофессионального этапа педагогической подготовки на основе корреляции и дифференциации требований к метапредметным и личностным результатам, зафиксированным во ФГОС СОО, позиций, обозначенных в нормативно-правовых документах, определяющих требования к профессиональной педагогической подготовке (ФГОС СПО и ФГОС ВО УГСН 44.00.00 «Образование и педагогические науки»), и требований профессиональных стандартов.

Проблема подготовки педагогических кадров для сопровождения обучающихся в процессе ДПП не выделялась нами как самостоятельная тем не менее последнее, из предлагаемых нами условий, касается развития у педагогов-кураторов компетенций, необходимых для продуктивного решения задач сопровождения ДПП школьников. Данное условие предусматривает выявление профессиональных дефицитов педагогов и определение приоритетов компетентностной составляющей их подготовки как основы для разработки программ их профессионального развития.

С целью первичной апробации теоретически выявленных педагогических условий, а также для ранжирования их по степени сочетания необходимости и достаточности был применен метод экспертной оценки. В качестве экспертов выступили 5 кураторов психолого-

педагогических классов из 4-х регионов (г. Москва – 2 человека и по 1 человеку из г. Санкт-Петербург, Ярославской области и Чеченской республики) и 5 преподавателей педагогических вузов (МГПУ, МГППУ, РГПУ им. А. И. Герцена, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, ЧГПУ), координирующих взаимодействие с психолого-педагогическими классами своего региона.

Экспертная оценка осуществлялась методом анкетирования с помощью онлайн-платформы Яндекс-Формы. Экспертом было предложено оценить каждое из педагогических условий по 5 критериям (К№), по пятибалльной шкале:

К1 – условие обеспечивает оптимизацию процесса ДПП школьников (где 1 – совсем не обеспечивает, а 5 – максимально обеспечивает);

К2 – условие соответствует целям и задачам государственной образовательной политики в сфере ДПП школьников (где 1 – совсем не соответствует, а 5 – полностью соответствует);

К3 – условие влияет на результаты ДПП (где 1 – минимально влияет, а 5 – максимально влияет)

К4 – сложность реализации условия на практике (где 1 – практически не реализуемо, а 5 – полностью реализуемо)

К5 – условие требует дополнительных материально-технических вложений (где 1 – требует существенных вложений, а 5 – не требует).

В итоге для каждого педагогического условия был получен средний балл по каждому из пяти кри-

териев, а также общий средний балл относительно которого было проведено ранжирование, позволившее обосновать, какие из условий следует признать ключевыми, а какие могут быть вспомогательными. Результаты ранжирования представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты экспертной оценки педагогических условий ДПП

№	Условие	K1 (ср.балл)	K2 (ср.балл)	K3 (ср.балл)	K4 (ср.балл)	K5 (ср.балл)	Общий средний балл
1	Объединение ресурсов образовательных организаций основного, дополнительного, среднего профессионального, высшего и дополнительного профессионального образования	4,3	4,7	3,8	3,9	4,1	4,16
2	Интеграция предметной и общей психолого-педагогической составляющей в содержании программ ДПП	4,6	4,8	4,7	3,6	4,8	4,5
3	Поддержание ценностно-смыслового единства содержания ДПП в его теоретической и практической составляющих	4,4	4,9	4,8	3,8	4,3	4,44

№	Условие	K1 (ср.балл)	K2 (ср.балл)	K3 (ср.балл)	K4 (ср.балл)	K5 (ср.балл)	Общий средний балл
4	Проектирование разноуровневого пространства самоактуализации, самореализации и самоопределения обучающихся в психолого-педагогической деятельности	4,1	4,3	4,6	4,0	4,1	4,22
5	Формирование единой системы преемственных результативных ориентиров ДПП и диагностического инструментария для их выявления и оценивания	4,2	4,1	3,8	3,2	3,1	3,68
6	Обеспечение высокого уровня субъектности будущих педагогов в процессе личностного развития и профессионального самоопределения	3,7	4,6	4,4	3,4	4,8	4,18
7	Развитие у педагогов-кураторов ДПП компетенций, необходимых для продуктивного решения задач сопровождения ДПП школьников	3,8	4,8	4,7	4,1	3,1	4,1

Как видно из таблицы 1, предложенные условия можно дифференцировать на обязательные (условия № 2, 3 и 4) и опциональные (условия № 1, 5, 6, 7). При этом реализация их в комплексе может быть использована не только для проектирования системы ДПП в целом, но и как ориентир для разработки отдельных ее элементов.

Заключение

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, позволяет сделать следующие выводы относительно условий повышения эффективности ДПП школьников:

1. Объединение усилий образовательных структур разного уровня может способствовать созданию целостной среды для формирования педагогических компетенций, обеспечивая доступность специализированных курсов и развивающих активностей даже для учащихся, не участвующих непосредственно в психолого-педагогических классах.

2. Интеграция межпредметных связей будет помогать школьникам одновременно развивать предметные компетенции и получать общее представление о педагогической деятельности, способствуя профессиональному росту и повышению интереса к преподавательским профессиям.

3. Использование традиционных российских духовно-нравственных ценностей и педагогических этических норм в программах ДПП укрепит связь между личностным ростом обучающихся и потребностью общества в квалифицированных специалистах образовательной отрасли.

4. Создание разноуровневого пространства для самоактуализации, самореализации и самоопределения обучающихся в психолого-педагогической деятельности позволит школьникам активно погружаться в практические ситуации, схожие с настоящей профессиональной деятельностью, что стимулирует их внутреннюю мотивацию, развивает необходимые профессиональные компетенции и формирует реалистичное представление о профессии педагога.

Таким образом, повышение эффективности ДПП предполагает комплексный подход, сочетающий организационно-методологические меры и целенаправленную поддержку личностного роста участников образовательного процесса. Эти мероприятия способствуют формированию устойчивого интереса к педагогическим профессиям, повышают конкурентоспособность будущих специалистов и укрепляют кадровый потенциал отечественной образовательной системы.

Библиографический список

1. Антонова М. В. Новые профориентационные форматы в проекте «профессиональные психолого-педагогические классы» // Глобальный научный потенциал. 2023. № 2(143). С. 49–52.

2. Байбородова Л. В. Обоснование критериев и показателей для изучения результатов и эффективности допрофессиональной педагогической подготовки школьников // Мониторинг реализации концептуальных положений допрофессиональной педагогической подготовки школьников: Коллективная монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. С. 7–22.
3. Гумарев С. П. Влияние профориентационных мероприятий на выбор профессиональной траектории обучающихся психолого-педагогических классов // Современный учитель – взгляд в будущее : материалы Международного научно-образовательного форума. В 2-х частях, Екатеринбург, 21–22 ноября 2024 года. Екатеринбург : УрГПУ, 2024. С. 149–155.
4. Ермохина М. А. Психолого-педагогический класс как инструмент профессиональных проб школьников // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-3. С. 163–165.
5. Казакова Е. И. Психолого-педагогические классы: содержание деятельности. URL: <https://rao.rusacademu.ru>. (дата обращения: 28.08.2025).
6. Кенда Л. А. Проект «от увлечения – к педагогической профессии» // Педагогические классы: опыт и перспективы : Материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 21 апреля 2022 года / под ред. А. И. Жука, А. В. Позняк. Минск : БГПУ имени Максима Танка, 2022. С. 196–200.
7. Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года, утвержденная распоряжением правительства Российской Федерации от 24 июня 2022 г. № 1688-р. URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404830447/> (дата обращения: 10.10.2025).
8. Концепция профильных психолого-педагогических классов. Министерство просвещения РФ, ФГАОУ ДПО «Академия реализации государственной политики и профессионального развития работников образования Министерства просвещения Российской Федерации», 2021. 23 с.
9. Кропивянская С. О. К вопросу о тенденциях в государственной политике, теории и практике в области организации профориентационной работы общеобразовательных учреждений / С. О. Кропивянская, Т. И. Березина // Гуманитарные исследования Центральной России. 2025. № 1(34). С. 59–68. DOI 10.24412/2541-9056-2025-134-59-68.
10. Кудинова Ю. В. Профессиональное воспитание обучающихся профильных психолого-педагогических классов // Воспитание и социализация в современной социокультурной среде : сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25–29 ноября 2024 года. Санкт-Петербург : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. С. 150–155.
11. Малинина Е. А. Роль профильных классов в формировании готовности школьников к выбору человекоцентрированных профессий // Педагогика. 2024. Т. 88, № 4. С. 67–72.
12. Мильковская И. Ю. Предпрофессиональная подготовка как интеграция общего и дополнительного образования // Современные проблемы профессионального образования: тенденции и перспективы развития : сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции, Калуга, 12 ноября 2021 года. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2022. С. 445–451.

13. Модестова Т. В. Классы психолого-педагогической направленности: особенности субъектов образовательного процесса / Т. В. Модестова, И. Э. Кондратова // Академический вестник. Вестник Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. 2023. № 2(60). С. 17–23.
14. Немов Р. С. Психология : Словарь-справочник : В 2 ч. Москва : ВЛАДОС-Пресс, 2003. Ч. 1. 304 с.
15. Нечаев М. П. Реализация Единой модели профессиональной ориентации обучающихся в фокусе проблем педагогического совета // Профильная школа. 2024. Т. 12, № 6. С. 52–56. DOI 10.12737/1998-0744-2025-12-6-52-56.
16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва : ИТИ Технологии, 2007. 938 с.
17. Приказ Минобразования РФ от 18.07.2002 N 2783 «Об утверждении Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования». URL: <https://base.garant.ru/184895/?ysclid=mgpelcs57k93460586> (дата обращения: 02.09.2025).
18. Профессионально-педагогические понятия: Слов. / сост. Г. М. Романцев, В. А. Федоров, И. В. Осипова, О. В. Тарасюк ; под ред. Г. М. Романцева. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. 456 с.
19. Прохоров А. В. Профессиональная проба как инструмент профориентационной работы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 2. С. 258–266. DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-2-258-266.
20. Роль психолого-педагогических классов в профориентационной работе общеобразовательной школы / И. А. Коноплева, А. В. Герасимова, В. С. Коноплева, А. В. Прозоров // Известия Балтийской государственной академии рыбопромышлового флота: психолого-педагогические науки. 2025. № 1(71). С. 60–65. DOI 10.46845/2071-5331-2025-1-71-60-65.
21. Скударёва Г. Н. Педагогический класс как субъект допрофессионального педагогического образования / Г. Н. Скударёва, В. Л. Бенин // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. №3(93). С. 82–94.
22. Смердова В. О. Роль школы и организации высшего образования в профессиональной ориентации обучающихся на педагогические профессии / В. О. Смердова, М. В. Лазарева // Актуальные вопросы педагогики и психологии: от теории к практике : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20–21 февраля 2025 года. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2025. С. 128–131.
23. Успенский В. Б. Теоретические и методические основы допрофессиональной педагогической подготовки школьников Ушинского. Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1999. 235 с.
24. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильин [и др.]. Москва : Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.

Reference list

1. Antonova M. V. Novye proforientacionnye formaty v proekte «profil'nye psihologo-pedagogicheskie klassy» = New career guidance formats in the project “specialized psychological and pedagogical classes” // Global'nyj nauchnyj potencial. 2023. № 2(143). S. 49–52.

2. Bajborodova L. V. Obosnovanie kriteriev i pokazatelej dlja izuchenija rezul'tatov i effektivnosti doprofessional'noj pedagogicheskoy podgotovki shkol'nikov = Justification of criteria and indicators for studying the results and effectiveness of pre-professional pedagogical training of schoolchildren // Monitoring realizacii konceptual'nyh polozhenij doprofessional'noj pedagogicheskoy podgotovki shkol'nikov: Kollektivnaja monografija. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2024. S. 7–22.
3. Gumarev S. P. Vlijanie proforientacionnyh meroprijatij na vybor professional'noj traektorii obuchajushhihsja psihologo-pedagogicheskikh klassov = The influence of career guidance measures on the choice of the professional trajectory of students in psychological and pedagogical classes // Sovremennyj uchitel' – vzgljad v budushhee : Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma. V 2-h chastjah, Ekaterinburg, 21–22 nojabrja 2024 goda. Ekaterinburg : UrGPU, 2024. S. 149–155.
4. Ermohina M. A. Psihologo-pedagogicheskij klass kak instrument professional'nyh prob shkol'nikov = Psychological and pedagogical class as a tool for professional testing of schoolchildren // Problemy sovremennoj pedagogicheskogo obrazovaniya. 2024. № 84-3. S. 163–165.
5. Kazakova E. I. Psihologo-pedagogicheskie klassy: soderzhanie dejatel'nosti = Psychological and pedagogical classes: activity content. URL: <https://rao.rusacademedu.ru>. (data obrashhenija: 28.08.2025).
6. Kenda L. A. Proekt «ot uvlechenija – k pedagogicheskoj professii» = Project “from passion – to the teaching profession” // Pedagogicheskie klassy: opyt i perspektivy : Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Minsk, 21 aprelya 2022 goda / Pod redakcijej A. I. Zhuka, A. V. Poznjak. Minsk : BGPU imeni Maksima Tanko, 2022. S. 196–200.
7. Koncepcija podgotovki pedagogicheskikh kadrov dlja sistemy obrazovaniya na period do 2030 goda, utverzhdenija rasporjazheniem pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 iyunja 2022 g. № 1688-r = The concept of training teachers for the education system for the period up to 2030, approved by order of the Government of the Russian Federation of June 24, 2022 No. 1688-r. URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404830447/> (data obrashhenija: 10.10.2025).
8. Koncepcija profil'nyh psihologo-pedagogicheskikh klassov. Ministerstvo prosveshhenija RF = The concept of specialized psychological and pedagogical classes. Ministry of Education of the Russian Federation. FGAOU DPO «Akademija realizacii gosudarstvennoj politiki i professional'nogo razvitiya rabotnikov obrazovaniya Ministerstva prosveshhenija Rossijskoj Federacii», 2021. 23 s.
9. Kropivjanskaja S. O. K voprosu o tendencijah v gosudarstvennoj politike, teorii i praktike v oblasti organizacii proforientacionnoj raboty obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij = To the question of trends in public policy, theory and practice in the field of organization of career guidance work of educational institutions / S. O. Kropivjanskaja, T. I. Berezina // Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii. 2025. № 1(34). S. 59–68. DOI 10.24412/2541-9056-2025-134-59-68.
10. Kudinova Ju. V. Professional'noe vospitanie obuchajushhihsja profil'nyh psihologo-pedagogicheskikh klassov = Professional education at students of specialized psychological and pedagogical classes // Vospitanie i socializacija v sovremennoj sociokul'turnoj srede : sbornik nauchnyh statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 25–29 nojabrja 2024 goda. Sankt-Peterburg : Izdatel'sko-poligraficheskaja associaciya vysshih uchebnyh zavedenij, 2024. S. 150–155.

11. Malinina E. A. Rol' profil'nyh klassov v formirovaniyu gotovnosti shkol'nikov k vyboru chelovekocentrirovannyh professij = The role of specialized classes in shaping the readiness of schoolchildren to choose human-centered professions // Pedagogika. 2024. T. 88, № 4. S. 67–72.
12. Mil'kovskaja I. Ju. Predprofessional'naja podgotovka kak integracija obshhego i dopolnitel'nogo obrazovanija = Pre-vocational training as an integration of general and further education // Sovremennye problemy professional'nogo obrazovanija: tendencii i perspektivy razvitiya : sbornik nauchnyh statej II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kaluga, 12 nojabrja 2021 goda. Kaluga : KGU im. K.Je. Ciolkovskogo, 2022. S. 445–451.
13. Modestova T. V. Klassy psihologo-pedagogicheskoy napravленности: osobennosti sub'ektov obrazovatel'nogo processa = Psychological and pedagogical classes: features of the educational process subjects / T. V. Modestova, I. Je. Kondrakova // Akademicheskiy vestnik. Vestnik Sankt-Peterburgskoy akademii postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2023. № 2(60). S. 17–23.
14. Nemov R. S. Psichologija : Slovar'-spravochnik Psychology: Reference Dictionary : V 2 ch. Moskva : VLADOS-Press, 2003. Ch. 1. 304 s.
15. Nechaev M. P. Realizacija Edinoj modeli professional'noj orientacii obuchajushchihsja v fokuse problem pedagogicheskogo soveta = Implementing the unified model of vocational guidance for students in the focus of the pedagogical council problems // Profil'naja shkola. 2024. T. 12, № 6. S. 52–56. DOI 10.12737/1998-0744-2025-12-6-52-56.
16. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij = Explanatory dictionary of the Russian language 80,000 words and phraseological expressions / S. I. Ozhegov i N.Ju. Shvedova; Ros. akad. nauk, In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. Moskva : ITI Tehnologii, 2007. 938 s.
17. Prikaz Minobrazovaniya RF ot 18.07.2002 N 2783 «Ob utverzhdenii Koncepcii profil'nogo obuchenija na starshej stupeni obshhego obrazovanija» = Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 18.07.2002 N 2783 “On approval of the Concept of specialized education at the senior level of general education”. URL: <https://base.garant.ru/184895/?ysclid=mgpelcs57k93460586> (data obrashhenija: 02.09.2025).
18. Professional'no-pedagogicheskie ponjatija: Slov = Professional and pedagogical concepts: Words. / sost. G. M. Romancev, V. A. Fedorov, I. V. Osipova, O. V. Tarasjuk; Pod red. G. M. Romanova. Ekaterinburg : Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2005. 456 s.
19. Prohorov A. V. Professional'naja proba kak instrument proforientacionnoj raboty = Professional test as a tool for career guidance // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2023. T. 28, № 2. S. 258–266. DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-2-258-266.
20. Rol' psihologo-pedagogicheskikh klassov v proforientacionnoj rabote obshheobrazovatel'noj shkoly = The role of psychological and pedagogical classes in vocational guidance work at a secondary school / I. A. Konopleva, A. V. Gerasimova, V. S. Konopleva, A. V. Prozorov // Izvestija Baltijskoj gosudarstvennoj akademii rybopromyslovogo flota: psihologo-pedagogicheskie nauki. 2025. № 1(71). S. 60–65. DOI 10.46845/2071-5331-2025-1-71-60-65.

21. Skudarjova G. N. Pedagogicheskij klass kak sub#ekt doprofessional'nogo pedagogicheskogo obrazovanija = Pedagogical class as a subject of pre-vocational pedagogical education / G. N. Skudarjova, V. L. Benin // Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. 2021. №3(93). S. 82–94.
22. Smerdova V. O. Rol' shkoly i organizacii vysshego obrazovanija v professional'noj orientacii obuchajushhihsja na pedagogicheskie professii = The role of school and higher education in students' vocational orientation in pedagogical professions / V. O. Smerdova, M. V. Lazareva // Aktual'nye voprosy pedagogiki i psihologii: ot teorii k praktike : sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 20–21 fevralja 2025 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet tehnologij upravlenija i jekonomiki, 2025. S. 128–131.
23. Uspenskij V. B. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy doprofessional'noj pedagogicheskoy podgotovki shkol'nikov Ushinskogo = Theoretical and methodological foundations of pre-vocational pedagogical training of Ushinsky schoolchildren Jaroslavl' : JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 1999. 235 s.
24. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' = Philosophical Encyclopedic Dictionary / gl. red. L. F. Il'ichev i dr. Moskva : Sov. jenciklopedija, 1983. 839 s.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 378:004.85

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-176

EDN: GGNNKD

Направления трансформации инженерно-экономического образования в эпоху развития искусственного интеллекта

Татьяна Юрьевна Кротенко

Кандидат философских наук, доцент кафедры теории и организации управления, Государственный университет управления, г. Москва;

Академия управления и производства, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, г. Москва

krotenkotatiana@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7029-0822>

Аннотация. Данная статья посвящена поиску путей модернизации инженерно-экономического образования в период развития искусственного интеллекта. Мы ставим цель – выявить способы обновления учебных программ в соответствии с запросами современного рынка труда и технологическими сдвигами. Актуальность работы обусловлена тем, что включение тем, связанных с искусственным интеллектом, в обучение позволяет студентам формировать компетенции, критически важные для профессионального успеха. Параллельно мы исследуем методики внедрения интерактивных и практико-ориентированных форматов обучения. Методология изучения включает анализ существующих образовательных моделей, опросы студентов и преподавателей Государственного университета управления и Академии управления и производства, глубинные интервью с представителями бизнес-сообщества. Одна из задач исследования – понять, как курсы по работе искусственного интеллекта и интерактивные методики могут усилить подготовку будущих специалистов. Результаты уже на данный момент показывают, что использование этих методов существенно повышает уровень подготовки. Студенты отмечают, что разбор кейсов, групповые проекты, бизнес-симуляции дают более глубокое понимание дисциплин и развивают прикладные умения, необходимые в карьере. Преподаватели подчеркивают роль критического мышления в учебном процессе, которое помогает студентам анализировать и решать сложные проблемы. Управленцы уверены: выпускники со знанием искусственного интеллекта и опытом командной работы обладают высокой конкурентоспособностью на рынке. Выводы исследования могут быть полезны как для вузов, так и для компаний, поскольку выделяют основу для более эффективного партнерства между ними. Видится перспективным изучение этических и прикладных аспектов применения искусственного интеллекта в управлении, а также проектирование новых образовательных программ. Статья обосновывает необходимость своевременной адаптации инженерно-экономического образования к вызовам цифровой эпохи. Предположительно, с помощью такого процесса можно

подготовить квалифицированных специалистов, способных эффективно работать в условиях динамично меняющегося мира.

Ключевые слова: инженерно-экономическое образование; трансформация образовательной модели; методы обучения, практики в образовании; искусственный интеллект; изменения в технологиях; рынок труда; специалисты с высокой квалификацией

Для цитирования: Кротенко Т. Ю. Направления трансформации инженерно-экономического образования в эпоху развития искусственного интеллекта // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 176–195. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-176>. <https://elibrary.ru/GGNNKD>.

Original article

Directions for the transformation of engineering and economic education in the era of artificial intelligence development

Tatyana Yu. Krotenko

Candidate of philosophical sciences, associate professor at department of theory and organization of management, State university of management, Moscow;
Head of the department of social and humanitarian disciplines,
Academy of management and production, Moscow
krotenkotatiana@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7029-0822>

Abstract. This article is devoted to finding ways to modernize engineering and economic education in the period of artificial intelligence development. Our goal is to identify ways to update curricula in accordance with the demands of the modern labor market and technological shifts. The relevance of the work is due to the fact that the inclusion of AI-related topics in training allows students to develop competencies that are critical for professional success. In parallel, we study methods for implementing interactive and practice-oriented training formats. The study methodology includes an analysis of existing educational models, surveys of students and teachers of the State university of management and the Academy of management and production, in-depth interviews with representatives of the business community. One of the objectives of the study is to understand how AI courses and interactive methods can enhance the training of future specialists. The results already show that the use of these methods significantly improves the level of training. Students note that case studies, group projects, business simulations provide a deeper understanding of the disciplines and develop applied skills needed in a career. Teachers emphasize the role of critical thinking in the educational process, it helps students analyze and solve complex problems. Managers are confident that graduates with knowledge of AI and experience in teamwork are highly competitive in the market. The findings of the study can be useful for both universities and companies, as they reveal the basis for a more effective partnership between them. It seems promising to study the ethical and applied aspects of using AI in management, as well as design new educational programs. The article substantiates the need for timely adaptation of engineering and economic education to the challenges of the digital age. Presumably, this way is possible to train qualified specialists who are able to work effectively in a dynamically changing world.

Key words: engineering and economic education; transformation of the educational model; teaching methods; practices in education; artificial intelligence; changes in technology; labor market; highly qualified specialists

For citation: Krotenco T. Yu. Directions for the transformation of engineering and economic education in the era of artificial intelligence development. *Social and political researches*. 2025;4(29): 176–195. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-176>. <https://elibrary.ru/GGNNKD>.

Введение

Искусственный интеллект (*далее ИИ*) – уже не фантастика, не грядущая перспектива, а динамичная реальность. Нейросеть уверенно входит в жизнь. На наших глазах появляется облик новых технологий. А они, превращаясь в рабочие инструменты, меняют наши представления о завтрашнем дне. Сервисы образования, медицины, торговли, туризма становятся быстрее и качественнее. ИИ – это вполне надежный помощник бизнеса и управления. Он делает процессы проще и эффективнее, помогает людям работать продуктивнее. А главное – дает руководителям возможность принимать решения, опираясь на глубокий анализ данных. [Козлова, 2019; Куренной, 2020; Меренков, 2021].

И все эти перемены заставляют задуматься: *а успевают ли за ними традиционные программы обучения? Готовят ли они студентов к тем реалиям и запросам, которые диктует современный рынок?* Работодатели сегодня хотят видеть в выпускниках не только знатоков крепкой классической теории (хотя многие управленцы осознают пользу такого знания, поскольку на него можно надежно опереться) – от вы-

пускников все чаще ждут практического умения работать с технологиями ИИ, понимать их потенциал и ограничения [Аганбегян, 2021]. Современная ситуация ставит серьезный вызов для университетов и бизнес-школ. Вузы вынуждены пересматривать свои учебные программы и методы преподавания в ходе быстрого развития технологий. Возникает необходимость в освоении навыков, которые становятся жизненно важными в эпоху искусственного интеллекта. Это анализ больших данных, критическая оценка информации и способность находить нестандартные решения сложных задач.

Цель нашего исследования заключается в изучении того, каким образом следует изменить программы социально-инженерного образования в условиях технологического прогресса. На данном этапе (он завершен) мы стремились выяснить мнение студентов и преподавателей о текущей актуальности и эффективности образовательных программ, выслушать ожидания бизнеса от новых кадров на рынке труда, выявить ключевые области для улучшения обучения и предложить конкретные шаги для адаптации программ к современным тре-

бованиям [Бермус, 2020; Дятлов, 2020].

Сегодня, на наш взгляд, важно задумываться о подготовке управленцев, способных не просто разбираться в ИИ, но и умеющих применять его для оптимизации бизнес-процессов и принятия обоснованных решений. Наше исследование может стать некоторым ресурсом для вузов в попытках представителей высшего образования понять, что необходимо изменить, чтобы выпускники были успешны в цифровую эпоху и востребованы на рынке труда [Бурова, 2023; Кичерова, 2020].

Материалы и методы

В рамках данного исследования мы сознательно вышли за рамки единого методологического подхода, объединив анализ количественных данных с изучением качественных инсайтов, отражающих личные мнения и опыт участников. Такой комбинированный метод позволил нам глубже понять и проанализировать наиболее важные аспекты трансформации подготовки будущих управленцев в ходе стремительного развития ИИ.

Хотя в саму статью не вошел полноценный обзор всех публикаций по теме ИИ в образовании (мы решили его не включать ввиду объемности), эта подготовительная работа была для нас очень важной. Она помогла ухватить ключевые направления, обозначить основные проблемы в этой области и задала

вектор всего нашего дальнейшего анализа.

Мы опросили почти 100 студентов и 33 преподавателя базовых дисциплин в двух вузах: Государственный университет управления (далее ГУУ) и Академия управления и производства (далее АУП). Чтобы понять ситуацию по «другую сторону» образовательной системы, мы поговорили с представителями бизнеса – теми, кто-либо уже занимает выпускников этих вузов, либо мог бы это делать. Анкеты, и особенно детальные интервью оказались невероятно ценными. Указанные методы сбора информации позволили нам составить реальную картину того, как «внутри системы» видят ИИ, насколько студенты и преподаватели вообще считают дисциплины, связанные с ИИ, актуальными сейчас; что работает в обучении (эффективны ли новые, интерактивные методы преподавания на их взгляд); где кроется разрыв (соответствуют ли знания и навыки выпускников тому, что на самом деле ждут от них работодатели) [Байханов, 2023; Гольтияпина, 2023].

Нам показались крайне любопытными мнения, которые мы услышали от представителей бизнес-сообщества. Их ответы – это не просто список требований к выпускникам. Это по-настоящему ценный срез реальности: они показывают, что компании действительно ждут от новых кадров, и – что не менее важно – насколько

сами эти компании готовы внедрять новые технологии в свою ежедневную работу.

Более глубокий анализ данных выявил несколько ярких тенденций. Наблюдается большой разрыв между тем, чему учат в вузах, и тем, что нужно бизнесу «здесь и сейчас», часто идет параллельными курсами. Готовность к новому у трех элементов этой системы не одинаковая: и студенты, и преподаватели, и сами компании смотрят на необходимость перемен в образовании очень по-разному (кто-то рвется вперед, кто-то осторожничает). Технологии – палка о двух концах: да, ИИ открывает фантастические возможности для HR и управления, но одновременно ставит перед ними совершенно новые, неожиданные вызовы.

На основе проведенного анализа мы разработали конкретные, прикладные рекомендации. Они адресованы ключевым стейкхолдерам: создателям и модернизаторам образовательных программ, руководству вузов, а также специалистам по подбору персонала в компаниях, формирующими кадровый резерв будущих управленцев.

Значение наших предложений заключается в необходимости пересмотра подготовки управленцев в сторону повышенной динаминости, гибкости и практической ориентированности. Это достижимо, *во-первых*, через внедрение адаптивных учебных планов, способных быстро реагировать на изменения в

профессиональной среде. *Во-вторых*, требуется глубокая интеграция реальной практики в образовательный процесс, при сохранении прочной теоретической базы. И, *в-третьих*, нужен фокус на развитие компетенций будущего, критически важных для успешной деятельности выпускников в условиях цифровой трансформации.

Ключевой вывод этого этапа исследования таков: создание по-настоящему релевантных программ для управленцев нового поколения принципиально невозможно без установления постоянного и эффективного взаимодействия между академической средой и бизнесом. Такая синергия становится не просто желательной. Она – фундаментальное условие для подготовки востребованных специалистов.

Чтобы составить представление о точке зрения студентов по вопросу ИИ в образовательном процессе и их будущей профессиональной деятельности, было разработано и проведено анкетирование. Анкета включала пять ключевых вопросов, сфокусированных на определенных аспектах, которые представлены ниже:

«Насколько, по вашему мнению, важно включение дисциплин, посвященных искусственному интеллекту, в учебный план? Какие темы по ИИ вы считаете наиболее полезными для своей будущей карьеры?» (вопрос об актуальности ИИ для социально-инженерных программ).

«Используете ли вы инструменты на основе ИИ в процессе обучения в настоящее время? Если да, то для решения каких конкретных задач и с какой периодичностью (ежедневно, еженедельно, реже?)» (вопрос нацелен на понимание текущей практики использования ИИ).

«Какие навыки и умения, связанные с искусственным интеллектом, вы считаете критически важными для достижения успеха в управленческой деятельности в горизонте 5–10 лет?» (вопрос направлен на понимание личных карьерных приоритетов студентов и, возможно, ключевых компетенций будущего).

«Насколько вы открыты к внедрению новых образовательных форматов (таких как симуляторы, AI-тиюторы) в учебный процесс? Какие методы обучения, на ваш взгляд, демонстрируют большую эффективность по сравнению с традиционными лекциями?» (вопрос о восприятии инновационных форматов обучения).

«Как вы полагаете, какие знания и практические навыки в области искусственного интеллекта будут наиболее востребованы компаниями-работодателями при вашем трудуустройстве? (этот вопрос – об ожиданиях работодателей).

Такой подход, основанный на релевантных исследовательским задачам вопросах, представленных в доступной (не излишне академичной) форме, позволил получить полезные для нас данные. Результаты анкетирования дали достаточно объемное

понимание реального восприятия студентами новых технологий в образовании, уровня их готовности к трансформации учебного процесса и конкретных ожиданий относительно будущей профессиональной деятельности в условиях стремительно-го развития ИИ.

Ответы студентов помогли понять, насколько учебные программы отвечают запросам стремительной цифровой эпохи. Их личные оценки оказались просто неоценимыми, они показали куда больше, чем сухие цифры статистики.

Но чтобы картина была полной, мы, конечно, поговорили с преподавателями. Нам было важно понять, как сама академическая среда видит внедрение ИИ в учебу. Чтобы получить развернутые ответы на эти вопросы, мы подготовили анкету, затрагивающую пять ключевых сфер: вопрос о встраивании курсов с ИИ в учебный процесс, преподавательскую практику использования ИИ, навыки будущего с ИИ, мосты к бизнесу через ИИ, этика использования ИИ.

Первый вопрос. Мы просили преподавателей откровенно оценить, как на самом деле обстоят дела с включением тем ИИ в учебные планы их факультетов, указав на конкретные недостатки (в программах или методах преподавания) и зоны для немедленного улучшения.

Второй вопрос. Нас интересовало, какие методы работы с ИИ педагоги реально используют в ауди-

тории и, по их наблюдениям, насколько эти методы действительно помогают студентам освоить материал.

Третий вопрос. Мы обращались к экспертной оценке преподавателей, чтобы определить абсолютно необходимые компетенции в области ИИ для управленцев сегодня и завтра – то, без чего их подготовка будет неполной.

Четвертый вопрос. Мы выясняли мнения о том, как именно бизнес может наиболее эффективно участвовать в подготовке кадров: какие формы сотрудничества (стажировки, проекты, лекции практиков) дадут максимальный эффект для адаптации обучения к реальным рыночным потребностям.

Пятый вопрос. Понимая остроту проблемы, мы напрямую спрашивали, уделяется ли достаточное внимание этическим аспектам ИИ в текущих курсах. Нас интересовало, как преподаватели видят эволюцию этой «этической головоломки» в образовательном процессе и планируют ли они развивать данное направление.

Этот разговор с преподавателями дал нам очень многое. Мы увидели изнутри, какие реальные трудности мешают встроить ИИ в старые учебные планы; какие методы работают на практике, а какие – нет; чего сами педагоги ждут от подготовки студентов в эпоху ИИ; как они видят сотрудничество с бизнесом – что может получиться, а что вряд ли; какой этический груз несет за собой цифровая

трансформация и как к этому подступиться в аудитории.

Главное, что показали их ответы: преподаватели, в целом, хотят меняться и двигаться вперед. Эта готовность чувствуется, но... Одного желания мало, есть серьезные преграды: бюрократия, жесткие программы, нехватка ресурсов – все то, что мешает быстро перестроиться под новые реалии.

И особенно ярко прорвался один разрыв: практически все понимают, что ИИ – это важно и нужно прямо сейчас. Но когда дело доходит до конкретных действий по внедрению этих знаний в существующие курсы и программы – вот тут начинается самое сложное. Понимание есть, а возможностей – часто нет. Это, пожалуй, самый показательный результат опроса.

Результаты

Ниже приведены результаты анкетирования среди студентов второго курса ГУУ и АУП по ряду вопросов.

1. Актуальность и значимость курсов по ИИ в образовательной программе своего вуза:

- очень значимо: 46 % (46 анкет);
- значимо: 35 % (35 анкет);
- не слишком значимо: 14 % (14 анкет);
- не значимо: 5 % (4 анкеты).

Студенты выделили следующие важные темы для изучения (можно было выбирать несколько позиций): машинное обучение (54 % ответов), анализ данных (18 %),

этика ИИ (15 %), автоматизация процессов (13 %).

2. Практическое применение ИИ-технологий, применение ИИ в учебных проектах и исследованиях:

– да, активно использую: 25 % (25 анкет);

– да, иногда использую: 40 % (41 анкета);

– нет, но планирую: 20 % (19 анкет);

– нет, не интересуюсь: 15 % (14 анкет).

3. Важные навыки для карьеры в управлении. Студенты выделили наиболее востребованные компетенции:

– аналитические навыки: 27 % (27 анкет);

– знание программирования: 23 % (23 анкет);

– критическое мышление: 21 % (21 анкеты);

– умение работать с данными: 17 % (17 анкет);

– этические аспекты использования ИИ: 12 % (11 анкет).

4. Внедрение интерактивных методов обучения:

– очень полезны: 52 % (52 анкеты);

– полезны: 30 % (30 анкет);

– нейтральны: 14 % (14 анкет);

– бесполезны или даже вредны:

4 % (3 анкеты).

5. Ожидания от работодателей в плане использования ИИ в работе:

– высокие ожидания: 62 % (62 анкеты);

– средние ожидания: 28 % (28 анкеты);

– низкие ожидания: 10 % (9 анкет).

Распределение ответов преподавателей базовых дисциплин этих же вузов (ГУУ и АУП) на предложенные вопросы.

1. Уровень интеграции курсов по искусственному интеллекту на данный момент. Необходимые и полезные изменения:

– высокий уровень: 30 % (10 чел. из 33);

– умеренный уровень: 39 % (13 чел. из 33);

– низкий уровень: 22 % (7 чел. из 33);

– очень низкий уровень: 9 % (3 чел. из 33);

– назревшие изменения: увеличение количества курсов по ИИ (70 %. 23 анкеты из 33), внедрение практических занятий (50 %, 17 анкет из 33), сотрудничество с ИТ-компаниями (40 %, 13 анкет из 33).

2. Используемые в своем преподавании методы обучения ИИ и их эффективность:

– лекции и семинары: 36 % (12 чел.);

– практические занятия: 34 % (11 чел.);

– проектная работа: 15 % (5 чел.);

– интерактивные методы (симуляции, игры): 15 % (5 чел.);

– эффективность методов: высокая (30 %), средняя (50 %), низкая (20 %).

3. Основные навыки и компетенции для студентов (которые необходимо развивать) в контексте ИИ в управлении:

– аналитические навыки: 31 % (10 чел.);

– знание программирования: 27 % (9 чел.);

– критическое мышление: 24 % (8 чел.);

– умение работать с данными: 9 % (3 чел.);

– этические моменты использования ИИ: 9 % (3 чел.);

4. Роль партнерства с бизнесом в подготовке студентов:

– очень важная роль: 70 % (23 чел.);

– важная роль: 21 % (7 чел.);

– неважная роль: 9 % (3 чел.);

– эффективные формы сотрудничества: стажировки (70 %, 23 ответа), совместные проекты (61 %, 20 ответов), приглашение специалистов из бизнеса для лекций (52 %, 17 ответов).

5. Этические аспекты использования ИИ в управлении и их интеграция в курсы:

– очень важно: 67 % (22 чел.);

– важно: 24 % (8 чел.);

– не важно: 9 % (3 чел.);

– способы интеграции: отдельные лекции (61 %, 20 ответов), обсуждение кейсов (48 %, 16 ответов), включение в проектные работы (24 %, 8 ответов).

Итак, главное, что показало наше исследование: и студенты, и преподаватели по-настоящему хотят глубже разбираться в ИИ. Это не просто формальный интерес, дань моде, нежелание показаться отсталым, – это запрос на знания.

Но одного желания мало. Наши данные указывают на три вещи, которые требуют немедленного разрешения.

Первое, переработать программы: учеба должна стать максимально практической. Меньше абстракции, больше реальных кейсов и инструментов, с которыми выпускники непременно столкнутся на работе.

Второе, крепче держаться за бизнес: без тесного партнерства с компаниями не обойтись. Нужны стажировки, совместные проекты, эксперты из индустрии – чтобы обучение не отрывалось от жизни.

Третье, не забывать про «что можно и нельзя»: этика и право в сфере ИИ – это не абстракция, а насущная необходимость. Будущих управленцев нужно учить не только как использовать ИИ, но и где проходит граница его применения. Эти компетенции должны стать стержневыми.

Подводя итоги по опросам студентов и преподавателей, можно сделать такой вывод: пора активнее перестраивать обучение под запросы времени, делая ставку на практику, партнерство с бизнесом и ответственность. Результаты нашего исследования – четкий сигнал к действию.

Результаты интервью с управленцами

Чтобы понять, чего действительно ждет бизнес от вузов, мы провели глубинное интервью с 17 топ-менеджерами из разных отраслей. Их мнения явно обозначили ключевые моменты во взаимодействии образования и бизнеса. Все без исключения руководители назвали такое партнерство страте-

Т. Ю. Кротенко

гически необходимым для подготовки кадров, отвечающих сегодняшним реалиям рынка [Бодрунов, 2017; Кузу, 2020].

По словам работодателей, основная «болевая точка» – это то, что разрыв между теорией и практикой все еще велик. Один из респондентов выразил это ярко: «Мы часто видим, что выпускникам нужно еще 6–12 месяцев доучиваться уже у нас, чтобы полноценно включиться в работу» (здесь и далее в комментариях респондентов сохранена авторская орфография и пунктуация).

Что должно быть в программах? Топ-менеджеры единодушно настаивают, что учебные планы обязательно должны включать технологии ИИ и Big Data, цифровые инструменты управления, практико-ориентированный подход.

Как сотрудничать эффективно? Руководители выделили *три главных направления*: совместная разработка программ (вуз плюс бизнес); качественные стажировки и действующие полезные проекты; привлечение практиков к преподаванию.

«Скорость изменения технологий требует соответствующей скорости обновления учебных программ», – подчеркнул руководитель ИТ-департамента крупной корпорации. Эту мысль поддержали многие, предлагая конкретные решения: модульную систему обучения (гибкое обновление блоков); краткосрочные интенсивы по актуальным темам; регулярный мониторинг востребованных компетенций.

Как оценивать результат?

Участники предложили четкие критерии: процент трудоустройства выпускников; скорость их адаптации на рабочем месте.

И еще, очень важна обратная связь, она – ключ к успеху. Наставники в компаниях должны представлять оценку подготовке. Самые перспективные форматы сотрудничества, по мнению респондентов: корпоративные кафедры/учебные центры; совместные R&D проекты; программы наставничества; кейс-чемпионаты и хакатоны.

Как метко выразился генеральный директор производственного предприятия: «Сегодня успешное партнерство бизнеса и образования – это не благотворительность, а стратегическая инвестиция в будущее компаний». Этот тезис отражает общую позицию работодателей: наши данные показывают их готовность к более активной роли в образовательном процессе, но при условии большей гибкости со стороны вузов.

Мнение бизнеса – это неконвенциональный голос практики. Высказывания респондентов иллюстрируют их взгляд на ключевые аспекты сотрудничества:

«Практические навыки особенно ценятся работодателями. Мы активно сотрудничаем с университетами, организуя стажировки и реальные проекты... Это помогает студентам стать более уверенными и подготовленными, а нам – легче находить подходящих сотрудников.» (К вопросу об активном вовлечении студентов в реальные за-

дачи через стажировки и проекты, это ключ к их востребованности).

«Мы регулярно делимся с университетами своим мнением о том, какие навыки и знания нужны... Такое сотрудничество помогает вузам... подстроить образовательные программы под реальные потребности.» (Таким образом обсуждается постоянная обратная связь от бизнеса, она – необходимое условие для актуализации учебных планов).

«Современные проблемы требуют сочетания разных знаний... Мы бы хотели видеть больше программ, объединяющих бизнес, технологии и гуманитарные науки... Это помогает развить широкий кругозор и навыки для решения сложных задач.» (Речь идет о том, что будущее за интеграцией знаний, а не узкой специализацией).

«Университеты могут стать центрами новаторства, активно сотрудничая с бизнесом». Другой респондент выразил ту же мысль иначе: «Современные университеты должны стать не просто образовательными учреждениями, а центрами инноваций... Мы рассматриваем партнерство как взаимовыгодное сотрудничество: готовы инвестировать в совместные исследовательские проекты, стартап-акселераторы и прикладные разработки...» (Суть высказываний: бизнес видит в вузах стратегических партнеров для создания инновационной экосистемы, способной генерировать новые решения, кадры и рабочие места).

Работодатели единогласно выделяют это как критически важное

направление. Как пояснил HR-директор технологической компании: «В условиях стремительной цифровизации профессиональные знания устаревают быстрее, чем заканчивается стандартный учебный цикл. Поэтому мы активно поддерживаем инициативы по созданию гибких программ дополнительного образования – от краткосрочных курсов до полноценных модулей повышения квалификации. Это позволяет специалистам оставаться востребованными на рынке».

Где бизнес видит точки роста для сотрудничества с вузами? Четко обозначены три ключевых вектора: во-первых, совместные образовательные проекты, разработка программ «под ключ» с привлечением отраслевых экспертов, внедрение дуального обучения, основанного на реальных бизнес-кейсах; во-вторых, инфраструктура для инноваций: создание R&D-центров и бизнес-инкубаторов на базе университетов, поддержка студенческих стартапов с фокусом на коммерциализацию идей; в-третьих, система непрерывного развития: корпоративные программы переподготовки для выпускников; микро-курсы по самым актуальным технологическим трендам.

Практика подтверждает, что такой симбиоз образования и бизнеса приносит ощутимые выгоды всем сторонам. Студенты получают непосредственный доступ к актуальным знаниям и практическому опыту. Бизнес же обретает уникальную возможность формировать кадровый резерв, уже об-

ладающий нужными компетенциями. Один из участников исследования резюмировал: «Сегодня успешное трудоустройство выпускников – не конечная точка, а начало длительного сотрудничества между специалистом, вузом и работодателем».

Таким образом, укрепление партнерства между вузами и бизнесом – уже не опция, а ключевой фактор для подготовки специалистов нового типа. Речь идет о кадрах, способных не просто адаптироваться к стремительным изменениям, но активно формировать будущее, задавая новые стандарты в своих отраслях.

SWOT-анализ изменения инженерно-экономического образования в цифровую эпоху

Современные образовательные технологии не только открывают новые горизонты для студентов и преподавателей – они превращают обучение в захватывающий процесс, где каждый может двигаться в своем темпе.

Адаптивное обучение и современные цифровые ресурсы открывают значительные перспективы для повышения вовлеченности студентов и качества усвоения знаний. Фокус образования все больше смещается на потребности обучающихся. Однако внедрение цифровых практик сопряжено с комплексом задач. Это и масштабная переподготовка преподавателей, и инвестиции в технологическую инфраструктуру, и время для адаптации педагогического сообщества к

новым реалиям. Несомненно, учебные заведения сегодня обладают уникальным потенциалом. Уже сейчас можно смело представить программы, где академические знания органично дополняются практическим опытом ведущих компаний, а онлайн-форматы обеспечивают доступность образования. Таланты имеют возможность проявить себя вне зависимости от стартовых условий. Путь этот, впрочем, требует преодоления вызовов: стремительное развитие технологий несет риски быстрого устаревания программ, конкуренция с онлайн-платформами растет, а административные барьеры порой сдерживают инновации. Успешное движение вперед требует от вузов и колледжей постоянной готовности к обновлению и гибкости в подходах.

Таким образом, современное образование – это мост к будущему, но, чтобы он был прочным, его нужно постоянно укреплять инновациями и гибкостью. Успех кроется в умении видеть горизонты и смело идти к ним. Более того, сегодня стоит задача не просто «оснастить» образование технологиями, а глубже задуматься над тем, каким мы хотим видеть сам процесс познания. И здесь очень важны объединение усилий преподавателей, студентов и администрации, гармония, сочетание мудрости традиций со смелыми экспериментами. Важно помнить, что центр всех перемен – люди. Это студенты, жаждо впитывающие знания и мечтающие применить их, и педагоги, искренне болеющие за успех каждого своего

подопечного. Когда в учебном сообществе царит взаимное уважение и общая цель, даже масштабные преобразования превращаются в увлекательное совместное путешествие вперед. Образование перестает быть гонкой за «апгрейдом» и становится осмысленным путем роста – и для отдельного человека, и для общества в целом.

Молодежь сегодня не просто не боится перемен – она их ждет и активно формирует свои запросы к обучению. Это мощный сигнал для учебных заведений: программы должны четко откликаться на ожидания студентов, органично вплетая в себя и современные технологии, и искусственный интеллект. Неудивительно, что более 80 % студентов видят огромную ценность в курсах по ИИ – интерес к этой области растет. Использование ИИ уже стало частью учебной повседневности. Факт: свыше 65 % студентов либо уже применяют ИИ в своих проектах, либо планируют это сделать (хотя не всегда афишируют). Они интуитивно чувствуют: эти навыки – не просто «галочка», а реальное конкурентное преимущество, ключ к уверенности в завтрашнем дне.

Какие же компетенции студенты считают самыми важными? Аналитический склад ума, критическое мышление и умение работать с данными – вот их безусловные фавориты, востребованные и в учебе, и в будущей карьере. Этим навыкам просто необходимо уделить особое место в программах.

Студенты также голосуют за дина-

мику: каждый второй находит интерактивные методы (симуляции, геймификацию) не просто «интересными», а по-настоящему полезными, делающими учебу живой и эффективной. И закономерный финал: более 70 % «продвинутых» в ИИ студентов искренне надеются, что их знания заметят и высоко оценят работодатели. Это четкий ориентир для учебных заведений: подготовка должна максимально приближаться к реальным задачам рынка, предоставляя студентам не абстрактные теории, а практические инструменты для будущих побед.

Обсуждение результатов

Рекомендации по модернизации инженерно-экономического образования. Чтобы наши образовательные программы действительно отвечали вызовам времени, важно творчески переосмыслить содержание учебных курсов. Ключевой шаг – органично вплести в них современные цифровые инструменты, найдя ту самую золотую середину между фундаментальными управлеченческими знаниями и актуальными технологическими навыками. Можно представить, как оживают занятия, когда студенты на практике осваивают аналитические системы в специальных модулях, учатся автоматизировать бизнес-процессы в лабораториях или разбирают реальные истории цифровых трансформаций компаний через кейсы [Камнев, 2020; Лоханова, 2023].

Но теория становится по-настоящему ценной, лишь пройдя проверку жизнью. Вот почему так важно создавать пространство для живого участия: предлагать стажировки, где можно прикоснуться к реальным бизнес-процессам, разрабатывать проекты рука об руку с партнерами-компаниями, решать актуальные задачи предприятий на хакатонах, создавать университетские бизнес-инкубаторы как стартовые площадки для идей. Это не просто обучение – это формирование опыта, который становится прочным фундаментом будущей карьеры в мире управления и технологий.

Пересматривая программы, давайте сделаем акцент на развитии у студентов ключевых качеств современного профессионала: гибкого аналитического мышления, умения критически оценивать информацию, работать с разными данными, уверенно чувствовать себя в цифровой среде и легко адаптироваться к переменам. Сегодня у нас есть уникальный шанс сделать обучение увлекательным путешествием! Благодаря игровым симуляторам будущие специалисты могут погружаться в реалистичные бизнес-сценарии, где каждое решение имеет вес и последствия. Виртуальная реальность открывает двери для отработки сложных кейсов без риска для реального дела. А интерактивные тренажеры, подстраивающиеся под каждого, помогают двигаться в своем темпе [Серкина, 2023; Холмс, 2022].

При этом нельзя забывать, что технологии – лишь мощный инструмент в руках педагога. Развитие самих преподавателей не менее важно: стажировки в компаниях для понимания современных бизнес-реалий, площадки для обмена опытом с коллегами, знакомство с лучшими педагогическими находками, активное участие в профессиональных сообществах, где вместе ищут ответы на вызовы времени [Шихгафизов, 2023; Тихомирова, 2023].

Таким образом, современное образование – это в первую очередь фокус на человеке и его развитии. Оно призвано раскрывать потенциал студентов, вооружая их не только знаниями и передовыми технологиями, но и уверенностью в своих силах. Преподавателям же оно дает возможность видеть смысл в каждом уроке, зная, что их труд воплощается в успехах выпускников, готовых принести пользу с самого начала карьеры.

Обновленная образовательная среда создает ту самую вдохновляющую атмосферу, где студенты не просто учатся, а готовятся к полноценной жизни в профессии. Она позволяет технологиям не заменять живое общение, а обогащать его, открывая пути к персонализированному подходу для каждого. Главное, сохранить в центре внимания человека, его потребности и мечты. Чтобы каждый студент чувствовал: его будущее важно, о нем заботятся.

Именно такой путь – с чуткостью к студентам и пониманием

запросов рынка – позволит нам растить не просто исполнителей, а мыслящих, ответственных профессионалов, способных менять мир к лучшему. Образование, наполненное смыслом и человечностью, – вот наш надежный компас в этом увлекательном, хотя и непростом, путешествии.

Преподаватели о будущем образования: между традициями и инновациями

В ходе интервью с опытными преподавателями управленческих вузов (был только опрос, но беседы на тему ИИ невольно происходили) стало очевидно, что эти люди глубоко заботятся о будущем своих студентов. Один из преподавателей поделился: «Мы не можем оставаться в прошлом, когда мир так быстро меняется». В их глазах можно было увидеть не страх, а решимость – готовность к переменам во благо своих учеников.

Результаты нашего исследования показали впечатляющее единодушие: более 80 % преподавателей признали, что необходимо больше обсуждать с студентами тему искусственного интеллекта. Однако, как это сделать наилучшим образом, остается открытым вопросом, который на самом деле беспокоит преподавателей. Эти люди, которые многие годы совершенствовали свои методики, сталкиваются с выбором: сохранить проверенные временем подходы, освоить новые технологии, или найти золотую середину между этими двумя путями.

«Представьте себе, – улыбается профессор кафедры менеджмента, – Я уже тридцать лет преподаю, а теперь изучаю VR-технологии. Но знаете что? Когда видишь, как студенты восхищаются, понимаешь, что это стоит того».

Особенно трогательно наблюдать, как преподаватели, многие из которых прошли учебу еще в до-компьютерную эпоху, искренне стараются передать студентам этику ИИ, обучить их критическому мышлению по отношению к технологиям и подготовить не просто специалистов, а ответственных профессионалов. «Мы не просто передаем знания, – задумчиво отмечает один из участников опроса. – Мы помогаем молодым людям найти свое место в этом новом, стремительно меняющемся мире». В этих словах заключается основа того, что означает быть истинным педагогом в XXI веке.

Хотя лекции и семинары продолжают оставаться основными формами обучения, многие преподаватели уже экспериментируют с интерактивными форматами, осознавая их ценность для привлечения студентов. «Наблюдая, как студенты (не компьютеры) размышляют во время деловой игры или работы над реальным проектом, понимаешь: это именно то, что необходимо современному образованию», – делится один из опытных преподавателей.

«Такие навыки, как аналитическое мышление, критическое мышление, работа с данными, становятся основой для профессионального

роста в эпоху цифровых технологий», – отмечает профессор кафедры информационных систем.

Практико-ориентированное обучение становится центральным. Преподаватели активно ищут возможности для сотрудничества с бизнесом:

- совместные учебные проекты с реальными компаниями;
- производственные практики с погружением в рабочие процессы;
- приглашение практиков для проведения мастер-классов.

«Лучший способ понять искусственный интеллект – применить его для решения конкретной бизнес-задачи», – считают преподаватели, внедряющие case-study подход [Сундукова, 2024; Шарипов, 2024; Кузьмина, 2023].

Сегодня этический аспект технологического развития становится все более актуальным. Опросы показывают, что 95 % преподавателей включают в свои курсы обсуждение вопросов ответственности за алгоритмические решения, защиту личных данных, предвзятость искусственного интеллекта, социальные последствия автоматизации и т. д.

«Мы настаиваем на том, что технологии должны быть подчинены человеку, а не наоборот. Это принцип, который мы стремимся внедрить в сознание наших студентов», – подчеркивает доцент кафедры этики бизнеса. «Мы находимся лишь в начале пути к трансформации образования, где традиционные ценности переплетаются с инновационными подходами», – отмечает декан факультета отраслевого ме-

неджмента. Обнадеживает тот факт, что преподаватели проявляют готовность к изменениям.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что управлеченческое образование находится в процессе трансформации, при этом все участники образовательного процесса активно вовлечены в диалог. Студенты проявляют интерес к цифровым технологиям, преподаватели сохраняют мудрость традиционных подходов, но открыты для инноваций, а бизнес-сообщество заинтересовано в квалифицированных кадрах. Особенно важно, что эта трансформация происходит осознанно и не просто добавляет новые темы в программы обучения, а стремится к сбалансированному сочетанию технических навыков с критическим мышлением, цифровых инструментов с этической рефлексией, академических знаний с практической мудростью. Эти изменения не только отражают тренды современного мира, но и способствуют развитию лучших практик в управлеченческом образовании. Важно, чтобы университеты оставались актуальными и соответствовали потребностям современного рынка труда, сохраняя при этом гуманистическое измерение образовательного процесса. Эта живая дискуссия и взаимодействие между участниками образовательного процесса являются ключевыми элементами успешной трансформации управлеченческого образования. Важно продолжать стремиться к инновациям и разви-

тию, учитывая потребности и ожидания всех заинтересованных сторон. Важно, чтобы образовательный процесс был органичным.

Для достижения этих целей необходимо постоянно обновлять учебные программы, развивать преподавательский состав и строить устойчивые партнерства. Главная цель всех участников процесса – помочь студентам стать самостоятельными и ответственными

профессионалами, способными применять технологии для решения реальных проблем.

Исследование вселило надежду: когда университеты, бизнес и студенты работают вместе, образование перестает быть просто подготовкой к профессии. Оно может стать ключом к будущему. И тогда технологический прогресс – не самоцель. Он служит для развития человеческого потенциала.

Библиографический список

1. Аганбегян А. Г. О приоритетном развитии сферы экономики знаний // Экономическое возрождение России. 2021. № 1(67). С. 15–22. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-1-67-15-22>.
2. Байханов И. Б. Инновационные педагогические средства формирования электоральной культуры будущего педагога // Социально-политические исследования. 2023. № 4(21). С. 124–136. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_4_21_124.
3. Бермус А. Г. К проблеме исследования программирования в непрерывном образовании в полевом подходе // Непрерывное образование: XXI век. 2020. № 1. С. 2–19. <https://doi.org/10.15393/j5.art.2020.5345>.
4. Бодрунов С. Д. Возвращение индустрии – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 17–21.
5. Бурова В. С. Цифровое сопровождение взаимодействия педагогов и родителей обучающихся начальной школы // Социально-политические исследования. 2023. № 4(21). С. 156–171. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_4_21_156.
6. Гольтиянина И. Ю. Профессиональная квалификация и профессиональные компетенции как основа профессионального образования / И. Ю. Гольтиянина, Н. Я. Гарафутдинова, В. М. Филиппов, С. Г. Корешева // Социально-политические исследования. 2023. № 2(19). С. 140–157. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_2_19_140.
7. Дятлов С. А. Цифровые блага в сервисно-цифровой экономике / С. А. Дятлов, К. В. Кудрявцева // Инновации. 2020. № 3(257). С. 60–65. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.257.3.0091>.
8. Камнев В. М. О понятии медиаобразования // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 9–12. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-9-12>.
9. Кичерова М. Н. Неформальное образование: международный опыт признания компетенций / М. Н. Кичерова, Е. В. Зюбан, Е. О. Муслимова // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 126–158. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-126-158>.

10. Козлова Т. А. Современная философия образования и современная философская антропология: совместные проблемы и пути взаимодействия // Непрерывное образование: XXI век. 2019. № 3. С. 18–27.
11. Кузу О. Х. Цифровизация в высшем образовании: тематическое исследование планов стратегического развития // Высшее образование в России. 2020. № 3. С. 9–23. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-29-3-9-23>.
12. Кузьмина Е. Ю. Изменение компетенций сотрудников под запросы бизнеса // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 168–171. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-168-171>.
13. Куренной В. А. Философия либерального образования: принципы // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 8–39. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-8-39>.
14. Лоханова В. Н. Роль стандартизации в нормировании образовательного процесса высшей школы / В. Н. Лоханова, С. А. Антонов // Экономика, предпринимательство и право. 2023. № 4 (13). С. 1235–1252. <https://doi.org/10.18334/epp.13.4.117484>.
15. Меренков А. В. Практики организации подготовки инженерных кадров, востребованных индустрией 4.0 / А. В. Меренков, О. Я. Мельникова // Инженерное образование. 2021. № 29. С. 23–33. https://doi.org/10.54835/18102883_2021_29_2.
16. Серкина Я. И. Риски цифровизации образовательного пространства как дигитальные демаркаторы корпоративной среды современного вуза / Я. И. Серкина, А. Э. Ушамирский, Г. А. Ельникова // Цифровая социология. 2023. № 3 (6). С. 34–44. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-3-34-44>.
17. Сундукова Г. М. Проблемы и перспективы цифровизации бизнес-процессов компаний / Г. М. Сундукова, Л. Н. Деревягина, А. Н. Гелетий // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 2(63). С. 128–132. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-2-63-128-132>.
18. Тихомирова Л. Ф. Отношение студентов педагогического вуза к дистанционному обучению // Социально-политические исследования. 2023. № 3(20). С. 137–151. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_3_20_137.
19. Холмс У. Искусственный интеллект в образовании: перспективы и проблемы для преподавания и обучения / У. Холмс, М. Бялик, Ч. Фейдел ; пер. с англ. Москва : Альпина ПРО, 2022. 301 с.
20. Шарипов Ф. Ф. Основные направления внедрения результатов исследований систем искусственного интеллекта в отечественное производство / Ф. Ф. Шарипов, М. А. Дьяконова // Вестник университета. 2024. № 2. С. 16–22. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-2-16-22>.
21. Шихгafизов П. Ш. Влияние цифровой грамотности на субъективное благополучие молодого населения региона / П. Ш. Шихгafизов, Е. В. Конищева, С. А. Котляров // Цифровая социология. 2023. Т. 6, № 4. С. 61–66. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-61-66>.

Reference list

1. Aganbegian A. G. O prioritetnom razvitiu sfery jekonomiki znanij = On the priority development of the knowledge economy // Jekonomiceskoe vozrozhdenie Rossii. 2021. № 1(67). S. 15–22. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-1-67-15-22>.

2. Bajhanov I. B. Innovacionnye pedagogicheskie sredstva formirovaniya jektoral'noj kul'tury budushhego pedagoga = Innovative pedagogical means of forming the electoral culture of the future teacher // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2023. № 4(21). S. 124–136. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_4_21_124.
3. Bermus A. G. K probleme issledovaniya programmirovaniya v nepreryvnym obrazovanii v polevom podhode = To the problem of programming research in continuing education in the field approach // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. 2020. № 1. S. 2–19. <https://doi.org/10.15393/j5.art.2020.5345>.
4. Bodrunov S. D. Vozvrashhenie industrii – vozvrashhenie Gjelbrejta: ot NIO.2 k noosfernoj civilizacii = Return of industry – return of Galbraith: from NIO.2 to noospheric civilization // Jekonomiceskoe vozrozhdenie Rossii. 2017. № 2(52). S. 17–21.
5. Burova V. S. Cifrovoe soprovozhdenie vzaimodejstvija pedagogov i roditelj obuchajushchihsja nachal'noj shkoly = Digital support for the interaction of teachers and parents of primary school students // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2023. № 4(21). S. 156–171. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_4_21_156.
6. Gol'tjapina I. Ju. Professional'naja kvalifikacija i professional'nye kompetencii kak osnova professional'nogo obrazovaniya = Professional qualifications and professional competencies as the basis of vocational education / I. Ju. Gol'tjapina, N. Ja. Gara-futdinova, V. M. Filippov, S. G. Koresheva // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2023. № 2(19). S. 140–157. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_2_19_140.
7. Djatlov S. A. Cifrovye blaga v servisno-cifrovoj jekonomike = Digital goods in the service-digital economy / S. A. Djatlov, K. V. Kudrjavceva // Innovacii. 2020. № 3(257). S. 60–65. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.257.3.0091>
8. Kamnev V. M. O ponjatii mediaobrazovanija = On the concept of media education // Voprosy filosofii. 2020. № 3. S. 9–12. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-9-12>.
9. Kicherova M. N. Neformal'noe obrazovanie: mezhdunarodnyj opyt priznaniya kompetencij = Non-formal education: international experience in competency recognition / M. N. Kicherova, E. V. Zjuban, E. O. Muslimova // Voprosy obrazovaniya. 2020. № 1. S. 126–158. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-126-158>.
10. Kozlova T. A. Sovremennaja filosofija obrazovanija i sovremennaja filosofska-ja antropologija: sovmestnye problemy i puti vzaimodejstvija = Modern philosophy of education and modern philosophical anthropology: joint problems and ways of interaction // Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek. 2019. № 3. S. 18–27.
11. Kuzu O. H. Cifrovizacija v vysshem obrazovanii: tematiceskoe issledovanie planov strategicheskogo razvitiya = Digitalization in higher education: a thematic study of strategic development plans // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2020. № 3. S. 9–23. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-29-3-9-23>.
12. Kuz'mina E. Ju. Izmenenie kompetencij sotrudnikov pod zaprosy biznesa = Changing the competencies of employees for business requests // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij). 2023. № 4(61). S. 168–171. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-168-171>.
13. Kurennoj V. A. Filosofija liberal'nogo obrazovanija: principy = Philosophy of liberal education: principles // Voprosy obrazovaniya. 2020. № 1. S. 8–39. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-1-8-39>.

14. Lohanova V. N. Rol' standartizacii v normirovaniy obrazovatel'nogo processa vysshej shkoly = The role of standardization in rationing the educational process of higher education / V. N. Lohanova, S. A. Antonov // Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. 2023. № 4 (13). S. 1235–1252. <https://doi.org/10.18334/epp.13.4.117484>.
15. Merenkov A. V. Praktiki organizacii podgotovki inzhenernyh kadrov, vostrebovannyh industriej 4.0 = Practices for organizing the training of engineering personnel demanded by industry 4.0 / A. V. Merenkov, O. Ja. Mel'nikova // Inzhenernoe obrazovanie. 2021. № 29. S. 23–33. https://doi.org/10.54835/18102883_2021_29_2.
16. Serkina Ja. I. Riski cifrovizacii obrazovatel'nogo prostranstva kak digital'nye demarkatory korporativnoj sredy sovremennoj vuza = Risks of the educational space digitalization as digital demarcators of the corporate environment at a modern university / Ja. I. Serkina, A. Je. Ushamirskij, G. A. El'nikova // Cifrovaja sociologija. 2023. № 3 (6). S. 34–44. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-3-34-44>.
17. Sundukova G. M. Problemy i perspektivy cifrovizacii biznes-processov kompanii = Problems and prospects of digitalization of the company's business processes / G. M. Sundukova, L. N. Derevjadina, A. N. Geletij // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij). 2024. № 2(63). S. 128–132. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-2-63-128-132>.
18. Tihomirova L. F. Otnoshenie studentov pedagogicheskogo vuza k distacionnomu obucheniju = The attitude of students at a pedagogical university to distance learning // Social'no-politicheskie issledovaniya. 2023. № 3(20). S. 137–151. https://doi.org/10.20323/2658_428X_2023_3_20_137.
19. Holms U. Iskusstvennyj intellekt v obrazovanii: perspektivy i problemy dlja prepodavanija i obuchenija = artificial intelligence in education: perspectives and challenges for teaching and learning / U. Holms, M. Bjalik, Ch. Fejdel; per. s angl. Moskva: Al'pina PRO, 2022. 301 s.
20. Sharipov F. F. Osnovnye napravlenija vnedrenija rezul'tatov issledovanij sistem iskusstvennogo intellekta v otechestvennoe proizvodstvo = The main directions for implementing the results of research on artificial intelligence systems in national production / F. F. Sharipov, M. A. D'jakonova // Vestnik universiteta. 2024. № 2. S. 16–22. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-2-16-22>.
21. Shihgafizov P. Sh. Vlijanie cifrovoj gramotnosti na sub#ektivnoe blagopoluchie molodogo naselenija regiona = The impact of digital literacy on the subjective well-being of the region's young population / P. Sh. Shihgafizov, E. V. Konishheva, S. A. Kotljarov // Cifrovaja sociologija. 2023. T. 6, № 4. S. 61–66. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-61-66>.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

2025 – № 4 (29)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 24,5 п. л., 12,5 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 165. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 24.12.2025

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Республикаанская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44